

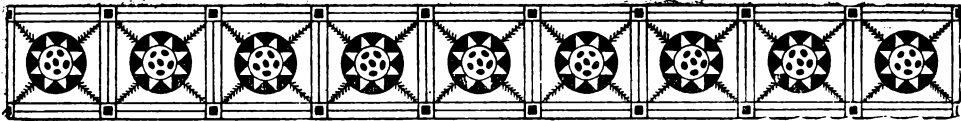

**ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLÉMENT**

**APPIANI
MITHRIDATICA
SYRIACA**

**АППИАН
МИТРИДАТОВЫ ВОЙНЫ
СИРИЙСКИЕ ДЕЛА**

ВВЕДЕНИЕ

Включение государств и народов восточной половины Средиземного моря в состав Римского государства совершалось в течение почти двух столетий, в процессе напряженных военных столкновений Рима с эллинистическими монархиями, союзами городов и племенами, и сопровождалось рядом острых социальных потрясений и антиримских восстаний.

Наиболее тяжелой оказалась для Рима борьба с сирийским царем Антиохом III Великим и еще более опасной — с Митридатом VI Эвпатором, царем Понта.

Войны римлян с этими последними выдающимися эллинистическими монархами, пытавшимися противопоставить Риму крупные восточные государства, получили широкое освещение как в исторических сочинениях современников, так и в последующей античной историографии. Но эти сочинения в большинстве своем утрачены. Единственный дошедший до нас труд, содержащий наиболее полное и последовательное изложение этих событий, — «Римская история» Аппиана. Труд Аппиана состоял из 24 книг.

Из них полностью сохранилось 10 книг, в том числе *Συριακή* и *Μιθριδατική*.

Аппиан, живший и писавший в середине II в. н. э., принадлежал к тому новому служилому сословию, которое выросло и заняло прочное место в римской империи при Антонинах. Грек, уроженец Александрии, адвокат по профессии, Аппиан достиг должности прокуратора императорского фиска, получил римское гражданство и, наконец, был введен во всадническое сословие. Будучи искренним сторонником современных ему римских политических порядков и считая демократию «всегда бесполезной» (Гражд. в., IV, 133), Аппиан поставил себе задачей написать обширную историю Рима и покоренных им народов. Это определило и общий характер, и особенности композиции труда Аппиана. Главное место в его труде занимают войны Рима как внешние, так и междоусобные. Описывая их историю, он прослеживает постепенное расширение римского государства, рост его могущества и его внутреннее развитие, но Аппиан излагает исторический материал не в хронологической последовательности событий, развивающихся в самом Риме, а группирует его по этнографическому признаку, давая таким образом последовательный ряд историй завоевания почти всех римских провинций. События собственно римской истории, которую Аппиан начинает с самого раннего периода, он излагает по наиболее важным войнам. Этой особенности построения труда Аппиана мы обязаны рядом ценных сведений по истории эллинистических царств и, в особенности, — истории подчинения их римлянами.

Труд Аппиана был вызван потребностями городского общества того времени, ими же определялись характер и качественный уровень его произведения. Аппиан, повидимому, не ставил своей целью создать углубленное исследование. Он стремился написать популярное, рассчитанное на не особенно взыскательного читателя, историческое сочинение, которое должно было показать превосходство, закономерность и целесообразность установившегося во всем тогдашнем мире римского господства.

«Сирийская война» Аппиана — сравнительно небольшое произведение. Центральное место занимает здесь история войны Антиоха III с Римом (§§ 1—39). Затем Аппиан кратко излагает историю царства Селевкидов, вплоть до превращения его в рим-

скую провинцию (§§ 42—52), после чего, возвращаясь вспять, дает очерк борьбы преемников Александра Македонского за власть и, наконец, — историю возникновения Селевкидского государства и его первых правителей. Главное внимание автора сосредоточивается здесь на личных взаимоотношениях селевкидских царей, дворцовых интригах и династической борьбе.

По основной теме данной книги Аппиана, т. е. теме о войне с Антиохом III, кроме рассказа Аппиана, мы обладаем подробным рассказом Тита Ливия (кн. 35—37), рядом фрагментов из «Всемирной истории» Полибия и краткими сообщениями других античных авторов.

Главная ценность этой книги Аппиана заключается в том, что он дает, хотя и краткий, но цельный и последовательный обзор истории царства Селевкидов.

История «Митридатовых войн» является для нас еще более важным историческим источником. Эта книга по объему значительно больше «Сирийских войн»: главная ее часть — войны Рима с понтийским царем Митридатом — охватывает исторические события на протяжении почти сорока лет. Хотя в плутарховых биографиях Суллы (5, 11—26), Лукулла (2—27) и Помпея (30—42) содержится обширный материал по истории этих войн и хотя краткие сведения о них мы черпаем и у ряда других античных писателей (Посидоний, Флор, Евтропий, Юстин, Мемнон, Орозий и др.), однако только у Аппиана содержится наиболее полный, изложенный с хронологической последовательностью, рассказ об этих событиях. Данная книга рассказывает о всех трех войнах Митридата с Римом, но внимание автора сосредоточивается главным образом на событиях первой Митридатовой войны, и ее описание занимает почти половину всей книги (§§ 11—63). Рассказывая об этой войне, Аппиан не ограничивается описанием только военных событий, но сообщает ряд важных сведений по истории малоазийских греческих городов и описывает то антиримское движение и те проявления классовой борьбы, которые сопровождали эту войну. Рассказ Аппиана о событиях третьей Митридатовой войны менее обстоятелен и подробен. Конец книги посвящается походу Помпея в Сирию и Палестину, его триумфу в Риме и краткому обзору истории Понтийского царства после смерти Митридата и до похода Юлия Цезаря против Фарнака. Кроме того, в начале этой книги Аппиан поместил очерк истории Вифинского царства, которое сыграло не последнюю роль в возбуждении военных столкновений римлян с понтийским царем. Рассказывая о третьей Митридатовой войне, Аппиан считает необходимым остановиться и на войне с пиратами (§§ 92—94): «так как, — говорит он, — рассказ об этом не встречается ни в каком специальном сочинении, то я считаю нужным включить его в эту часть своей работы» (Митр., 91).

Весь труд Аппиана, в том числе книги о Сирийских и Митридатовых войнах, стоит по своим качествам значительно ниже блестящих образцов римской историографии, представленных сочинениями таких авторов, как Полибий, Саллюстий, Тацит и др.

Аппиан не является самостоятельным исследователем, а компилирует свою «Римскую историю» на основе существовавших в его время исторических сочинений. Сам Аппиан не называет своих источников, хотя во вступлении и говорит, что читал «многих греческих и римских писателей».

Вопрос об источниках Аппиана, вызвавший ряд специальных исследований, весьма сложен и остается окончательно нерешенным.

Современники Митридатовых войн располагали значительным документальным материалом как понтийского, так и римского происхождения. Известно, что в руки Помпея в 65 г. до н. э. попал архив самого Митридата, содержавший мемуары царя, его переписку, официальные документы и т. д. Однако установить какие-либо следы серьезного использования античными историками этого материала сейчас не удастся. Среди римских источников важное место занимали официальные донесения военачальников восточных армий, сенатские постановления, различные официальные документы, надписи, бывшие неотъемлемой частью триумфов, а также речи политических деятелей, которые произносились в эти годы в Сенате и на Форуме. В большинстве случаев все эти документы, в особенности речи ораторов, представляли собой материал в высокой мере субъективный, имея целью не столько сообщить о событиях или фак-

тах, сколько использовать их для целей политической борьбы. Именно эти донесения, триумфальные надписи, ораторские выступления и т. д. и дали легковерным историкам конца республики те громадные цифры уничтоженных врагов и взятых городов, те преувеличенные оценки побед и подвигов полководцев на Востоке, которые от этих авторов перешли в последующую историографию.

Важным документом данной эпохи были мемуары Суллы, командующего римской армией в первой Митридатовой войне. Однако историк мог использовать этот источник лишь с большой осторожностью, как документ сугубо субъективный, несомненно, имеющий целью прославить подвиги самого автора. Другим источником иного рода являются записки Публия Рут依лия Руфа, бывшего легата проконсула Азии, Муция Сцеволы. Рут依лий был по прояскам своих политических противников осужден за злоупотребления в провинциях и удален в Малую Азию, где прожил 15 лет, сначала в Митилене, затем в Смирне. Он оставил беспристрастное, правдивое и подробное описание первой Митридатовой войны, в особенности, повидимому, по части событий в Малой Азии.

История Митридатых войн получила в той или иной степени отражение и в трудах современных авторов. Следует упомянуть об анналистах времени Суллы Валерии Анциате и Клавдии Квадригари, произведения которых оказали значительное влияние на последующую историографию. Впрочем, судя по фрагментам их не дошедших до нас трудов и по заимствованиям из них последующих историков, это были авторы легковерные, воспринявшие без критики весь тенденциозный материал своего времени. Другой современный автор, Сизенна, приверженец Суллы, получивший по милости диктатора высокие государственные должности, составил обширный труд, охватывающий в частности всю историю первой Митридатовой войны. Его обстоятельная и достоверная история получила положительную оценку Цицерона. Блестящим произведением, хотя и охватывающим незначительный период интересующего нас времени, а именно походы Лукулла, была «История» Саллюстия. Кроме того, походы Лукулла и Помпея вызвали целый ряд исторических сочинений, носящих характер биографий этих полководцев. Дошедшие до нас отрывки говорят, что по своему характеру это были в большинстве случаев своего рода панегирики. Таковы в частности биографии Помпея, составленные Варроном и Теофаном из Митилены, горячими сторонниками Помпея, биография Лукулла, написанная Корнелием Непотом, и др.

Что касается греческих авторов этого периода, то наиболее важным был труд Посидония, который не только касался интересующего нас периода в своем общеисторическом сочинении, но написал и специальную монографию о восточных походах Помпея.

Историю Митридатых войн описывали и историки, так сказать, пропонтийской ориентации. Таковы Гераклид из Магнезии, Гипсикрат из Амиса, Метродор из Скепсиса, написавший историю армянского царя Тиграна II, и, наконец, Диофан, составивший общую историю Понтийского царства.

Но весь названный документальный материал и все перечисленные исторические сочинения до нас не дошли, мы осведомлены о них лишь по коротким отрывкам, содержащимся в сочинениях позднейших авторов, и по трудам, написанным на их основе.

Современные исследователи источников Аппиана приходят к единодушному мнению, что Аппиан, при составлении книги по истории Митридатых войн, к этим первоисточникам не обращался, а использовал позднейших авторов — историков конца I в. до н. э. и начала I в. н.

Существующее в науке мнение, что в основе труда Аппиана лежит какой-то один автор, в частности утверждение Юдейха, что таким автором был Страбон, не получило признания. Исследования Иордана, Фогеля, Рейнака, Шварца и др. привели к заключению, что в основе «Митридатых войн» лежал не один какой-либо определенный труд, но что Аппиан, приняв в основу известной части своего труда какого-то одного автора, дополнял его сведениями из других источников. Рейнак считает, что Аппиан менял свои источники для каждой отдельной части своей книги, желая избегнуть обвинения в плагиате (Mithr. Eur., стр. 444). Возможно, что эта смена источников объясняется тем, что, интересуясь главным образом военной историей и подбирая нужный

ему материал, Аппиан вынужден был по тому или иному вопросу обращаться к разным авторам, которых он, по его словам, читал.

Большинство современных исследователей полагает, что в основе аппианова описания первой Митридатовой войны лежит история Тита Ливия. Как известно, книги Ливия, содержащие историю Митридатовых войн (кн. 77—78; 81—83; 86; 89; 93—95; 97—98; 100—103), не сохранились. Судить о них возможно лишь по эпитамам авторов, кратко пересказывающих содержание этого труда (Флор, Евтропий, Орозий) или широко заимствующих у него (Дион Кассий, Валерий Максим, Фронтин, Аврелий Виктор и др.). Тит Ливий, как это установлено, пользовался при составлении истории Митридатовой войны широким кругом материалов. Ливий был знаком с мемуарами Суллы, и то обстоятельство, что описание ряда событий первой Митридатовой войны у Аппиана совпадает с описанием их у Плутарха (битва при Херонее, Орхомене и др.), объясняется тем, что в основе и того, и другого лежит этот общий источник, которым Плутарх пользуется непосредственно, а Аппиан — через посредство Тита Ливия. Ливием были использованы и мемуары Публия Рутилия Руфа и, по видимому, те сведения, которые сообщает Аппиан по истории малоазийских греческих городов во время первой Митридатовой войны, заимствованы именно из этих мемуаров. Кроме того, Ливий широко черпал материал из сочинений современников этой войны — как латинских авторов (Клавдия Квадригария, Валерия Анциата, Сизенны, а для II и III Митридатовых войн, кроме того, видимо, Варрона, Саллюстия и др.), так и греческих (Посидония, Теофана, поэта Архия). Несмотря на то, что широко популярна тогда история Ливия была написана на основе обширного исторического материала, она не является самостоятельным историческим исследованием. Ливий без критики заимствует весь сообщаемый его источниками материал. На события римской истории Ливий смотрит с точки зрения горячо преданного своей родине патриота.

Однако Аппиан не всегда точно следует этому своему главному источнику и в ряде мест отстает от него. Например, говоря о переговорах Митридата с римскими послами в начале войны, Аппиан пользуется каким-то иным источником, расположенным не столь благожелательно, как Тит Ливий, к Риму — возможно источником греческого происхождения, в частности Посидонием, хотя, по видимому, Аппиан не пользовался им в подлиннике. Так, Аппиан в отличие от Посидония, навывает афинского тирана Аристионом, а не Афинионом и эпикурейцем, а не перипатетиком. Но в то же время у Аппиана мы встречаем также характерный для Посидония резкий выпад против философов, причастных к демократическому движению. Все это однако не снимает общего утверждения, что основным источником здесь был Тит Ливий. При описании второй войны с Митридатом (§§64—67) Аппиан, по видимому, отказался от Тита Ливия. Сведения его в этой части по своему характеру отличаются от сведений авторов, следующих Титу Ливию. Так, в Риме военные действия Мурены, судя по выступлениям Цицерона, оценивались, как победа над Митридатом, в то время как у Аппиана говорится о поражении Мурены. Аппиан подчеркивает незаконность действий Мурены и уличает римских послов в Азии в корыстной сделке с Муреной. Третья война с Митридатом состояла из двух больших кампаний: Лукулла, с 74 по 66 г. до н.э., и Помпея, с 66 по 64 г. до н.э. Описание этих двух походов основано на двух разных источниках. Рассказ Аппиана здесь значительно расходится с данными Тита Ливия. Например, у Аппиана — иное описание сражения при Тигранокерте, нет сведений о взятии Лукуллом Низибиса, и т. д. Расхождения имеются и в личных именах, и в цифровом материале. Сравнение рассказа Аппиана с данными плутарховой биографии Лукулла, написанной на основе «Истории» Саллюстия, привело исследователей (Шварца, Лауэра, Рейнака и др.) к заключению, что в основе этой части книги Аппиана лежит труд Саллюстия, хотя он и не пользовался им непосредственно.

Шварц полагает, что этот посредник, следуя тогдашней моде, тенденциозно изменял свой источник. Рейнак считает, что таким автором, через которого Аппиан воспринимает данные как Саллюстия, так и Посидония, а также и других авторов, влияние которых в какой-то мере прослеживается на этой книге Аппиана, был Николай из Дамаска, историк и философ-перипатетик I века, бывший секретарем царя Ирода

и по его заказу написавший обширный, но компилятивный труд по римской истории, пользовавшийся в период ранней Империи широкой популярностью. Вопрос об источниках Аппиана по последнему походу Помпея еще более сложен. Основным источником Аппиана был здесь тот же автор-посредник (или посредники), которому Аппиан *еже* *дует* при описании второй войны и кампании Лукулла, но, на что указывает Рейнак, в этой части книги несомненно влияние биографии Помпея, написанной Посидонием, где подчеркиваются и преувеличиваются военные успехи Помпея, вплоть до того, что Помпею приписываются никогда не существовавшие походы в Мидию и Коммагену (Митр., 106).

Таким образом, мы с уверенностью можем сказать, что источниками Аппиана по истории Митридатовых войн были авторы сравнительно поздние и второстепенные. Кроме того, это авторы проримской ориентации, что в значительной мере предопределило освещение Аппианом событий этой войны с проримских позиций. В описании первой Митридатовой войны Аппиан находится под влиянием мемуаров самого Суллы, сочинений младших анналистов и всей тенденциозной литературы времен диктатуры Суллы. Эта просулланская тенденция проявляется не только в описании битвы при Орхомене, но и, например, в отрицательной характеристике Манья Аквилія, проводившего в Азии агрессивную захватническую политику в интересах всаднического сословия, политических противников Суллы. Аппиан указывает на связь Манья с публиканами, его корыстолюбие и вероломство. Он, по Аппиану, противозаконно, без ведома римского сената и народа, начал тяжелую и длительную войну с Митридатом. Ту же тенденциозную пристрастность находим мы в описании марианской армии, направленной на восток, и, в частности, в обрисовке Фимбрии. С другой стороны, Сулла выступает как хотя и суровый, но талантливый, разумный, предусмотрительный полководец (Митр., 45), проявивший достойную римлянина снисходительность к Митридату и мятежным греческим городам.

Лучшим историческим трудом по истории войны Рима с Антиохом III в античной историографии был несомненно труд Полибия. Этот труд был широко популярен во времена конца Республики и ранней Империи и лег в основу значительного числа исторических сочинений, включающих историю Рима II в. до н. э. Сопоставление сведений Аппиана по Сирийским войнам с дошедшими до нас фрагментами Полибия показывает большую близость рассказа Аппиана к «Всемирной истории» Полибия. Однако углубленное изучение этого вопроса привело исследователей (Шварц) к заключению, что в основе этой книги Аппиана лежит не история Полибия, а какое-то сочинение римского автора, переработавшего Полибия и соединившего его рассказ с данными римской анналистики, но всё же отличное от анналистики эпохи Суллы. Этот автор, переработавший Полибия, осветил всю историю войны с Антиохом с проримских позиций, что получило значительное отражение и в данной книге Аппиана.

Характер использованных Аппианом источников, как и политические симпатии самого автора, определили и общее освещение истории войн Рима с Антиохом и Митридатом в проримском духе.

Помимо того, что Аппиан воспринял эту общую тенденцию своих источников, он воспринял без критики и проверки и весь фактический материал, заимствованный им у того или иного автора. Сопоставление ряда сообщений Аппиана с другими, более надежными источниками обнаруживает неточности, а порой и грубые ошибки. Так, например, Аппиан ошибается, приписывая царям Понта и Каппадокии происхождение от одного рода (Митр., 9); взятие Амастриды и Гераклеи Аппиан приписывает самому Лукуллу (Митр., 12); измену Магия помещает после смерти Сертория, тогда как Серторий был убит только год спустя (Митр., 72). Трудно установить, являются ли ошибки Аппиана результатом его небрежности и недостаточной осведомленности или эти ошибки перенесены им из его источников.

Недостаток характеризуемых нами книг Аппиана составляет и неравномерность в распределении материала, а иногда и отсутствие хронологической последовательности изложения.

Так, история первой Митридатовой войны описана подробно и обстоятельно, походы же Лукулла и Помпея — более кратко, с лакунами (например, пропущено взятие Нивибиса), небрежно и как бы наспех. В «Сирийских войнах» Аппиан сначала явля-

гает войну с Антиохом III и историю царства Селевкидов после Антиоха, а потом обращается к возникновению этого царства и его первым правителям до Антиоха. Описание казни 1 600 участников заговора против Митридата идет после рассказа о расправе над хиосцами и отпадении Эфеса, хотя эта казнь имела место до этих событий.

Главное свое внимание Аппиан уделяет описанию военных действий. Как в той, так и в другой книге описание походов и отдельных военных эпизодов занимает значительное место. На втором месте стоят вопросы внешней политики и взаимоотношений эллинистических царей с Римом. Сведения по общей политической истории кратки и сжаты, иногда носят характер лишь необходимой справки (например, о правлении Селевкидов). Вместе с тем описания военных столкновений не отличаются ни драматизмом описаний Тита Ливия, ни живой красочностью Плутарха, — они однообразны и монотонны, ограничены узким кругом сведений чисто военного характера.

В подавляющем большинстве случаев Аппиан не дает характеристик исторических личностей, о которых он говорит. Его не интересует и их психологический анализ.

Несмотря на все это, книги Аппиана обладают рядом достоинств, делающих их весьма ценными в качестве исторического источника. Следует прежде всего отметить его строго фактическое изложение событий, реализм и трезвость его взглядов. Нигде не пытается он, как это было широко распространено у авторов его времени, объяснить события волей богов или неумолимым предначертанием судьбы. Иронически отзывается он о том, что Антиох все свои неудачи приписывал злему року, тяготевшему над ним (Сир., 29). Та же ирония звучит в передаче рассказа о том, что статуя богини Изиды выбросила против осаждавшего Родос Митридата огонь (Митр., 27). К данным книгам Аппиана вполне применима оценка Маркса, высказанная им о «Гражданских войнах» Аппиана (письмо к Энгельсу от 27/III — 1861 г.)¹. Аппиан, — говорит Маркс, — «старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн». В тех случаях, когда Аппиан пытается объяснить причину того или иного факта, он ищет ее в реальных исторических событиях и отношениях. Говоря о войне Помпея с пиратами, он указывает, что причина столь развившегося на море разбоя в том, что «люди, лишённые вследствие войны средств к жизни и наследственных мест жительства и впавшие в жестокую нужду, стали искать себе пропитания не на суше, а на море» (Митр., 92). Поражение Антиоха, разбитого значительно меньшей римской армией при Магнезии, Аппиан объясняет не злой судьбой Антиоха, а его стратегическими ошибками. Аппиан отчетливо понимает подлинные причины того, что греческие города охотно выполняли приказ Митридата об уничтожении всех римлян и италиков, живших в Азии: «Было ясно, — пишет он, — что Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее из ненависти к римлянам совершила против них такие ужасные поступки» (Митр., 23). Эти примеры аппианова реализма могли бы быть значительно умножены.

Разбираемые книги Аппиана почти свободны от риторичности, столь присущей всем историческим сочинениям того времени. Ни в «Сириаке», ни в «Митридатовых войнах» нет тех длинных и вычурных речей и риторических отступлений, которыми так богаты книги Ливия и других его современников. Речи у Аппиана кратки, но выразительны. Видимо, автор выбирал из тех длинных произведений ораторского искусства, которыми были уснащены его источники, только наиболее важное и существенное. Аппиан почти не отступает от изложения фактических событий и, если такие отступления встречаются, они вызваны не стремлением риторически украсить свой труд, а скорее желанием выразить свои личные мнения и чувства. Так, в «Митридатовых войнах» Аппиан сурово осуждает афинского философа Аристиона, вступившего на поприще политической деятельности и возглавившего демократическое и антиримское движение в Афинах. Здесь резко сказалось враждебное и даже презрительное отношение Аппиана к демократии, в особенности к философам демократического направления.

Каково же отношение Аппиана к двум крупнейшим этапам завоевания римлянами

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15.

Востока: Сирийским и Митридатовым войнам, и каково его отношение к двум великим проиввникам Рима — Антиоху и Митридату?

Аппиан обнаруживает здесь не только различное отношение к личности этих эллинистических царей, к которым он мог субъективно чувствовать симпатию или антипатию, но и глубокое понимание различной политической ситуации в ту и другую эпоху. Рим в начале II века не был еще готов к территориальным приобретениям в самой Азии, а вынужден был довольствоваться установлением некоего политического равновесия между эллинистическими государствами, которое позволило бы ему в то же время поддерживать в них римское влияние и даже некоторую зависимость от Рима. В войне Рима с Антиохом инициатива военного столкновения принадлежала, по мнению Аппиана, Антиоху, стремившемуся к завоеваниям не только в Азии, но и в Египте и в Европе; римляне вначале только противостояли ему в союзе с наиболее значительными государствами того времени: Родосской республикой и Пергамским царством. Сирийский царь Антиох, — говорит Аппиан, — «совершив много великих подвигов», силой и незаконно расширяет пределы своего царства (Сир., 1). Захват им греческих городов Этолии и Ионии, проникновение в Европу и укрепление Лисимахии приводит к обострению отношений царя с римлянами. «Антиох полагал, что только одни римляне будут особенно мешать, когда он будет расширяться, и помешают ему при его попытке переправиться в Европу» (Сир., 2). Со своей стороны, римляне, — пишет Аппиан, — опасались, что эта «война для них будет длительной и тяжелой», так как Антиох «был властителем всей внутренней Азии, многих народов и, за небольшим исключением, всей приморской области, так как он уже стал твердой ногой в Греции...» (Сир., 15).

Выступив против Рима, Антиох потерпел поражение. Причины этого Аппиан видит, с одной стороны, в личных недостатках царя, с другой — в превосходстве римской военной техники. По мнению Аппиана, «Антиох был всегда и в остальных делах человеком пустым и с быстро меняющимся настроением» (Сир., 28). Главными его недостатками были «необдуманная поспешность и отсутствие ясного плана» (Сир., 37), Антиох, по мнению Аппиана, легкомысленно вступил в Грецию с небольшим войском. При поражениях Антиох «впадал в глубокое отчаяние и собственные ошибки приписывал злему року» (Сир., 29).

Эта характеристика, воспринятая в известной мере Аппианом от враждебных сирийскому царю авторов, оказала влияние на последующую историографию. Моммзен в своей «Римской истории» считает Антиоха царем, достигшим значительных успехов скорее благодаря ослаблению соседних государств, чем в силу своих личных качеств¹.

Оценка Антиоха, которую дает Аппиан, все же слишком пристрастна и субъективна. Нельзя не признать, что Антиох был выдающейся личностью, что он обладал огромной энергией, настойчивостью и организаторским талантом. Он не только сумел приостановить распад Селевкидского государства, но и вернуть часть его исконных владений, отважно встал во главе антиримского движения, поставившего своей целью освобождение греческого мира от надвигающейся опасности римского порабощения.

Причины поражения Антиоха могут быть объяснены теми противоречиями, которые существовали тогда в греко-эллинистическом мире и которые не позволили ему создать достаточно сильную антиримскую коалицию, а также и превосходством военной техники римлян, на что указывает и Аппиан. Казалось невероятным, говорит он, «одержать такую победу более малочисленному войску над гораздо большим, и при этом — в чужой земле...» (Сир., 37).

По иному Аппиан относится к Митридату. Несмотря на всю враждебность римской историографии к Митридату, римские историки не могли не признать его «величайшим из царей, с которым когда-либо Риму приходилось вести войну»;² со смертью его римляне «в его лице избавились сразу от десяти тысяч врагов»³. Аппиан не только

¹ Римск. ист., т. I, стр. 682.

² А п п и а н, Митр., 113; Ц и ц., Pro Murena, XV, 32; Светон., Цез., 35; Евтр., VI, 22.

³ П л у т., Помп., 41—42; А п п., Митр., 113; Ц и ц., De prov. consul., 11.

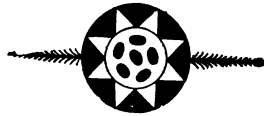
воспринял эту оценку Митридата, но и составил свое собственное суждение о личности понтийского царя.

Прежде всего, Аппиан хорошо понимает сущность изменения внешней политики Рима на Востоке столетие спустя после войны с Антиохом. Римляне прочно утвердились в Азии, превратив в свою провинцию бывшее Пергамское царство, и стремятся теперь к распространению своего господства далее, в глубь полуострова. Эти черты внешней политики Рима четко обрисованы Аппианом в «Митридатových войнах». В результате военных походов Митридата, его доселе небольшое государство распространилось далеко на восток от реки Галиса, включив в свои пределы даже северное побережье Черного моря. Попытка Митридата подчинить себе соседние малоазийские царства приводит его к столкновению с Римом. Аппиан подчеркивает здесь два очень важные обстоятельства. Во-первых, что Митридат более всего стремится захватить Вифинию для того, чтобы овладеть проливами в Черное море, являвшимися выходом для Понтийского царства в средиземноморский мир: послы Митридата к римлянам непрерывно жалуются, что «Никомед (царь Вифинии) закрыл вход в Понт» (Митр., 12), что «морские пути перерезаны» (Митр., 14); во-вторых, что римляне сами «с завистью смотрели на страну, подвластную Митридату, становящуюся очень крупной, и желали... разделить ее на несколько частей» (Митр., 10), и что война началась по инициативе римского командования и римской провинциальной администрации: римские послы в Азии «настаивали» (Митр., 11) на открытии Никомедом военных действий против Митридата.

В обрисовке Аппиана Митридат выступает как непримиримый враг Рима, понимающий, что в войне его с римлянами дело идет о самом существовании независимого Понтийского царства и о господстве во всей Малой Азии и восточной части Средиземного моря (Митр., 68—69). Митридат, говорит Аппиан, человек «столь благоразумный», «совершил много великих деяний» и «не оставлял ни одного пути, чтобы не попытаться напасть на римлян, даже будучи побежденным»; «даже в несчастиях был велик и не поддавался отчаянию» (Митр., 112). Митридат, по характеристике Аппиана, хотя и был «склонен к убийству и свиреп по отношению ко всем», однако был высоко одаренным человеком, любившим «эллинскую культуру» и музыку (Митр., 112).

Созданный Аппианом образ последнего выдающегося эллинистического царя, талантливого организатора и полководца, в течение 40 лет оспаривавшего у Рима право на господство на Востоке, оказал огромное влияние на последующую историческую литературу.

О. И. Севастьянова

МИТРИДАТОВЫ ВОЙНЫ

1. Греки полагают, что фракийцы, отправившиеся походом под предводительством Реса на Илион, после того как Рес ночью был убит Диомедом (каким образом,—об этом рассказывает Гомер в своих песнях), что эти фракийцы бежали к устью Понта, там, где самая узкая переправа во Фракию; одни из них, не найдя судов, остались тут и завладели землей, так называемой Бебрикией; другие же, переправившись выше Византии в страну так называемых вифинских фракийцев, поселились у реки Вифии, но, измученные голодом, вновь вернулись в Бебрикию и назвали ее вместо Бебрикии Вифинией, по имени той реки, у которой они хотели поселиться; а может быть, это имя перешло к ним с течением времени и без этого повода, так как не так уже велико расстояние между Вифинией и Бебрикией. Такого мнения держатся некоторые; другие же полагают, что вначале царем у них был Вифий, сын Зевса и Фраки, от которых и даны имена той и другой земле.

2. Таковы мои предварительные замечания о Вифинии. Что же касается ее царей, бывших до римлян, последовательно правивших один за другим в течение сорока девяти лет,—так как я пишу римскую историю, я укажу тех, кто по моему мнению заслуживает особого внимания. У них был царем Прусий, по прозванию «Охотник», за которого македонский царь Персей выдал замуж свою сестру. Когда немного позднее Персей и римляне вступили друг с другом в открытую войну, этот Прусий не выступил ни на той, ни на другой стороне. Когда Персей был взят в плен, то Прусий встретил римских военачальников, одетых в римское одеяние, которое они называют тогой (τήβεννον), в римской обуви, со стриженной головой, надев на нее пилум—в таком костюме появляются те, которые получают вольную по завещанию; и вообще-то он был с виду некрасив и низкого роста. Встретившись с ними, он сказал им на римском наречии: «Я либерт римлян», т. е. вольноотпущенник. Он вызвал смех и был отправлен в Рим; и там тоже при своем появлении он показался смешным и получил прощение.

3. Спустя некоторое время, рассердившись за что-то на Аттала, царя той части Азии, которая прилегает к Пергаму, он стал опустошать землю Азии. Узнав об этом, римский сенат послал Прусию приказ не воевать с Атталом, другом и союзником римского народа. Так как он продолжал не повиноваться, то римские послы с угрозой велели ему выполнить приказ римского сената и явиться с тысячей всадников для заключения договора на границу, где, как они сказали, ожидает его Аттал тоже с тысячей всадников. Прусий, презирая малочисленную свиту Аттала и надеясь, что сумеет устроить ему засаду, отправил послов вперед, заявив, что он сейчас же придет со своей тысячей; сам же поднял все свое войско и повел его, построившее как бы для битвы.

Когда это заметили Аттал и послы, они бежали, куда только каждый из них мог; Прусий же захватил оставленный римлянами багаж и вьючных животных, взял и разрушил городок Никефорион и бывший в нем храм сжег, а Аттала, бежавшего в Пергам, осадил в нем до тех пор, пока римляне, узнав об этом, не отправили вторых послов, которые приказали Пруссию возместить убытки Атталу. Только тогда Прусий почувствовал страх, повиновался и удалился. Когда послы определили, чтобы он заплатил Атталу в качестве штрафа двадцать палубных судов немедленно и пятьдесят талантов серебром в рассрочку, то он дал корабли и сделал в срок первый взнос.

4. В то время как Прусий за свою жестокость и тяжелый характер был ненавистен своим подданным, его сын Никомед был любим всеми вифинцами. Это вызвало подозрение к нему со стороны Пруссия, и он отправил Никомеда на жительство в Рим. Узнав, что он там пользуется расположением, он поручил ему упрощать сенат освободить его от уплаты остальной суммы, которую он остался должен Атталу. Вместе с тем он отправил Мена в качестве добавочного члена посольства и этому Мене он велел, если Никомед добьется, чтобы деньги были прощены, пощадить пока Никомеда, если же он этого не добьется, то убить его в Риме. Для этой цели он дал ему несколько легких судов и две тысячи воинов. Так как штраф с Пруссия сложен не был (посланный Атталом для возражения Андроник доказал, что наложенный штраф был меньше произведенного грабежа), то Мена, видя, что Никомед достоин всякого уважения и преданности, не знал, что ему делать; он не решался ни убить его, ни самому вернуться в Вифинию вследствие страха (за неисполненное приказание). Однако, пока он колебался, юноша вступил с ним в переговоры, что соответствовало и его желанию. Договорившись составить заговор против Пруссия, они привлекли к этому делу и посла Аттала, Андроника, с тем чтобы он убедил Аттала помочь возвратить Никомеда в Вифинию. Назначив место свидания друг другу в Бернике, в маленьком городке в Эпире, они ночью, взойдя на корабль, договорились о том, что им нужно сделать, и разошлись еще ночью.

5. С наступлением дня Никомед сошел с корабля, облеченный в царскую порфиру с диадемой на голове, а Андроник, встретившись с ним, приветствовал его как царя и со своими солдатами, а их было пятьсот, стал его сопровождать. Мена же, делая вид, что он только сейчас узнал о выступлении Никомеда, бросившись к своим двум тысячам солдат, стал выражать недовольство. Но в продолжение речи он сказал: «Так как у нас два царя, один у нас на родине, а другой выступает тут, то нам необходимо позаботиться о самих себе и устроить свое будущее. Ведь в данный момент мы можем укрепить счастье своей будущей жизни, если хорошо сумеем предвидеть, кто из них победит. Один из них старик, другой — молодой; и вифинцы, к одному чувствуя отвращение, другого предпочитают. Из римлян люди могущественные любят юношу; а то, что Андроник является уже его телохранителем, показывает на союз с Атталом; а Аттал владеет большой страной, он сосед вифинцев, не раз воевавший с Прусием». Говоря так, он постепенно вскрывал и жестокость Пруссия, и то, сколько зла он сделал по отношению ко всем, и за это заслужил общую к себе ненависть вифинцев. Когда он увидал, что подлость Пруссия отвращает от него солдат, он тотчас повел их к Никомеду вслед за Андроником, тоже приветствовал его царем и со своими двумя тысячами стал его телохранителем.

6. Аттал ласково принял юношу. Он предложил Пруссию дать сыну несколько городов для жительства и страну для получения доходов. Тот ответил ему, что немедленно даст ему все царство Аттала, так как и раньше, желая приобрести его для Никомеда, он сделал нападение на Азию.

Дав такой ответ, он в то же время отправил в Рим послов с обвинением против Никомеда и Аттала, требуя, чтобы вызвали их на суд. Аттал же со своим войском двинулся в Вифинию; при их приближении вифинцы мало-помалу стали переходить на их сторону. Не доверяя никому и надеясь, что римляне избавят его от этого заговора, Прусий попросил Диэгила, царя Фракии, своего тестя, дать ему пятьсот фракийцев и, получив их, поручил себя исключительно их охране, удалившись в акрополь Никеи. Городской претор в Риме, будучи расположен к Атталу, не дал тотчас аудиенции в сенате послам Прусия; когда же, наконец, он им дал эту аудиенцию и когда сенат вынес постановление, чтобы претор выбрал и отправил послов, которые должны будут прекратить эту войну, то он выбрал трех мужей, из которых у одного была как-то камнем разбита голова, так что он ходил с ужасной раной, у другого болели ноги от ревматизма, а третий вообще считался очень глупым. Катон, смеясь над этим посольством, сказал, что у него нет ни ума, ни ног, ни головы.

7. И вот, когда послы прибыли в Вифинию с приказом прекратить войну, то Никомед и Аттал отвечали, что они согласны; но вифинцы, подученные ими, стали говорить, что они не могут больше выносить свирепости Прусия, особенно после того, как они показали ему свое нерасположение; тогда послы под предлогом, что римляне ничего этого не знали, уехали назад, не сделав ничего. Прусий, потеряв надежду на помощь римлян, на которых он особенно надеялся и потому ни у кого не думал просить помощи, удалился в Никомидию, чтобы, укрепив город, иметь возможность вести войну с наступающими. Но жители Никомидии, предав его, открыли ворота, и Никомед вступил в город с войском; Прусий бежал в храм Зевса, но был заколот людьми, подосланными Никомедом. Таким образом Никомед сделался царем над вифинцами вместо Прусия. Когда он с течением времени умер, ему наследовал его сын Никомед, которому было дано прозвище Филопатор, причем римляне своим постановлением передали ему власть над страной как отцовское наследие.

Таковы были дела в Вифинии; и если кому хочется знать вперед, что произошло потом, то я укажу, что внук этого Никомеда, тоже Никомед, оставил свою страну в наследство римлянам по завещанию.

8. Кто правил Каппадокией до македонян, составляли ли они самостоятельное царство или были подчинены Дарию,—этого я не могу точно сказать. Мне кажется, что Александр, быстро двигаясь против Дария, оставил начальников этих племен, наложив на них дань. Кажется, что и в Амисе, городе на Понте, аттического происхождения он восстановил демократию, как исконную их форму правления. Иероним же говорит, что с этими племенами он совсем не пришел в соприкосновение, но пошел против Дария другой дорогой, вдоль берегов Памфилии и Киликии. Пердикка же, который после Александра управлял Македонией, взял в плен Ариарата, властителя Каппадокии, потому ли, что он отпал, или желая присоединить его страну к Македонии, и его повесили, а над этими племенами поставил Эмена из Кардии. Когда Эмен был убит, так как македоняне признали его врагом, то Антигон, который после Пердикки стал править землей, бывшей под властью Александра, послал Никанора в качестве сатрапа над каппадокийцами.

9. Когда немного спустя македоняне стали восставать друг против друга, то Антигон стал править Сирией, изгнав оттуда Лаомедонта; при нем был Митридат, перс царского рода. Антигон видел сон, что он золотом засекает равнину, а Митридат сжал это золото и ушел в Понт. Поэтому он решил арестовать его и убить; но Митридат с шестью всадниками бежал и укрепился в каком-то местечке Каппадокии; так

как македоняне были заняты этими своими междоусобными войнами, то много народу пришло к Митридату, и он захватил не только Каппадокию, но и соседние племена по Понту. Сильно увеличив свою власть, он передал ее своим детям, и они царствовали один за другим вплоть до шестого Митридата, который вступил в войну с римлянами. Таковы-то были цари Каппадокии и Понта; с течением времени, как мне кажется, они разделили страну; одни из них захватили власть над Понтом, а другие—над Каппадокией.

10. Так вот первым, который вступил в дружбу с римлянами и послал несколько кораблей против карфагенян с небольшим вспомогательным отрядом, был царь Понта—Митридат, получивший прозвание Эвергета. Он сделал вторжение в Каппадокию, как будто это была чужая земля. Ему наследовал его сын Митридат, которому было прозвище Дионис и Эвпатор. Римляне велели ему отсюда удалиться, предоставив страну Ариобарзану, который бежал к ним и вместе с тем с их точки зрения имел более законное право на власть над Каппадокией, чем Митридат. А может быть, они с подозрением смотрели на страну, подвластную Митридату, становящуюся очень крупной, и желали таким образом разделить ее на несколько частей. Митридат это претерпел, но против Никомеда, сына Никомеда и внука Прусия, который получил от римлян царство Вифинию как отцовское наследие, он послал Сократа, брата самого Никомеда,—прозвище ему было «Благой»,—вместе с войском. И действительно, Сократ перехватил власть над Вифинией для себя. В то же самое время Митраас и Благой выгнали из Каппадокии того Ариобарзана, который был водворен здесь римлянами, и посадили в ней Ариарата.

11. Римляне вернули Никомеда вместе с Ариобарзаном, каждого в свою область, и с этой целью послали с ними несколько послов, во главе которых стоял Маний Аттилий. Оказать помощь при этом возвращении они поручили Люцию Кассию, начальствующему над Азией, прилежавшей к Пергаму, и имевшему у себя небольшое войско, и этому же Митридату Евпатору. Но он, полный раздражения на римлян из-за Каппадокии и еще недавно лишенный ими Фригии, как это указано, в книге о греческой истории, не стал им оказывать помощи; тогда Кассий и Маний при помощи войска Кассия, собравшие еще другое большое войско из галатов и фригийцев, вернули Никомеда в Вифинию, а Ариобарзана в Каппадокию. Тотчас они стали подстрекать обоих, так как они были соседями Митридата, делать набеги на землю Митридата и вызывать его на войну, обещая, что в случае войны римляне окажут им помощь. Однако они оба боялись начинать войну с таким могущественным соседом, опасаясь силы Митридата; но так как послы настаивали, то Никомед, который дал согласие заплатить большие суммы послам и военачальникам за помощь и еще не расплатился, а кроме того очень сильно задолжал следовавшим за римским войском ростовщикам и потому находился в безвыходном положении, против своей воли вторгся в землю Митридата и опустошил ее до города Амастриды, причем он не встретил никакого сопротивления и никто против него не выступил, так как Митридат, имея готовое войско, тем не менее отступал, подготавливая много законных поводов начать войну.

12. Когда Никомед возвратился с большой добычей, Митридат отправил Пелопида к римским военачальникам и послам. Он очень хорошо знал, что они жаждут войны с ним и были виновниками этого вторжения; но, делая вид, что ничего этого не знает, подготавливая большее количество вместе с тем и более благовидных предлогов для будущей войны, он стал напоминать им о дружественных союзах и своих, и своего отца. «За все это», говорил Пелопид, «они лишили его Фригии и Каппадокии; пожелая

всегда принадлежала его предкам и была вновь захвачена его отцом; Фригия же в качестве дара за победу над Аристоником была дана вашим же полководцем и, кроме того, у того же полководца была куплена за крупную сумму. Теперь же, сказал он, вы спокойно допускаете, что Никомед закрыл вход в Понт, что он делает набеги на нашу землю, вплоть до Амастриды, и угоняет добычу, какую вы сами точно знаете; хотя мой царь не слаб и вполне готов к защите, но он ждал, чтобы вы сами собственными глазами стали свидетелями того, что совершается. Но так как вы сами присутствовали и знаете все, что было, то Митридат, друг вам и союзник, просит вас, своих друзей и союзников (так гласит договор), помочь нам, подвергающимся обидам со стороны Никомеда, или запретить ему наносить обиды».

13. Так говорил Пелопид, послы же Никомеда, присутствовавшие тут для возражения, сказали: «Уже давно злоумышляя против Никомеда, Митридат послал Сократа с войском против его царства, хотя он держался спокойно и, как старший, законно обладал властью. Так поступил Митридат с Никомедом, которого вы, римляне, поставили царем Вифинии; а отсюда ясно, что это он сделал не столько против нас, сколько против вас. Равным образом, хотя вами издан приказ, чтобы цари Азии не переходили в Европу, он же подчинил себе большую часть Херсонеса. Все это достаточные доказательства его дерзкого отношения к вам, его враждебности и его неповиновения; но посмотрите, какие огромные у него приготовления, как будто к какой-то большой и уже объявленной войне, его собственного войска, так и его союзников, фракийцев и скифов, и всех ближайших племен. С царем Армении у него брачный союз, а к царям Египта и Сирии он все время посылает посольства, стараясь привлечь их на свою сторону. У него триста боевых палубных судов, и к ним он заготавливает еще другие, а за штурманами и за кормчими он разослал людей в Финикию и в Египет. Все эти приготовления, столь огромные, направлены, конечно, не против Никомеда, но против вас, о римляне, готовит все это Митридат, исполненный против вас гнева за то, что вы велели ему уйти из Фригии, которую он преступно, подкупив одного из ваших предводителей, купил себе, — вы признали всю несправедливость этого приобретения; он сердит и за Каппадокию, которая тоже вами была дана Ариобарзану; он боится вашей растущей силы и готовится под предлогом нападения на нас напасть, если сможет, на вас самих. Дело мудрости не ожидать, когда он сам захочет объявить вам войну, но обращать внимание больше на его дела, чем на его слова, и тому, кто ложно надел на себя маску дружбы, не выдавать верных и постоянных друзей и не оставлять без внимания, что ваше решение относительно нашего царства делает недействительным тот, кто в равной степени и для нас и для вас является врагом».

14. Так сказали уполномоченные Никомеда. Тогда вновь Пелопид обратился в совет римских военачальников и заявил, что относительно прежних дел, если Никомед считает нужным на что-либо жаловаться, римляне произнесли уже свое решение; что же касается теперешних (ведь они произошли на ваших глазах, когда земли Митридата были разграблены, морские пути перерезаны и столь крупная добыча угнана), то они нуждаются не в словах и не в разбирательстве, но «вновь обращайтесь мы к вам с предложением или запретить подобные действия, или выступить на помощь Митридату, несправедливо обиженному, или, в конце концов, о представители римского народа, не мешайте ему защищаться и откажитесь от труда поддерживать того или другого». Так как Пелопид неоднократно повторял это, то хотя римские военачальники давно уже решили оказать помощь Никомеду и только из притворства слушали эти прения, но всё же смущенные словами Пелопида и дружественным союзом с Мит-

ридатом, остававшимся в силе, они долго колебались, какой дать ответ; наконец, они додумались до следующего хитроумного ответа: «Мы бы не хотели, чтобы и Митридат потерпел что-либо неприятное от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война: мы считаем, что не в интересах римлян, чтобы Никомед потерпел ущерб». Когда они вынесли такое решение и Пелопид хотел подвергнуть критике неясность этого ответа, они выслали его из совета.

15. Тут Митридат, как уже явно обиженный римлянами, послал с большим отрядом своего сына Ариарата на царство в Каппадокию. И Ариарат быстро захватил эту власть, изгнав Ариобарзана. Пелопид, вновь придя к римским военачальникам, сказал следующее: «Вы уже слышали, о римляне, какие обиды потерпел от вас царь Митридат, когда вы недавно отняли у него Фригию и Каппадокию; с другой стороны, то, что Никомед на глазах у вас причинил ему столько вреда, вы оставили без внимания. Когда мы напоминали вам о нашей дружбе и союзе, вы ответили нам, как будто не мы жаловались, а жаловались на нас,—сказав, что вы считаете вредным для дела римлян, если Никомед потерпит ущерб,—как будто бы он был обиженным. Вы дадите ответ римскому сенату за то, что произошло в Каппадокии; ведь из-за вас, которые с таким презрением отнеслись к нам и прибегли к таким софизмам в своих ответах, поступил так Митридат. Он отправит с обвинением против вас своих послов в ваш сенат; он вызывает вас, чтобы вы перед сенатом оправдались в своих действиях и раньше не предпринимали ничего и не начинали столь большой войны без воли римского сената, приняв во внимание, что Митридат царствует в своей наследственной стране, которая простирается на двадцать тысяч стадий в длину, и кроме того сам приобрел много пограничных земель: и колхов—племя, помешанное на войне, а из эллинов тех, которые живут по берегу Понта, и варваров, живущих севернее их. Друзьями, готовыми на все, что только он прикажет, являются для него скифы, тавры, бастерны, фракийцы, сарматы и все, кто живет по Танаису, Истру и вокруг Меотийского озера. Царь Армении, Тигран, ему тесть, а парфянский царь, Арсак,—друг. Кораблей у него большое количество, часть готовых, часть еще строящихся, и снаряжение, во всех отношениях заслуживающее внимания. 16. Совершенно правильно и то, что сказали вам недавно вифинцы о царях Египта и Сирии; вполне естественно, что не только они, если возгорится эта война, соединятся с нами, но и недавно приобретенная вами Азия, Эллада, Ливия, и большая часть самой Италии, которая, не вынося вашей жадности и корыстолюбия, уже сейчас ведет с вами непримиримую войну. Не имея сил еще закончить ее, вы пытаетесь начать новую с Митридатом, поочередно натравливая на него Никомеда и Ариобарзана. Вы говорите, что вы друзья и союзники, и носите такую маску, а обращаетесь с ним, как с врагом. Что ж! Еще и теперь, если что-либо заставило вас изменить свое отношение к происшедшим событиям, или запретите Никомеду обижать ваших друзей (и если вы это сделаете, то я вам обещаю, что царь Митридат окажет вам помощь и содействие против италийцев), или разорвите эту притворную с нами дружбу, или пойдемте в Рим на суд».

Вот что сказал Пелопид; римляне нашли его речи чересчур дерзкими и приказали Митридату воздержаться от войны с Никомедом и с Каппадокией (ибо, как они сказали, они сами восстановят в ней Ариобарзана), а Пелопиду вновь приказали уйти из лагеря и больше не являться уже к ним послом, если царь не выполнит данных ему приказаний.

Они дали ему такой ответ, и при его отправлении вместе с ним отправили стражу, чтобы по дороге он не мог никого возбудить против них.

17. После этих переговоров, не дождавшись решения сената или народного собрания относительно столь значительной войны, они стали собирать войско из Вифинии, Каппадокии, Пафлагонии и из галатов, живших в Азии. Когда у них их собственное войско, которое было у Люция Кассия, правителя Азии, было уже готово, и собрались все союзные войска, они разделили всю массу солдат и стали тремя лагерями: Кассий в середине Вифинии и Галатии, Маний — там, где Митридату был наиболее легкий путь вторжения в Вифинию, а Оппий, второй военачальник, — у границ Каппадокии, имея каждый из них по 4000 всадников и пехоты около 40 000. Был у них и флот из кораблей, которыми командовали около Византии Минуций Руф и Гай Попилий, охранявшие вход в Понт. Вместе с ними был и Никомед, командуя другими 50 000 пеших и 6 000 всадников. Столь значительное войско было уже собрано у них. У Митридата его собственного войска было 250 000 и 40 000 всадников; военных судов с крытой палубой 300 и с двумя рядами весел 100 и соответственно все остальное к ним оборудование; военачальниками у него были два брата — Неоптолем и Архелай, но над большей частью войска командовал сам царь. Вспомогательные войска привел к нему сын самого Митридата Аркафий из Малой Армении — 10 000 всадников и Дорилай... выстроенных в фаланги, а Кратер — 130 боевых колесниц.

Таковы были приготовления с обеих сторон, когда в первый раз выступили друг против друга римляне и Митридат. Было это около 173-й олимпиады.

18. Впервые увидели друг друга Никомед и военачальники Митридата на широкой равнине у реки Амнейона и тотчас выстроились в боевой порядок; Никомед вывел всех своих, Неоптолем и Архелай — только легковооруженных и тех всадников, которых имел с собою Аркафий, и несколько боевых колесниц, так как фаланга еще только подходила. Чтобы не быть окруженными вифинцами, намного превосходившими их численностью, военачальники Митридата послали небольшой отряд на ранее захваченный ими скалистый и крутой холм на равнине. Но когда Неоптолем увидел, что они сброшены с этого холма, то, боясь быть окруженным, он стремительно бросился им на помощь, приглашая вместе с собой и Аркафия. Заметив это, и Никомед в свою очередь двинулся против него; здесь произошло сильное сражение и кровопролитие. Так как Никомед, обладая большими силами, стал одолевать, то войско Митридата начало отступать, до тех пор пока Архелай, зайдя с правого фланга, не напал на преследующих. Тогда они обратились против него. Он же понемногу стал отступать, чтобы войска Неоптолема могли остановиться и возвратиться после бегства. Когда Архелай заметил, что они собрались с силами, он перешел в наступление и, сильным натиском бросив против вифинцев колесницы с косами, стал их рубить и рассекать кого на две, а кого и на много частей. Это обстоятельство повергло в ужас войско Никомеда, когда они увидели людей, разрезанных пополам и еще дышащих, или растерзанных в куски, а их тела повисшими на колесницах. Вследствие отвращения перед таким зрелищем, скорее, чем вследствие поражения в битве, они в ужасе смешали свои ряды. На них, приведенных в беспорядок, Архелай стал наступать с фронта, а Неоптолем и Аркафий, вернувшись из бегства, напали с тылу. Они долгое время защищались, повернувшись против тех и других; но, когда большая часть войска была перебита, Никомед с оставшимися бежал в Пафлагонию; фаланге Митридата даже не пришлось вступить в дело. У Никомеда был захвачен его лагерь с большим количеством денег и громадное число пленных. Их всех Митридат помиловал и, дав денег на дорогу, отпустил домой, создавая себе у врагов славу милосердия.

19. Таково было первое сражение в войне с Митридатом; римские военачальники были испуганы, так как приступили к столь значительной войне необдуманно и опрометчиво и не получив полномочий от римского сената. Победу одержало войско немногочисленное над превосходящим его намного численностью не вследствие какой-либо сильной позиции или ошибки неприятеля, но благодаря военачальникам и храбрости войска. Никомед стал лагерем рядом с Манием, Митридат удалился на гору Скоробу, которая является границей Вифинии и Понтийской земли. Его передовой отряд, сто савроматских всадников, встретившись с 800 всадников Никомеда, некоторых из них взял в плен. Их также Митридат отпустил домой, снабдив деньгами. Когда Маний хотел незаметно уйти, то Неоптолем и Неман из Армении застигли его сначала около местечка Пахия в седьмом часу,—Никомед уже ушел к Кассию,—и принудили вступить в битву; конницы у него было 4 000, пехоты же в десять раз больше. Убив из этого войска тысяч десять, они взяли живыми в плен 300 человек; равным образом и этих, приведенных к нему, Митридат отпустил, приобретая тем популярность среди врагов. Лагерь Мания был взят, и сам он, убегая, с наступлением ночи ушел к реке Сангарию и спасся в Пергам. Кассий, Никомед и другие бывшие тут римские послы перенесли свой лагерь на Леонтокефалею, самое укрепленное место Фригии. Тут они стали обучать недавно набранное войско, состоявшее из ремесленников, земледельцев и частных лиц, и производить для своего войска набор по Фригии. Так как ни те, ни другие не выказывали большой готовности, то военачальники отказались от мысли вести войну с таким невоинственным войском, и, распустив его, удалились: Кассий—в Апамею со своим войском, Никомед—в Пергам, Маний—на Родос. Те, которые стояли у устья Понта, услышав об этом, удалились и передали Митридату ключи от Понта и корабли, которые они имели.¹

20. Так Митридат один этим стремительным натиском захватил все царство Никомеда. Он стал объезжать его и устанавливал порядок в городах. Войдя во Фригию, он завернул в стоянку Александра, считая для себя счастливым предзнаменованием, что там, где остановился Александр, там стал лагерем и Митридат. Затем он проехал и по остальным местам Фригии, по Мисии и по Азии, по всем тем местам, которые недавно были захвачены римлянами, и, послав войска по окружным странам, он подчинил себе Ликию и Памфилию и все местности до Ионии. Только жители Лаодикеи, той, что на реке Лике, продолжали ему сопротивляться: дело в том, что римский полководец Квинт Оппий с некоторым числом всадников и наемников бежал в этот город и его охранял. Тогда Митридат, послав глашатая к стенам города, велел ему объявить, что царь Митридат обещает лаодикейцам неприкосновенность, если они приведут к нему Оппия. Горожане, согласно этому заявлению, позволили наемникам Оппия уйти беспрепятственно, самого же Оппия привели к Митридату, в насмешку заставив ликторов итти перед ним. Митридат не причинил ему никакого зла и повсюду возил его с собою без оков, но вместе с тем показывая всем римского военачальника.

21. Немного времени спустя он взял в плен Мания Ацилия, наиболее виновного из всего этого посольства в этой войне. Его, связанного, он всюду возил на осле, громко объявляя зрителям, что это Маний; наконец, в Пергаме велел влить ему в горло расплавленное золото, с позором указывая этим на римское взяточничество. Поставив сатрапов над всеми этими племенами, он явился в Магнесию, Эфес и Митилену; все они дружественно приняли его, а жители Эфеса разрушили бывшие у них статуи рим-

¹ Критически сомнительное место.

лян, за что немного спустя они понесли наказание. Возвращаясь из Ионии, он взял Стратоникею, паложил на нее денежный штраф и поставил в город гарнизон. Увидав здесь красивую девушку, он взял ее себе в жены. И если кому интересно узнать ее имя, это Монима, дочь Филопемена. С магнетами, пафлаганцами и ликийцами, еще продолжавшими бороться против него, он воевал при помощи своих военачальников.

22. Таково-то положение было дел у Митридата. Римляне же с того момента, как они только узнали о первом его вторжении и нападении на Азию, решили идти на него войной, хотя они были очень заняты непрерывными восстаниями в Риме и тяжелой внутренней войной, так как Италия почти вся часть за частью восставала против них. Консулы бросили между собой жребий и жребий достался Корнелию Сулле принять власть над Азией и вести войну с Митридатом. Не имея денег, чтобы дать ему, они постановили продать то, что царь Нума Помпилий назначил как жертвенные дары богам. Столь велика была тогда нужда во всем и вместе с тем стремление поддержать честь своего имени. Им удалось продать кое-что и собрать тысяч девять фунтов золота, которое они только и дали на ведение столь большой войны.

Сулле еще долгое время задержали внутренние восстания, как я это уже описал в истории гражданских войн. В это время Митридат выстроил против родосцев очень много кораблей и всем сатрапам и начальникам городов послал тайный приказ: выждав тридцать дней, сразу всем напасть на находящихся у них римлян и италийцев, на них самих, на их жен и детей и отпущенников, которые будут италийского рода, и, убив их, бросить их без погребения, а все их имущество поделить с царем Митридатом. Он объявил и наказания тем, кто их будет хоронить или укрывать, и награды за донос тем, кто изобличит или убьет скрывающихся; рабам за наказание против господ—свободу, должникам по отношению к своим кредиторам—половину долга. Такой тайный приказ он послал одновременно всем, и когда наступил этот день, то по всей Азии можно было видеть самые разнообразные картины несчастий. Из них я укажу следующие.

23. Жители Эфеса тех, которые бежали в храм Артемиды и обнимали изображение богини, убивали, отрывая от статуй. Жители Пергама бежавших в храм Асклепия и не желавших оттуда уходить убивали стрелами, когда они сидели, обняв статуи богов. Адрамиттийцы, выйдя в море, убивали тех, которые собирались спастись вплавь, и топили в море маленьких детей. Жители Кавна, после войны с Ангионом ставшие подданными и данниками родосцев и незадолго до этого от римлян получившие свободу, оттаскивая от статуи Гестии тех римлян, которые бежали в храм Гестии в здании Совета, сначала убивали детей на глазах матерей, а затем и их самих, и вслед за ними и мужчин. Жители Тралл, не желая стать собственноручными исполнителями такого преступления, наняли для выполнения этого дела пафлагонца Феофила, человека дикого, и Феофил, собрав всех римлян вместе в храм Согласия, стал их там убивать и у некоторых, обнимавших статуи богов, отрубал руки. Такое бедствие постигло бывших в Азии италийцев и римлян, всех вместе—и мужчин, и детей, и женщин, и вольноотпущенных, и их рабов, которые были италийского происхождения. И в этом случае особенно было ясно, что Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее вследствие ненависти к римлянам совершала против них такие ужасные поступки.

Но они понесли двойное наказание; во-первых, со стороны самого Митридата, вскоре проявившего против них свой вероломный характер; склонный к насилию, а во-вторых, позднее со стороны Корнелия Суллы. Митридат же отплыл на остров Кос, и жители Коса приняли его с радостью.

Он захватил там сына Александра, царя египетского, оставленного тут с большими деньгами бабкой его Клеопатрой, и содержал его по-царски. Из богатств Клеопатры большое количество царских сокровищ, камни, женские украшения и большую сумму денег он отправил в Понт.

24. В это время родосцы укрепляли свои стены и свои гавани и на всех местах ставили военные машины. С ними вместе сражались некоторые из телмисейцев и ликийцев. Италийцы, все те, которые успели раньше бежать из Азии, все собрались на Родосе и с ними проконсул Азии Люций Кассий. Когда Митридат выступил на кораблях против них, они разрушили предместья города, чтобы от них не было врагам никакой пользы, и двинулись против него для морской битвы. Одни их корабли шли лобовой атакой, другие заходили с флангов. Царь Митридат, плывя сам на пентере, велел своим, вытянувшись в открытое море, захватить во фланг, и, так как они были более быстроходны, он приказал окружить неприятельские суда, бывшие более малочисленными. Тогда родосцы, испугавшись, что будут окружены, стали понемногу отступать, а затем, и совсем повернув в тыл, бежали в свою гавань и, закрыв ее заградительными цепями, стали сражаться с Митридатом со стен. Митридат стал лагерем рядом с городом; он не раз делал попытки напасть на гавань, но терпел неудачу; тогда он стал дожидаться, чтобы к нему пришло из Азии его пешее войско. За это время происходили частые, но небольшие стычки со сторожащими стены, и так как в этих стычках родосцы одерживали верх, они понемногу осмелели и держали свои суда наготове, чтобы, если встретиться какой-либо благоприятный случай, напасть на неприятеля.

25. Раз как-то царское грузовое судно плыло под парусами мимо гавани; родосцы выпустили против него бирему, и так как с обеих сторон на помощь им спешно устремились другие суда, то произошло сильное морское сражение. Митридат теснил их своей стремительностью и многочисленностью судов, родосцы же с большим искусством окружали его мелкие суда и пробивали их, так что вернулись в гавань, ведя с собою на канате триэру со всем экипажем и много украшений с носов кораблей и снятую с врагов добычу. Одна их пентера была захвачена неприятелями; не зная этого, родосцы выплыли на поиски ее на шести наиболее быстроходных судах; на них плыл их наварх Дамагор. Митридат выслал против него двадцать пять судов. До наступления темноты Дамагор уходил от них; когда уже смерклось, он напал на царские суда, повернувшие назад, и два из них потопил, два других загнал в Ликию и, целую ночь проплавав в море, к утру вернулся назад. Таков был конец морского боя между родосцами и Митридатом сверх всякого ожидания для родосцев при их малочисленности, а для Митридата—при большом числе его кораблей. Во время сражения, когда царь плыл мимо своих кораблей и побуждал своих, хиосский союзный корабль в сутолоке ударил в царский корабль¹, который и дал течь. Царь, сделав тогда вид, что он ничего не заметил, впоследствии наказал и рулевого, и подштурмана, и почувствовал гнев ко всем хиосцам.

26. Когда в эти же дни плыло к Митридату его пешее войско на грузовых судах и триэрах, то сильный ветер, внезапно поднявшийся от Кавна (северный ветер), занес флот в Родос. Родосцы, с возможной быстротой выплыв из гавани, когда флот Митридата боролся с волнением и был еще рассеян по морю, напали на суда; одни захватили и привязали канатами, пробили другие и зажгли третьи, и взяли в плен человек триста. После этого Митридат стал готовиться ко второй морской битве и одновременно к штурму. Он стал строить некую «замбуку»—огромное военное сооружение, которое везли на двух кораблях. Так как перебежчики

¹ Критически сомнительное место.

указали ему легко доступный холм, где стоял храм Зевса Атабирия, и городские стены на нем были невысокие, он ночью посадил войско на корабли, другим же, раздав лестницы, велел и тем и другим двигаться в молчании, пока им не будет дан знак огнем с Атабирия; а тогда всем вместе с елико возможным криком одним нападать на гавань, другим стараться взойти на стены. И действительно, они приближались в глубоком молчании; но сторожевые посты родосцев заметили то, что готовятся, и дали знать (своим) при помощи огня. Войско же Митридата, сочтя, что это и есть тот (обещанный) знак огнем с Атабирия, после глубокого молчания все вместе закричали—как те, которые несли лестницы, так и весь экипаж с кораблей. Родосцы сами без страха ответили им таким же криком и все поднялись на стены. Таким образом, войска царя не получили никакого успеха ночью, а с наступлением дня, отбитые, вернулись назад.

27. Самбука, подведенная к стене, там, где стоял храм Изиды, особенно напугала родосцев, так как одновременно она выкидывала много стрел, таранов и дротиков. В то же время солдаты на многих мелких судах суетились¹ около нее, как бы желая с ее помощью подняться на стены. Но родосцы выдержали и это нападение со стойкостью, пока это сооружение от тяжести не свалилось, причем показалось, что образ Изиды выбросил против него великий огонь. Потерпев неудачу и в этой попытке, Митридат снял свой лагерь от Родоса и, окружив своим войском Патары, он стал для сооружения военных машин вырубать рошу Латоны, но, испуганный сновидением, даже материал оставил нетронутым; Пелопиду он поручил войну с ликийцами, Архелая же послал в Элладу, поручив ему любыми средствами или добиться дружественных отношений с ней или принудить ее к этому силой. Сам же он в это время, поручив большую часть походов своим восначальникам, занимался набором войск, их вооружением, наслаждался жизнью с женой своей Стратоникой и производил суд над теми, которые, как говорили, покушались на его жизнь или стремились к государственному перевороту или вообще были сторонниками римлян.

28. Такими делами был занят Митридат, в Элладе же происходило вот что. Отплыв с большим количеством провианта и кораблей, Архелай, о боем одержав решительную победу, захватил Делос, отпавший от афинян, и другие укрепленные места. Убив здесь до 20 000 человек, из которых большинство было италийцев, он передал эти укрепленные пункты афинянам. Этими действиями, а также и в других отношениях распространяя славу о Митридате и превознося его до небес, он привлек их к союзу с царем. Священные деньги с Делоса он направил им при посредстве Аристиона, афинянина родом, послав для охраны этих денег около 2 000 человек. Воспользовавшись всем этим, Аристион стал тираном у себя на родине и из афинян одних убил немедленно, как сторонников римлян, других же отослал к Митридату; так поступил человек, прошедший эпикурейскую философскую школу. Но ведь не он один был таким тираном в Афинах; и не только раньше его Критий и те, которые были сотоварищами Крития по философии, но такими тиранами были и в Италии принадлежавшие к пифагорейской школе и во всей остальной Элладе те из так называемых семи мудрецов, которые приняли участие в государственных делах, властвовали и проявляли тираническую власть более жестоко, чем простые тираны, так что и относительно других философов становится неясным и подозрительным, вследствие ли высоких нравственных достоинств или вследствие бедности и того, что им не удалось пристроиться к государственной деятельности, они философию сделали себе

¹ Критич.: плавали.

утешением. Так и теперь многие из них, оставаясь частными людьми и бедными и, вследствие этого, по необходимости предавшись философии, высказывают горькие упреки по адресу богатых и стоящих у власти, заставляя подозревать в них не столько презрение к богатству или власти, сколько проявление зависти. Гораздо мудрее поступают те, кто не обращает внимания на их злословие.

Пусть же считают, что все это сказано мною по поводу философа Аристиона, так как он был виновником отступления в моем изложении.

29. К Архелаю присоединились ахейцы и жители Лаконии и вся Беотия за исключением Феспий, которые он окружил и стал осаждать. В то же самое время Метрофан, посланный Митридатом с другим войском, опустошал Эвбею, Деметриаду и Магнесию, не ставшие на сторону Митридата. В это же время Бреттий, двинувшись из Македонии с небольшим войском, вступил с ним в морское сражение и, потопив у него корабль и быстроходное судно, убил всех бывших на нем на глазах у Метрофана. Последний, испугавшись, обратился в бегство. Так как ветер был попутным для Метрофана, то Бреттий его не захватил, зато взял Скиаф, город, где у варваров хранилась добыча; некоторых их рабов он повесил, а у свободных отрубил руки. Затем он обратился к Беотии и, когда к нему пришли из Македонии другие 1 000 человек конных и пеших, он около Херонеи три дня сражался с Архелаем и Аристионом. В общем результат этого сражения был нерешительным при равном успехе. Так как согласно союзу к Архелаю и Аристиону пришли лаконяне и ахейцы, Бреттий, считая, что он не будет в состоянии сражаться с ними со всеми, стал двигаться к Пирею, но Архелай, двинувшись с флотом, захватил и его.

30. Сулла, выбранный римлянами вождем для войны с Митридатом, только теперь переправился из Италии в Элладу с пятью легионами и несколькими манипулами и отрядами конницы и тотчас стал собирать в Этолии и Фессалии деньги, союзников и продовольствие; когда он решил, что всего этого у него достаточно, он направился в Аттику против Архелая. Когда он проходил по Беотии, то Беотия вся перешла на его сторону, за исключением немногих; в том числе был и большой город Фивы, который очень легкомысленно стал на сторону Митридата против римлян, но еще скорее, раньше чем дело дошло до серьезного испытания, от Архелая перешел на сторону Суллы. Придя в Аттику, Сулла послал часть войск к городу осаждать Аристиона, а сам спустился к Пирею, где был Архелай и где за стенами держались враги. Высота этих стен была до 40 локтей и сделаны они были из больших четырехугольных камней. Соорудил их Перикл, когда он был военачальником у афинян против пелопоннесцев: полагая в Пирее всю надежду на победу, он так усиленно укрепил его. Несмотря на такую высоту стен, Сулла пододвинул лестницы; он совершил много подвигов, но потерпел и много неудач, так как каппадокийцы защищались храбро; утомленный, он удалился в Элевсин и Мегару и стал сооружать там военные машины против Пирея и задумал подвести к нему земляную насыпь. Рабочих, все оборудование, железо, катапульты и все другое подобного рода он получал из Фив, он срубил рошу Академии и соорудил огромные осадные машины. Длинные же стены он разрушал, употребляя камень, дерево и землю для насыпи.

31. Двое аттических рабов из Пирея—или действительно сторонники римлян, или предусмотрительно приготавливавшие себе убежище на всякий случай,—сделав из свинца шары, делали на них надписи о том, что предпринимается против римлян, и бросали их из пращей. Когда это происходило много раз и было замечено, Сулла обратил внимание на бросаемые из пращи свинцовые шары и нашел на них запись, что на следующий день пехота выйдет прямо фронтом на работающих,

а всадники бросятся с обеих сторон на оба фланга римлян. И вот он скрыл достаточный отряд войск, и когда враги сделали вылазку, которая, как они думали, была вполне неожиданной, Сулла, двинув на них еще более неожиданно скрытое войско, многих из них убил, а других сбросил в море. Таков был исход этой попытки. Когда насыпь стала сильно подниматься кверху, Архелай в свою очередь стал сооружать башни и поставил на них много орудий для защиты и послал за вспомогательными силами из Халкиды и других островов и вооружил даже гребцов, как будто бы опасность достигала высшей степени. Войско Архелая было вообще (и прежде) многочисленнее войска Суллы, а после этого еще более превосходило его числом; и вот среди ночи Архелай, сделав стремительную вылазку, сжег одну из двух сооруженных «черепах» и все находящиеся в ней приспособления. Но дней через десять Сулла опять сделал другую и опять поставил на то же место, где стояла первая. Против нее Архелай поставил на стенах башню.

32. Когда к нему прибыло от Митридата другое войско, которым командовал Дромихет, Архелай вывел всех на сражение. Примешав к их рядам пращников и стрелков из лука, он поставил их у самой стены, с тем чтобы и те, которые охраняют стену, могли поражать врагов. Другие же у него с зажженными факелами¹ под воротами выжидали удобного для вылазки времени. Долгое время сражение было нерешительным, так как поочередно отступали то одни, то другие, прежде всего варвары, но Архелай, удержав их, вновь двинул в бой. Испуганные этим, римляне в свою очередь стали отступать, но Мурена, встретив их, заставил их повернуть назад. Другой легион, вернувшийся с заготовок леса, а с ними и штрафные, застав это сражение, со всем рвением очень решительным натиском напали на войско Митридата и убили из него около 2 000 человек, а остальных загнали за стены. Архелай, который старался вновь повернуть их на врагов и вследствие рвения долгое время оставался в бою, был отрезан от ворот и поднят на стену на обрывке веревки. Сулла же со штрафных, как блестяще сражавшихся, снял позор бесчестия, а остальных одарил большими подарками.

33. Так как наступала уже зима, то Сулла, расположив свое войско лагерем в Элевсине, стал вести с возвышенности глубокий ров к морю, чтобы коннице врагов не было так удобно нападать на него. Пока он был занят этой работой, у него каждый день происходили столкновения—то у рва, то у стен, так как враги часто выходили, пуская в ход камни, стрелы и свинцовые ядра. Так как Сулла нуждался в кораблях, он послал за ними на Родос. Но ввиду того, что родосцы не могли переправиться к нему, ибо Митридат был владыкой моря, Сулла приказал Лукуллу, человеку из знатного римского рода, который после Суллы был военачальником в войне с Митридатом, тайно переправиться в Александрию и Сирию и собрать у царей, обладающих флотом приморских городов, корабли, чтобы провести флот родосцев. Хотя море было в руках неприятелей, тем не менее Лукулл не задумываясь сел в маленькое суденышко и, пересаживаясь затем с одного корабля на другой, чтобы скрыть свои следы, прибыл в Александрию. 34. Те же предатели из-за стен, вновь написав на свинцовой табличке, что этой ночью Архелай пошлет в город афинянам, мучимым голодом, солдат с грузом, бросили ее из пращи; Сулла, устроив засаду, захватил и хлеб, и несших его. В тот же самый день Мунаций около Халкиды разбил Неоптолема, второго военачальника Митридата, убил до 1 500 человек и взял в плен еще большее число врагов. Немного времени спустя ночью, когда сторожа еще спали, римляне, пододвинув при

¹ Или огнеметными приспособлениями.

помощи машин лестницы к Пирею, взошли на стену и перебили ближайшую стражу. Тогда одни из варваров тотчас соскочили в Пирей, покинув стены, как будто бы они целиком были захвачены; другие же, перейдя в нападение, убили начальника ворвавшихся, а остальных вновь выгнали за стены. А некоторые, сделав даже вылазку через ворота, едва не сожгли второй башни римлян; но Сулла, быстро двинувшись из лагеря и упорно сражаясь в течение целой ночи и на следующий день, отстоял ее. И на этот раз варвары отступили, но Архелай поставил на стене другую огромную башню, напротив башни римлян, и они вели друг с другом бой с этих башен, взаимно осыпая друг друга частым дождем всякого рода метательных снарядов; наконец, Сулла при помощи катапульта, выпускающих сразу по двадцать очень тяжелых свинцовых ядер, перебил многих, расшатал башню Архелая и сделал ее неустойчивой, так что Архелай, опасаясь ее падения, тотчас велел убрать ее со стены вниз.

35. Когда заключенные в городе еще сильнее стали страдать от голода, то брошенные свинцовые пластинки опять сообщили римлянам, что Архелай ночью пошлет в город продовольствие. Архелай, подозревая, что римлянам делается сообщение относительно хлеба и что есть предательство, тем не менее отправил хлеб, но поставил людей у ворот с огнем, чтобы сделать нападение на римлян, если Сулла направится с войском на идущих с хлебом. И обоим удалось их предприятие: Сулле—захватить несших хлеб, Архелая же—сжечь некоторые из римских сооружений. В то же время и Акафий, сын Митридата, вторгшись в Македонию с другим войском, легко одержал победу, так как римлян там было мало, подчинил всю Македонию и, поручив ее сатрапам, сам двинулся против Суллы, но захворал и умер сколо Тисей. В Аттике же у города, который ужасно страдал от голода, Сулла соорудил много маленьких укреплений, чтобы никто не мог оттуда убежать и чтобы население еще больше страдало вследствие скученности.

36. В Пирее же, подняв насыпь на достаточную высоту, Сулла стал пододвигать машины. Но Архелай подкопался под насыпь и долгое время незаметно уносил землю; насыпь стала внезапно оседать. Римляне успели быстро это заметить, оттащили назад машины и заполнили насыпь. Тем же способом они в свою очередь подрывались под стену, пользуясь их же следами; и вот подземлей они сталкивались друг с другом и сражались врукопашную мечами и копьями, поскольку это было возможно в темноте. Одновременно с этим и Сулла с насыпи при помощи многих сооружений бил таранами в стену, пока часть ее не упала; желая сжечь находящуюся недалеко башню, он стал пускать в нее много зажигательных снарядов и самых храбрых из воинов послал с лестницами. При величайшем напряжении с обеих сторон башня в конце концов загорелась, и Сулла, разрушив небольшую часть стены, тотчас же поставил там сторожевое укрепление; подкопанные основания стены, державшиеся только балками, были наполнены серой паклей и смолой и тотчас же все подожжены. Одна за другой части стен стали падать, увлекая с собой стоящих наверху стен воинов. Это огромное и внезапно возникшее со всех сторон смятение напугало защитников стен, как будто бы и та стена, которая была у них под ногами, тотчас упадет. Поэтому они с беспокойством оглядывались во все стороны; страх заставлял их смотреть на всё с подозрением, и потому они слабо сражались с врагами.

37. На находящихся в таком состоянии воинов Сулла наседавал без передышки, но при этом он всё время сменял уставших, приводя все новые и свежие отряды с лестницами; они, поднимая крик, побуждали своих к новому бою; и Сулла одновременно подбодрял их, то грозя, то уговаривая, что в такой короткий промежуток времени

для них решится исход всего похода. Но и Архелай в свою очередь двинул другие войска вместо пришедших в смущение; и он все время вновь и вновь возобновлял сражение, одновременно взывая и побуждая всех своих, что «еще немного, и спасение для них обеспечено». Вновь с той и другой стороны у всех проявилась огромная энергия и пыл; готовность к бою и потери с обеих сторон были одинаковы и равнценны. Но Сулла, понеся большие потери, как нападавший извне, отозвал трубным сигналом войско и, к удивлению¹ многих, отвел его назад. А Архелай тотчас же ночью стал восстанавливать упавшую часть стены, причем он изнутри возвел многие укрепления в виде полумесяца. На эти новопостроенные стены Сулла еще раз пытался сделать нападение всем войском, считая, что пока они еще сырые и слабые, он легко их разрушит. Но, попав в затруднительное положение, как это естественно в узком месте, и поражаемый сверху по фронту и с флангов, так как укрепления были в виде полумесяца, от отказался совершенно от мысли взять Пирей приступом и перешел к осаде, чтобы подчинить его себе голодом.

38. Заметив, что находящиеся в городе испытывают все большую и большую нужду, что они перерезали весь скот, что они варят шкуры и содранные кожи и жадно поедают отвар, а некоторые из них поедают и мертвых, Сулла приказал всему войску обвести город рвом, чтобы даже поодиночке никто не мог бежать оттуда и скрыться. Когда это было выполнено по его приказанию, он одновременно придвинул лестницы и стал подрывать стены. Когда тотчас же произошло бегство, как это и естественно для ослабевших людей, Сулла ворвался в город, и в Афинах началось ужасное и безжалостное избиение. Ни бежать они не могли вследствие истощения, ни пощады не оказывалось ни детям, ни женщинам—Сулла приказал всех попадавшихся на пути избивать в гневе на их поспешный и нелепый переход на сторону варваров и раздраженный их неумеренными оскорблениями. Очень многие, услышав об этом приказе, сами бросались к убийцам, чтобы они скорее выполнили свое дело. Лишь у немногих хватило сил бежать в Акрополь; вместе с ними бежал и Аристион, сжегши Одеон, чтобы у Суллы не было готового уже деревянного материала для осады Акрополя. Сулле удалось остановить пожар города, но зато он отдал его на разграбление войску. И римские воины во многих домах находили человеческое мясо, приготовленное для еды. На следующий день Сулла продал рабов; свободным же, которые в течение прошлой ночи не успели быть убитыми,—их было очень мало,—он объявил, что дарует свободу, но право голосования, камешками ли, поднятием ли рук, он отнимает, так как они воевали с ним, но их потомкам он обещал вернуть это право.

39. Так в полной мере беды постигли Афины. Сулла поставил гарнизон в Акрополе, так как Аристион и бежавшие сюда вместе с ним под гнетом голода и жажды в скором времени сдались. Из них Аристиона и его свиту, равно и тех, которые несли какую-либо официальную должность или совершили что-либо против того, что было раньше установлено, когда Эллада была завоевана римлянами,—этих Сулла наказал смертью; других же он пощадил и установил для всех них законы, близкие к тем, которые раньше были определены им римлянами. Из Акрополя было вывезено золота около 40 фунтов, а серебра—около 600.

Но эти события в Акрополе произошли несколько позднее. 40. Как только город был взят, Сулла не стал ждать, пока он сможет взять Пирей осадой, но двинул против него стенобитные орудия, метательные орудия

¹ Другие конъектуры: 1) и с большим числом раненых; 2) потеряв многих; 3) к удивлению неприятелей.

и стрелков, двинул и большое количество людей, которые под прикрытием черепаш стали подкапывать стены, также и когорты воинов¹, которые, пуская копья и стрелы в стоящих на стенах, часто их поражали. И он подкопал и разрушил стены в виде полумесяца, которые были еще очень сырыми и слабыми, так как недавно были построены. Так как Архелай предвидел это и раньше, то перед ними внутри укреплений он выстроил много подобных же укреплений, и Сулле приходилось непрерывно вести бой, так как он попадал с одного укрепления на другое такое же; но он был неутомим в своей настойчивости; он часто сменял (утомленные) войска и, обходя солдат, побуждал их к работе, указывая на то, что в том небольшом усилии, которое им остается сделать, заключается выполнение всех их упований и надежд на добычу. Да и сами воины, считая, что это действительно конец их трудов, и горя честолюбивым желанием совершить это великое и славное дело—овладеть столь крепкими стенами, прилагали все старания, так что Архелай, пораженный их бешеной и безумной настойчивостью, отдал в их власть стены и спешно отступил в сильно укрепленную и омываемую морем часть Пирея, где Сулла, не имея кораблей, не мог попытаться на него напасть.

41. Отсюда Архелай отправился в Фессалию через Беотию и собрал в Фермопилах остатки всего своего войска, с которым он сюда пришел, так же как и того, которое было у Дромихета. Он объединил и то, которое вторглось в Македонию с Аркафием, сыном царя (Митридата), которое тогда было наиболее сильным и полным, и всех тех, которых Митридат все время посылал на подкрепление; ведь он их посылал непрерывно. Всех их он собирал со всякой поспешностью. В это время Сулла сжег Пирей, который доставил ему еще больше неприятностей, чем город (Афины), не пощадив ни арсенала, ни верфей, ни какое либо другое из прославленных строений. А затем он двинулся против Архелая, тоже через Беотию. Когда они подошли близко друг к другу, то те, которые недавно были у Фермопил, отошли к Фокиде; то были фракийцы, жители Понта, скифы, каппадокийцы, вифинцы, галааты и фригийцы и жители других стран, которые недавно были завоеваны Митридатом,—всего 120 000 человек. Начальники у них были над каждой частью свои собственные, над всеми же главнокомандующим был Архелай. Сулла вел с собою италийцев, тех эллинов или македонян, которые недавно перешли к нему от Архелая, а также кое-кого из соседних городов; все вместе они не составляли даже третьей части неприятельского войска.

42. Когда они оказались друг против друга, то Архелай выстраивал войско в боевой порядок, все время вызывая на сражение, Сулла же медлил, принимая во внимание местные условия и количество неприятелей. Когда же Архелай стал уходить к Халкиде, он пошел следом за ним, поджидая удобного времени и места. Когда же он увидел, что Архелай стал лагерем около Хероней на покато́м месте, откуда не было никакой возможности уйти, если им не будет одержана победа, он сам, заняв поблизости широкую равнину, тотчас вывел свое войско для сражения, чтобы заставить Архелая принять его даже против воли. Позади римлян простиралась ровная и гладкая как для преследования, так и для отступления равнина, а у Архелая в тылу были крутые горы, которые не позволяли нигде сразу пустить в дело все войско, так как на такой неровной местности он не имел возможности выстроить его всё; в случае же поражения отступление по кручам было невозможно. На основании таких соображений, полагаясь больше всего не на неудобство места, Сулла стал здесь насту-

¹στειράς—очень может быть какое-либо осадное оружие вроде баллисты; первое значение—«завиток змеи», выбрасывающей голову.

пать с тем, чтобы преимущество в численности не принесло Архелая никакой пользы; Архелай же не имел в виду, что ему придется здесь вступить в сражение, поэтому небрежно раскинул лагерь. Когда же Сулла уже начал наступление на него, он, в конце концов, слишком поздно поняв неудобство расположения, послал вперед отряд всадников, чтобы помешать передвижению Суллы. Когда же они были обращены в бегство и отброшены к крутым горам, он вновь послал шестьдесят колесниц (с косами), в надежде стремительным натиском порубить косами и разорвать фалангу неприятелей. Но римляне расступились перед колесницами, которые вследствие своей стремительности проскочили в задний ряд римлян, а так как они поворачивались с трудом, то были окружены находившимися в задних рядах и уничтожены их копьями и стрелами. 43. Но даже в этом случае Архелай мог бы спокойно защищаться в своем укрепленном лагере, причем ему даже крутые горы могли оказать известную помощь, но он со всей поспешностью стал выводить и старательно выстраивать все множество людей, не подготовленных предварительно к битве, будучи крайне стесненным на узком пространстве приближением Суллы. Прежде всего он выслал вперед конницу, которая сильным натиском разрезала фалангу римлян на две части, и затем ввиду малочисленности римлян стал легко их окружать. Римляне сильно отбивались, повернувшись во все стороны. Особенно трудно было римлянам, находившимся под начальством Гальбы и Гортензия, против которых стоял сам Архелай, так как варвары, находясь на глазах своего военачальника, наступали с особенной настойчивостью. Но тут Сулла двинулся на них с большим количеством всадников. По значкам военачальника и по поднятой большой пыли Архелай заключил, что приближается Сулла; поэтому он прекратил окружение и отступил в своей боевой строй. Сулла, ведя лучшую часть своей конницы и мимоходом захватив две свежие когорты, которые были им оставлены в засаде, напал на врагов, когда они еще не успели выпрямить свой круг и выстроиться твердо по фронту, и, приведя их в беспорядок, изрубил многих из них и стал преследовать обращенных в бегство. Когда здесь было положено начало победе, то и Мурена, который командовал левым крылом, не стал медлить, но, стыдя тех, кто был около него, смело напал на врагов и в свою очередь стал их преследовать. 44. Когда оба крыла войска Архелая были уже обращены в бегство, то и центр не удержал своих рядов, и бегство стало всеобщим—и тут всё, что предполагал Сулла, свалилось на головы врагов. Не имея удобного места, чтобы развернуться для новой атаки, ни равнины для бегства, они были притиснуты преследовавшими их римлянами к отвесным скалам, и одни из них падали мертвыми на этом месте,¹ другие же, более благоразумные, бросились к лагерю. Но Архелай предупредил их, закрыв перед ними ворота,—это показало его полную неопытность при поражениях,—и велел им повернуться опять против неприятелей. Они охотно повернулись, но, не имея у себя ни военачальников, ни руководителей, чтобы выстроить их в порядке, не узнавая своих военных значков, брошенных, как это бывает в беспорядочном бегстве, они без труда были избиты: одни из них—врагами, так как не успели развернуться против них, другие же—своими собственными товарищами, так как они в беспорядке метались в большом количестве на узком пространстве. Они вновь бросились к воротам лагеря и толпились вокруг них, упрекая тех, которые не впускали. С упреками они указывали им на их общих отеческих богов, на другие их близкие отношения, говоря, что они погибают не столько от врагов, сколько от тех, которые с таким презрением не хотят их принять к себе. Наконец, Архелай, позднее чем

¹ Критич.: попадали в руки Суллы.

это было нужно, открыл ворота и принял их, воежавших туда в полном беспорядке. Увидав это, римляне, усиленно побуждая друг друга, бегом бросились вслед за бегущими, ворвались в лагерь и тем окончательно закрепили победу. 45. Архелай и остальные, успевшие бежать, собрались в Халкиде в числе не более 10 000 из войска в 120 000. У римлян потери считались в 15 человек, из которых двое опять поправились.

Таков был конец битвы при Херонее для Суллы и для Архелая, главнокомандующего Митридата; и для того и для другого этот столь важный результат получился, главным образом, вследствие предусмотрительности Суллы и неразумия Архелая. Сулла, в руках которого оказалось много пленных, оружия и другой добычи, собрав все ненужное в кучи, сам подпоясанный, как это в обычае римлян, сжег в честь божества войны, и, дав войску короткий отдых, двинулся с легковооруженными против Архелая к Эврипу. Так как у римлян не было кораблей, то Архелай без всякой опасности для себя объезжал острова и грабил прибрежные местности. Выйдя на берег в Закинфе, он стал лагерем около города. Несколько римлян, проживавших там, ночью напали на него; тогда он быстро опять сел на корабли и отплыл в Халкиду, более похожий на морского разбойника, чем на ведущего настоящую войну.

46. Известие о таком поражении в первый момент поразило Митридата ужасом; его охватил страх, как обыкновенно бывает при таком событии. Однако со всей поспешностью он стал собирать другое войско со всех покорных ему племен. Считая, что некоторые из них под влиянием этого поражения нападут на него или теперь, или когда представится какой-либо другой благоприятный случай, он собрал всех подозрительных для себя лиц, прежде чем война примет более острые формы, и в первую очередь тетрархов галатов, которые пришли к нему как друзья и не были ему подчинены; он велел убить¹ их всех с детьми и женами, кроме трех, которые успели бежать; одни из них были убиты из засады подосланными убийцами, другие погибли в одну ночь на пиру; Митридат считал, что ни один из них не сохранит ему верности, если приблизится Сулла. Он забрал себе всё их имущество, ввел в города гарнизоны и поставил над этим племенем в качестве сатрапа Эвмаха. Но оставшиеся в живых тетрархи, собрав войско из сельских местностей, тотчас же изгнали его из Галатии вместе с гарнизоном. Таким образом, Митридату удалось получить от галатов одни только деньги. Теперь пришла очередь Хиоса. На хиосцев он сердился еще с того времени, когда один из их кораблей во время морской битвы у Родоса неосторожно ударил (носом) в царский корабль. Сначала он конфисковал имущество тех из хиосцев, которые бежали к Сулле, затем послал людей, чтобы они произвели расследование, кто является сторонником римлян². И, в-третьих, наконец, Зенобий, ведя с собой войско, под предлогом, что он хочет перебраться его в Элладу, ночью захватил стены хиосцев и другие укрепленные места и, поставив у ворот стражу, велел объявить, чтобы иноземцы оставались спокойными, а хиосцы собирались на народное собрание, так как он намерен сообщить им нечто от имени царя. Когда они собрались, то он сказал им, что царь подозрительно относится к их городу из-за тех, которые держат сторону римлян, но что «он перестанет так относиться, если вы передадите оружие и в качестве заложников дадите детей виднейших из граждан». Хиосцы, видя, что их город взят, выполнили и то и другое требование. Зенобий отослал все это в Эритры, заявив, что царь пришлет хиосцам письменный приказ. 47. И вот от Митридата прибыло письмо, гласящее

¹ По сообщению Ливия, тут был открыт заговор на жизнь Митридата.

² Но можно понять: «где есть имущество римлян».

следующее: «Вы и теперь проявляете склонность к римлянам; и многие из вас и сейчас находятся у них, и вы пользуетесь имуществом римлян, не внося нам (приказанной) доли. Кроме того, в битве под Родосом ваша триера ударила в мой корабль и причинила ему повреждение. Я сам (без вашей просьбы) вменил это в вину одним только кормчим, давая вам случай спастись и почувствовать мое великодушие. И вот лучших своих граждан вы тайно послали к Сулле, и ни на кого из них вы не указали и не донесли мне, что они это сделали не по общему решению, а это вы должны были бы сделать, если бы вы не были их соучастниками. Тех, которые злоумышляли против моей власти, злоумышляли на мою жизнь, мои друзья присудили к смерти, я же вас наказываю штрафом в 2 000 талантов». Таково было (суровое) содержание письма. Хиосцы хотели отправить к Митридату посольство, но Зенобий им этого не позволил. Так как оружие у них было отобрано, дети виднейших граждан взяты в качестве заложников, столь значительное варварское войско стояло в их городе, то они, стесняясь, стали сносить украшения храмов и все женские драгоценности для выполнения приказа о 2 000 талантов. Когда они выполнили и это, Зенобий, обвиняя их, что нехватает весу, собрал их всех в театр, и, поставив войско с обнаженными мечами вокруг театра, заняв дороги от театра до моря, он повел туда хиосцев, вызывая каждого в отдельности из театра, и посадил на корабли, отдельно мужчин, отдельно их женщин и детей, причем конвой по варварскому обычаю позволял себе по отношению к ним оскорбления. Когда затем они были доставлены к Митридату, они были отправлены им к Понту Эвксинскому.

48. Так было поступлено с хиосцами. Когда Зенобий с войском подошел к Эфесу, то жители этого города предложили ему сложить оружие у ворот и войти в город с небольшим количеством провожающих. Он послушался их и, войдя в город, пошел к Филопемону, отцу Монины, любовницы Митридата, поставленному Митридатом в качестве наблюдателя над эфесцами, и объявил, чтобы эфесцы собрались к нему на собрание. Эфесцы, не ожидая себе от него ничего хорошего, перенесли это собрание на следующий день, ночью же, собираясь друг с другом и побуждая друг друга, бросили Зенобия в тюрьму и убили, заняли свои стены, распределили все население на отряды, собрали с полей все предметы питания и вообще поставили свой город на военное положение. Узнав об этом, жители Тралл, гипейбы, месополитяне (?)¹ и некоторые другие, боясь такого же несчастья, какое постигло хиосцев, поступили так же, как и жители Эфеса. Митридат послал войско против отпавших городов, и с теми, кого он захватил, он поступил со страшной жестокостью, но, боясь дальнейшего, он дал свободу греческим городам, объявил об уничтожении долгов, метеков в каждом городе сделал полноправными гражданами, а рабов—свободными, надеясь, как это и действительно случилось, что должники, метеки и рабы будут на его стороне, считая, что только под властью Митридата за ними неизменным останется дарованное право. В это время составили заговор против Митридата Миннион и Филотим из Смирны, Клисфен и Асклепиодот с Лесбоса; все они были люди, знакомые с царем, а Асклепиодот был даже некогда его близким другом. Доносчиком этого заговора оказался сам Асклепиодот, и для того, чтобы не было сомнений, дал возможность² из-под какого-то ложа услышать речи Минниона. Когда заговор был открыт, они были казнены после страшных мучений. Подозрение в подобного рода намерениях нависло теперь над многими. Когда из числа жителей Пергама было арестовано 80 человек, составивших такой

¹ Тимолитяне (?).

² Царю (?).

же заговор, и в других городах ряд других лиц, то Митридат послал повсюду своих людей, которые по доносам, в которых каждый указывал на своего врага, казнили до 1 600 человек. В скором времени эти доносчики были захвачены Суллой и казнены, другие уже заранее сами на себя наложили руки, иные же бежали в Понт, к самому Митридату.

49. В то время, как такие события происходили в Азии; Митридат собрал войско в 80 000 человек, и это войско Дорилай повел в Элладу к Архелая, у которого оставалось от прежнего войска 10 000 человек. Сулла стоял лагерем против Архелая около Орхомена. Когда он увидал большое количество пришедшей против него конницы, он вырыл по равнине много рвов шириною в 10 футов, и, когда Архелай выступил против него, он в свою очередь развернул фронт. Так как римляне из-за страха перед конницей сражались слабо, Сулла, объезжая их, долгое время угрозами и угрозами побуждал к бою; но так как и таким образом он их не заставил приняться как следует за дело, он соскочил с коня и, схватив знамя, бросился вместе с отрядом своих телохранителей в середину между двумя войсками, воскликнув: «Если кто спросит вас, римляне, где вы преддали вашего вождя Суллу, скажите: когда он сражался под Орхоменом». Видя его в таком опасном положении, начальники отдельных отрядов выбежали из своих рядов, а с ними и остальная масса, устыдившись, и заставили отступить неприятелей. Когда победа стала склоняться на сторону римлян, Сулла, вновь вскочив на коня, стал объезжать войско, хвалить его и подстрекать рвение, пока, наконец, бой незакончился для них полной победой. Из вражеского войска погибло до 15 000 человек, из них приблизительно было 10 000 всадников, в том числе сын Архелая, Диоген. Пехота бежала в лагерь.

50. Боясь, как бы Архелай опять не убежал от него, как и раньше, в Халкиду, так как у самого Суллы не было кораблей, Сулла ночью поставил по всей равнине на известном расстоянии сторожевые отряды. С наступлением дня, на расстоянии не больше одного стадия от лагеря Архелая, он стал копать ров, причем Архелай не выступал против него. Тогда Сулла стал горячо убеждать свое войско последним усилием закончить войну, так как враги уже неспособны противостоять им, и повел их к валу Архелая. То же самое в свою очередь по необходимости происходило и у врагов: их предводители обходили свои отряды, указывали на угрожающую опасность и на позор, если они не отразят от вала врагов, уступающих в численности. Когда с обеих сторон поднялось стремительное наступление и крик, то и с той и с другой стороны было совершено много военных подвигов; римляне уже разрушили угол укрепленного вала, устроив себе над головами прикрытие из щитов. Тогда варвары, соскочив с укрепления внутрь этого угла, выстроились там, чтобы встретить мечами ворвавшихся туда. Никто не решался туда войти, пока Базилл, начальник легиона, первым не бросился туда и того, кто выступил против него, не убил. Тогда следом за ним бросилось и все войско; произошло бегство и избиение варваров; одни из них были захвачены, другие загнаны в близлежащее озеро, и, не умея плавать, они на своем непонятном варварском языке призывали тех, которые их бы убили. Архелай скрылся в каком-то болоте и, раздобыв маленькое судно, переправился в Халкиду. Все остальные войска Митридата, частично кое-где сохранившиеся, он спешно вызвал к себе.

51. На следующий день Сулла наградил венком начальника легиона Базилла и роздал другим богатые награды. Он разграбил Беотию, все время отпадавшую от римлян; перейдя в Фессалию, (он) там зазимовал, ожидая кораблей с Лукуллом. Не зная, где находится Лукулл, он стал строить другие. И это он делал несмотря на то, что Корнелий Цинна и

Гай Марий, его противники, объявили его в Риме врагом государства, разграбили его дом и его загородные имения и перебили его друзей. Но, несмотря на это, он не потерял своей власти, имея при себе послушное и энергичное войско. Цинна, выбрав себе в качестве товарища по консульству Флакка, послал его в Азию с двумя легионами вместо Суллы, как объявленного врагом государства, чтобы управлять Азией и воевать с Митридатом. Так как Флакк был неопытен в военном деле, то добровольно от имени сената с ним пошел человек, заслуживающий доверия в командовании войском, по имени Фимбрия. Когда они переправлялись морем из Брундизия, многие из их кораблей были раскиданы бурей, а отплывшие вперед были сожжены другим войском, посланным Митридатом. Так как Флакк был негодным человеком, жестоким в назначении наказаний и корыстолюбивым, то все войско от него отвернулось, и часть его, посланная вперед в Фессалию, перешла на сторону Суллы. Остальных Фимбрия, казавшийся им более подходящим для звания предводителя и более мягким, удержал от перехода на сторону Суллы.

52. Когда у Фимбрии на одной остановке за угощением произошел спор с квестором, и Флакк, будучи третейским судьей, вынес решение не в пользу Фимбрии, то Фимбрия, рассердившись, пригрозил, что вернется в Рим. Тогда Флакк назначил ему заместителя на то место, которое он занимал. Фимбрия, дождавшись пока Флакк отплывет в Халкедон, прежде всего отнял у Ферма, которого Флакк оставил своим заместителем, ликторские связки, под предлогом, что ему, Фимбрии, войско передало главное командование, а затем, когда вскоре разгневанный Флакк возвратился, он погнался за ним; Флакк бежал в какой-то частный дом и ночью, перелезши через стену, бежал в Халкедон, а оттуда в Никомедию и запер ворота; Фимбрия же, напав на него, убил его, спрятавшегося в колодце; человека, бывшего консулом римского народа и главнокомандующим в этой войне, убил человек, бывший частным лицом и последовавший за ним по его дружескому приглашению. Отрубив Флакку голову, он бросил ее в море, а остальное тело бросил без погребения и объявил себя предводителем войска. И он с успехом провел несколько сражений с сыном Митридата. Самого же царя он преследовал до самого Пергама, а когда тот бежал из Пергама в Питану, он пошел в наступление и окружил его валом, пока царь не бежал на кораблях в Митилену. 53. Фимбрия же, перейдя в Азию, стал наказывать сторонников каппадокийцев, и земли тех, которые не принимали его, он опустошал. Жители Илиона, осажденные им, прибегли к Сулле, и Сулла обещал им, что он придет, и велел им в то же время передать Фимбрии, что они уже сдались Сулле. Услышав об этом, Фимбрия их похвалил, что они уже стали друзьями римлян, и велел им принять и его, так как ведь и он римлянин, внутрь стен, в насмешку указав им на родство, которое было у илионцев с римлянами. Войдя в город, он стал избивать всех подряд и всё предал пламени; тех же, которые ходили послами к Сулле, он предал всевозможным мучениям. Он, не щадя ни святынь, ни тех, кто бежал в храм Афины, сжег их вместе с храмом. Он срыл и стены и на следующий день он сам обошел город, следя за тем, чтобы ничего не осталось от города. Илион, испытанный худшее, чем во времена Агамемнона, погиб от рук «родственника»; не осталось целым ни одного алтаря, ни одного святилища, ни одной статуи; что же касается священного изображения Афины, которое называют Палладием и считают упавшим с неба, то некоторые думают, что оно было найдено неповрежденным, что при падении стен оно было ими засыпано, если только оно не было унесено из Илиона Диомедом и Одиссеем во время Троянской войны.

Вот как поступил Фимбрия с Илионом, как раз в конце 173-й олимпиады.

Некоторые полагают, что это несчастье с ним произошло как раз спустя 1050 лет после разрушения его Агамемноном. 54. Узнав в это же время и о поражении при Орхомене, сообразив, какое количество войска он с самого начала направил в Элладу, и последовательное и быстрое его уничтожение, Митридат послал приказ Архелая заключить мир на возможно благоприятных условиях. Встретившись с Суллой для переговоров, Архелай сказал: «О Сулла! Царь Митридат, который еще со времен отцов был вашим другом, начал войну из-за корыстолюбия других ваших полководцев; теперь из уважения к твоей доблести он ее прекратит, если ты предложишь справедливые условия». Так как Сулла не имел кораблей и так как ему из дому не посылали ни денег, ни чего другого,—ведь во главе стояли его враги и относились к нему, как к врагу,—так как он уже занял деньги в Дельфах, Олимпии и Эпидавре, дав взамен пропорционально долгу храмам половину Фиванской земли, за то, что фивяне постоянно отпадали, так как он спешил для решения своего спора с врагами привести войско сильное и непотрепанное в боях, он согласился на переговоры и заявил: «О Архелай! Если Митридат потерпел несправедливость, то он имел право отправить послов с жалобой на обиды, но захватить войной такое количество чужих земель, избить такое число людей, присвоить себе общественные деньги, сокровища государственных храмов и частное достояние казненных,—так поступает обидчик. Точно так же, как по отношению к нам, он проявил коварство и по отношению к своим личным друзьям; он и из них убил многих, в том числе и тетрархов, которые сидели вместе с ним за его столом, убил в одну ночь вместе с их женами и детьми; а ведь они с ним не вели войны. Против нас он действовал скорее в силу природной ненависти, чем под влиянием военной необходимости, подвергши различным видам мучений и затем избив италийцев, находившихся в Азии, с женами, детьми, слугами, если они были италийского рода. Столь великую ненависть проявил он, а теперь притворно надевает на себя личину «отеческой дружбы», но он вспомнил об этой дружбе только тогда, когда мною было избито 110 000 ваших солдат. 55. За все это было бы справедливо, чтобы и мы оказались со своей стороны по отношению к нему неумолимы, но ради тебя я берусь добиться для него прощения со стороны римлян, если он действительно собирается измениться. Если же он и теперь действует притворно и лживо, то, Архелай, пора тебе подумать и о самом себе; обдумай, в каких отношениях в данный момент находишься ты с ним; погляди, как он обращается с другими своими друзьями и как мы относимся к Эвмену и Массинисе». Когда еще Сулла это говорил, Архелай решительно отверг такое искушение с его стороны и с досадой сказал ему, что он никогда не будет предателем по отношению к тому, кто поручил ему главное начальство. «Но, (прибавил он), я надеюсь, что с тобой я договорюсь, если ты предъявишь умеренные требования». Помедлив немного, Сулла сказал ему: «Если Митридат передаст нам весь тот флот, который находится у тебя, Архелай, возвратит нам предводителей, пленных, перебежчиков, бежавших рабов, если вернет на прежнее местожительство хиосцев и всех других, которых он заставил насильно переселиться в Понт, если он выведет гарнизоны из всех укреплений, за исключением тех, которыми он владел до нарушения им этого мира, если он выплатит расходы за эту войну, которые пришлось произвестись из-за него, если он удовлетворяется властью над одним только наследственным царством, то я надеюсь, что буду в состоянии убедить римлян не иметь против него гнева за все им совершенное».

Так сказал Сулла; Архелай тотчас же стал выводить гарнизоны отовсюду, а относительно остальных условий запросил царя. Сулла же, пользуясь в этих условиях передышкой, прошел, грабя страну энетов, дар-

данов, синтов, племен, соседних с македонянами, которые постоянно нападали на Македонию; этим он и войско свое упражнял, и одновременно обогащал его. 56. Когда прибыли послы от Митридата, которые согласились на все остальные условия, но возражали только против Пафлагонии, заявив, что Митридат «получил бы гораздо больше для себя, если бы стал вести переговоры с другим вашим полководцем, Фимбрией», Сулла, рассердившись на такое сопоставление, сказал, что и Фимбрия понесет еще наказание и сам он, перейдя в Азию, посмотрит, нужно ли еще заключать мир с Митридатом или вести войну. Сказав это, он быстро двинулся через Фракию против Кипсел, а Лукулла послал вперед в Абидос: Лукулл уже прибыл к нему; не раз подвергаясь опасности быть захваченным морскими разбойниками, он собрал кой-какой флот из Кипра, Финикии, Родоса и Памфилии, опустошил много мест на неприятельском побережье и во время плаванья попытал счастья против кораблей Митридата. Сулла из Кипсел, а Митридат из Пергама вновь сошлись для переговоров; оба они спустились на равнину с небольшой свитой, на виду у обоих войск. Речь Митридата состояла из напоминаний о дружбе и союзе с римлянами как лично его, так и его предков и обвинений против римских послов, против уполномоченных сената и военачальников за те обиды, которые они нанесли ему, вернув Ариобарзана в Каппадокию, отняв у него Фригию и оставив без внимания нанесенные ему Никомедом оскорбления. «И все это, сказал он, они сделали из-за денег, беря их попеременно то от меня, то от них. То, в чем можно было бы упрекнуть большинство из вас, римляне, это — корыстолюбие. Война была вызвана вашими военачальниками, и все, что я совершил для самозащиты, мне пришлось делать скорее по необходимости, чем по своему желанию». 57. Так окончил речь Митридат. В свою очередь Сулла ему ответил: «Ты вызывал меня сюда совсем под другим предлогом, говоря, что охотно примешь то, что тебе будет предложено; но я, конечно, не побоюсь кратко ответить тебе на твои жалобы. В Каппадокию я лично вернул Ариобарзана, будучи наместником в Киликии: таково было решение римлян; ты со своей стороны послушался нас, хотя ты мог возражать и либо переубедить нас или уже больше не возражать, раз это было признано правильным. Фригию тебе дал Маний за взятку; значит, это ваше общее правонарушение. К тому же ты и сам вполне соглашаешься, что получил ее не законным путем, а при помощи подкупа. А так как Маний был и по другим делам уличен у нас в денежных преступлениях, то сенат аннулировал все его постановления. На основании этого решения он признал, что и Фригия была тебе дана противозаконно; и он постановил, чтобы Фригия не платила податей сенату, и сделал ее самостоятельной. Мы не находим возможным владеть тем, что мы завоевали, а на каком основании ты будешь владеть этим? Никомед же жалуется, что ты подослал к нему и Александра, чтобы убить его, и так называемого Хреста (Честного) Сократа, чтобы отнять власть; и вот он, ограждая себя ото всего этого, вторгся в твою страну; если же ты в чем-либо потерпел обиду, тебе нужно было отправить послов в Рим и ожидать ответа. Если же ты хотел поскорее оградить себя от Никомеда, то почему прогнал ты и Ариобарзана, ничем тебя не обидевшего? Изгнав его, ты заставил по необходимости присутствующих римлян вернуть его, а мешая его возвращению, ты зажег эту войну. У тебя издавна было это предрешено, и, надеясь, что ты будешь господствовать над всей землей, если победишь римлян, ты придумывал эти поводы, чтобы прикрыть свой план. Доказательством этому служит и то, что еще не воюя ни с кем, ты заключил союз с фракийцами, скифами и савроматами, что ты отправлял посольства к соседним царям, строил корабли, созывал и кормчих, и штурманов. 58. Твой коварный замысел уличается, главным

образом, временем твоего выступления: когда ты заметил, что Италия отпала от нас, ты подстерег момент, когда мы были заняты всем этим, и напал на Ариобарзана, Никомеда, галатов и Пафлагонию, напал на Азию, нашу собственную область. Захватив их, чего-чего ты только не сделал как с теми городами, против которых ты возбудил рабов и должников, дав им свободу и освобождение от долгов, так и с эллинами, из которых ты под одним предлогом погубил 1 600, или с тетрархами галатов, хотя они были твоими сотрапезниками, которых ты убил, или с людьми италийского племени, которых ты в один день с младенцами и матерями убил и утопил, не удержав своих рук и от тех, кто бежал к алтарям богов. Все это доказывает всю твою жестокость, все твое нечестие и всю глубину ненависти к нам. Присвоив себе деньги всех, ты переправился в Европу с огромным войском, хотя мы запретили всем царям Азии даже ногой ступать на почву Европы. Переправившись в Македонию, которая была нашей областью, ты быстро прошел через нее всю и лишил эллинов свободы. И лишь тогда ты стал менять свои мысли, а Архелая просить за тебя, когда я спас Македонию, избавил эллинов от твоего насилия, уничтожил 110 тысяч твоих солдат и взял твой лагерь со всей его добычей. И я удивляюсь, что сейчас ты защищаешь справедливость того, в чем ты через Архелая приносил свое извинение. Или, когда я находился далеко, ты меня боялся, а когда я тут, ты считаешь, что пришел сюда судиться? Для этого время прошло, так как ты начал войну с нами, а мы уже стали решительно защищаться и будем защищаться до конца». Еще когда Сулла говорил с гневом и возбуждением, мысли царя переменились и он почувствовал страх; он согласился на заключенные Архелаем условия, передал корабли и все остальное и вернулся в Понт, в прежнее отцовское царство.

Так окончилась первая война Митридата с римлянами. 59. Сулла, став лагерем на расстоянии двух стадий от Фимбрии, приказал ему передать войско, которым он командует незаконно. В свою очередь Фимбрия с насмешкой ответил ему, что и он тоже командует не по закону. Тогда Сулла окружил его лагерь рвом. Когда многие из солдат Фимбрии явно стали перебегать к Сулле, Фимбрия созвал оставшихся на собрание и стал призывать с ним оставаться. Когда же они заявили, что не будут воевать со своими согражданами, он, разорвав на себе одежду, стал бросаться им в ноги. Когда это (еще больше от него) отвратило их и число перебежчиков увеличилось, он стал обходить палатки военачальников и, подкупив некоторых из них деньгами, вновь созвал их и велел им дать ему клятву. Когда некоторые из специально поставленных для этой цели закричали, что нужно вызывать каждого поименно для принесения клятвы, он через глашатая вызвал тех, которые получили от него большие одолжения, и прежде всего стал вызывать Нония, его ближайшего участника во всех делах. Когда же и он отказался принести клятву, Фимбрия, обнажив меч, стал грозить убить его; поднялся крик со всех сторон; испугавшись этого, он отказался от такого намерения. Убедив одного раба и деньгами и обещанием свободы, он послал его в качестве перебежчика попытаться сделать покушение на Суллу. Приступая к этому делу и смутившись, он вызвал подозрение, был схвачен и во всем сознался. Войско Суллы, с гневом и презрением окружив укрепление Фимбрии, поносило его и называло его Афинионом: это тот, который некогда, когда было в Сицилии восстание беглых рабов, короткое число дней был их царем.

60. Ввиду всего этого Фимбрия, потеряв всякие надежды, подошел к самому рву и стал вызывать Суллу к себе для переговоров. Но Сулла вместо себя послал к нему Рутилия. Уже одно это обидело Фимбрию, что тот не удостоил его встречи, даваемой даже врагам. Когда Фимбрия

стал просить, чтобы ему было оказано снисхождение, если он по молодости совершил какие-либо ошибки, то Рутилий взял на себя обязательство, что Сулла позволит ему невредимо вернуться к морю, если он намеревается отплыть из Азии, проконсулом которой является Сулла. Тогда Фимбрия, сказав, что у него есть другая, лучшая дорога, удалился в Пергам и, войдя в храм Асклепия, поразил себя мечом. Так как этот удар был для него неудачен, он велел своему рабу прикончить его. Раб убил своего господина, а за господином и себя.

Так умер и Фимбрия, причинивший много зла Азии при Митридате. Сулла предоставил вольноотпущенникам его похоронить, заметивши, что в этом он не будет подражать Цинне и Марию в Риме, которые присудили многих к смерти, а кроме смерти, лишили их еще и погребения. Войско Фимбрии, перешедшее к нему, он принял и соединил со своим, а Куриону приказал вернуть Никомеда в Вифинию, а Ариобарзана в Каппадокию. Он сделал обо всем доклад сенату, делая вид, что он не объявлен врагом отечества.

61. Установив порядок в самой провинции Азии, он хиосцам, ликийцам, родосцам, жителям Магнесии и некоторым другим, либо в награду за их помощь, либо за то, что, желая ее оказать, они многое претерпели ради него, предоставил свободу и дал титул друзей римского народа. Во все же остальные места он разослал войска. Рабам, которым раньше Митридат предоставил свободу, он велел тотчас же вернуться к своим господам. Так как многие не повиновались и многие города еще не подчинялись ему, то между массами свободных и рабов происходила резня по различным поводам; стены многих городов были снесены, и жители Азии в большом количестве были проданы в рабство, а их страны разграблены. Жестоко он наказал державшихся «каппадокийской ориентации», отдельных лиц и целые города, из них особенно жителей Эфеса, которые в позорной угодливости надругались над приношениями римлян. Сверх всего этого, Сулла издал приказ, чтобы пользующиеся значением в городе люди в назначенный день явились к Сулле в Эфес. Когда они собрались, то с высоты ораторской кафедры он произнес им следующую речь:

62. «В первый раз мы пришли в Азию с войском в тот момент, когда Антиох, царь Сирии, грабил вас. Изгнав его и установив границы его царства реку Галис и Тавр, мы не взяли вас под свою власть, хотя после него вы стали нашими подданными, но оставили вас автономными, только некоторых отдали Эвмену и родосцам, нашим союзникам в той войне, притом не с тем, чтобы они платили им подати, но чтобы они были под их покровительством. Доказательством этого служит то, что когда ликийцы стали в чем-то обвинять родосцев, мы их отделили от них. Так вот как мы отнеслись к вам. Вы же, когда Аттал Филометор по завещанию оставил нам свое царство, вместе с Аристиком в течение четырех лет сражались с нами, пока и Аристик не был взят в плен и большинство из вас не было доведено до крайности и охвачено страхом. Однако, действуя даже таким образом, за 24 года вы дошли до высокой степени благосостояния и блеска как в жизни и привычках частного обихода, так и в государственных учреждениях; но вследствие мира и роскоши жизни вы вновь обнаглели, и выждав момент, когда мы были заняты делами в Италии, одни из вас призвали к себе Митридата, другие соединились с ним, когда он пришел. Но что особенно отвратительно,—вы согласились вместе с ним в один день избить всех итальянцев с их детьми и матерями и даже во имя ваших богов не пощадили бежавших в храмы к святым алтарям. За это вы получили известное возмездие и со стороны самого Митридата, проявившего коварство по отношению к вам и наполнившего ваши города убийствами и конфисковавшего ваше имущество; он совершил

раздел земель, уничтожил долги и освободил рабов, над некоторыми из вас он поставил тиранов и в широких размерах допустил и на суше и на море разбой, так что вы сразу можете видеть на себе и сравнивать, чье покровительство вы предпочли бы. Некоторые зачинщики получили возмездие и от нас. Но нужно возложить ответственность за все содеянное и на вас всех сообща. Конечно, она должна была бы быть подобной тому, что вы совершили. Но да не придут никогда на мысль римлянам ни такие нечестивые избиения, ни безумные конфискации или подстрекательства к восстанию рабов, или другие варварские поступки. Щадя племя и имя эллинов и их славу в Азии, ради столь дорогого для римлян своего доброго имени, я предписываю вам только внести немедленно налоги за пять лет и уплатить военные расходы, которые уже произведены мною и которые у меня еще будут, пока я приведу в порядок все остальное. Я лично распределяю их в отдельности по городам и назначу срок для взносов, а на тех, кто этого не выполнит, я наложу наказание, как на врагов».

63. После этой речи он распределил между послами штраф и стал посылать людей для взыскания денег. Так как солдаты нажимали, применяя насилие, то города, не имея средств и занимая под огромные проценты, стали закладывать ростовщикам кто театры, кто гимнасии, кто свои укрепления и гавани и всякое другое общественное достояние. Так были собраны и доставлены Сулле деньги, и несчастьями была исполнена Азия до предела: на ее берега совершенно открыто нападали многочисленные разбойничьи шайки, что напоминало скорее военные походы, чем разбойничьи налеты. В прежние времена их выпустил в море Митридат, когда он опустошал все, что он не надеялся удержать в своей власти на долгое время; тогда же их развелось огромное количество, и они открыто нападали не только на плывущих, но и на гавани, местечки и даже города. На глазах у Суллы они захватили Наксос, Самос¹, Клазомены и Самофракию, а святилище Самофракии ограбили они, как считают, на 100 талантов. Сулла же, или сознательно оставив их претерпевать такие насилия, как совершивших преступление (против римлян), или побуждаемый беспорядками в Риме, с большей частью своего войска отплыл в Грецию, а оттуда в Италию.

То, что касается Суллы, у меня описано в гражданских войнах.

64. Вторая же война, между римлянами и Митридатом началась вот с чего. Сулла оставил в Азии Мурену с двумя легионами, бывшими у Фимбрии, чтобы привести в порядок остальные дела в Азии; но Мурена издевательским образом искал поводов к войне, охваченный жаждой триумфа; а Митридат, уйдя в Понт, воевал с колхами и жителями Боспора, отпавшими от него. Колхи просили его дать им царем сына его, Митридата, и, получив его, тотчас подчинились. Но так как у царя возникло подозрение, что это произошло по плану его сына, желавшего стать царем, то он, призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил его, хотя он оказал ему большую пользу в Азии при столкновениях с Фимбрией. Против же жителей Боспора он начал строить большой флот и готовить огромное войско, при этом размах приготовлений сразу создал впечатление, что все это собирается не против боспорцев, но против римлян. В самом деле, он ведь не отдал еще Ариобарзану всей Каппадокии, но некоторые части ее он и тогда продолжал удерживать за собою. Он стал подозрительно относиться и к Архелая за то, что он в переговорах в Элладе уступил Сулле больше, чем было нужно. Заметив это и испугавшись, Архелай бежал к Мурене и, подстрекая его, убедил его первым напасть на Митридата. И действительно, Мурена тотчас же через Каппадокию напал

¹ Другое чтение: Иассос.

на Команы, очень большое поселение, бывшее под властью Митридата, с чтимым и богатым храмом, убил нескольких всадников Митридата, а его посла, ссылавшимся на договор, ответил, что этого договора не видал (дело в том, что Сулла не закрепил письменно договора, но, подтвердив свои слова делом, удалился из Азии). Сказав это, Мурена тотчас же стал заниматься грабежом, не воздержавшись даже от храмовых денег; зиму он провел в Каппадокии.

65. Митридат отправил в Рим к сенату и к Сулле послов, жалуясь на образ действия Мурены. А тот тем временем, перейдя реку Галис, большую и бывшую тогда для него особенно трудно проходимой из-за дождей, быстро прошел по 400 деревням Митридата; царь нигде не встречался с ним, но ожидал возвращения посольства. Нагруженный большой добычей, Мурена вернулся во Фригию и Галатию. Тут посланный к нему из Рима по жалобам Митридата Калидий не передал ему никакого постановления, но с трибуны среди собравшегося народа официально сказал ему, что сенат велит ему воздерживаться от нападения на царя, так как с ним заключен договор. После этого заявления Калидия видели беседующим с Муреной с глазу на глаз; Мурена, не отказавшись ни в чем от своего намерения, даже после этого двинулся на землю Митридата. Тогда Митридат, считая, что римляне явно ведут с ним войну, велел Гордию напасть на деревни (по ту сторону реки). Гордий тотчас же захватил много рабочего и вьючного скота людей, как простых, так и солдат, и стал лагерем против самого Мурены, имея между ним и собой реку. Ни тот, ни другой не начинали, пока не пришел Митридат с гораздо большим войском, и тотчас около реки произошел сильный бой. Одержав победу, Митридат перешел реку, оказавшись и во всем остальном сильнее Мурены. Мурена бежал на сильно защищенный холм, а когда царь попытался напасть на него и здесь, он, понеся большие потери, бежал по горным местам во Фригию, по непроезжей дороге, под стрелами врагов, с большими трудностями.

66. Молва об этой победе, столь блестящей, столь решительной с самого начала, быстро распространилась и привлекла многих на сторону Митридата. Митридат, заставив бежать или изгнав из Каппадокии все гарнизоны Мурены, принес Зевсу-Воителю по обычаю отцов жертву на высокой горе, воздвигнув на ее вершине другую вершину из дерева, еще более высокую. Первыми несут на эту вершину дрова дари; положив их, кладут на них другой круг, более короткий по окружности; на самый верх они возлагают молоко, мед, вино, масло и всякие курения, а на равнине они устраивают для присутствующих угощение, состоящее из хлеба и всяких приправ (такого рода жертвоприношения совершаются и в Пасаргадах персидскими царями), затем они зажигают дерево. Этот горящий костер, вследствие своей величины, виден плывущим издали на расстоянии тысячи стадий, и говорят, что приблизиться сюда в течение многих дней невозможно: так раскален воздух.

Митридат совершал это жертвоприношение по отеческому обычаю. Сочтя недопустимым, что ведется война против Митридата, заключившего договор с римлянами, Сулла отправил Авла Габиния, чтобы передать Мурене прежний строгий приказ не воевать с Митридатом, а Митридата и Ариобарзана примирить друг с другом. При этой встрече Митридат просватал свою четырехлетнюю дочь за Ариобарзана, и под этим предлогом он договорился владеть тем, что из Каппадокии было в его руках, а сверх этого присвоил и другие части этой страны, угощал всех и назначал всем денежные награды за лучшие тосты, угощения, шутки и песни, как он это обыкновенно делал. Только один Габиний не прикасался ни к чему.

Так прекратилась вторая война Митридата с римлянами приблизительно на третий год.

67. Пользуясь спокойствием, Митридат постарался овладеть Боспором и назначил боспорцам в качестве правителя одного из своих сыновей, по имени Махару. Напав на живших севернее колхов ахейцев, которых считают заблудившимися при возвращении из Трои, и потеряв две трети своего войска в сражениях, от мороза и засад, он возвратился назад и послал в Рим уполномоченных, чтобы подписать договор. Послал и Ариобарзан, по собственному ли почину или по чьим-либо настояниям, с жалобой, что он не может получить Каппадокии, но что большую часть ее Митридат еще отнимает у него. Вследствие приказа Суллы отдать ему Каппадокию, Митридат ему отдал и отправил второе посольство для заключения договора. Так как Сулла уже умер и так как, вследствие большого количества дел, преторы не дали его послам аудиенции в сенате¹, то Митридат подговорил своего зятя Тиграпа напасть на Каппадокию как бы по собственной инициативе. Эта хитрость не укрылась от римлян; армянский же царь, полонив Каппадокию, вывел в Армению до 300 000 человек и поселил их вместе с другими в местности, где он впервые надел на себя корону Армении и которую он по своему имени назвал Тигранокертой, а это должно означать «город Тиграпа».

68. Таковы были дела в Азии. В это время Серторий, правитель Иберии; устроил так, что сама Иберия и все окружные области отпали от римлян; из своих сотрудников он собрал совет, наподобие сената. Двое Люциев из числа тех, которые восстали вместе с ним, Магий и Фанний, стали убеждать Митридата заключить союз с Серторием, внушая ему большие надежды относительно Азии и ближайших к ней племен. Убежденный ими, Митридат отправил послов к Серторию. Последний ввел их в свой сенат и преисполнился гордостью, полагая, что слава о нем достигла даже Понта и что он сможет осадить римлян и с запада и с востока. С Митридатом он договаривался о том, что он даст ему Азию, Вифинию, Пафлагонию, Каппадокию и Галатию, и в качестве главнокомандующего послал ему Марка Вария, а советниками обоих Люциев, Магия и Фанния. С ними Митридат начал третью и последнюю войну с римлянами; в которой он потерял все свое царство, так как Серторий умер в Иберии, а из Рима были посланы против него сначала Лукулл, бывший начальником морских сил Суллы, а потом Помпей, при котором все области, бывшие во власти Митридата, и соседние с ними вплоть до реки Евфрата, перешли во власть римлян под предлогом и в силу войны с Митридатом.

69. Митридат, не раз уже на опыте познакомившись с римлянами, считал, что война, начатая им безо всякого повода и так скоро, и на этот раз будет особенно непримиримой; он поэтому позаботился обо всех приготовлениях; так как считал, что теперь столкновение будет решающим. Остаток лета и целую зиму он заготовлял лес, строил корабли и готовил оружие и собрал в разных местах побережья до 2 000 000 медимнов хлеба. В качестве союзников к нему присоединились; кроме прежних войск, халибы, армяне, скифы, тавры, ахейцы, гениохи, левкосуры и те, которые живут на землях так называемых Амазонок около реки Термодонта. Такие силы присоединились к прежним его войскам из Азии; а когда он перешел в Европу, то присоединились из савроматов так называемые царские; язгыри; кораллы; а из фракийцев те племена, которые живут по Истру, по горам Родоне и Гему; а также еще бастарны, самое сильное из них племя. Такие силы получил тогда Митридат из Европы. И собралось у него всего боевых сил, пехоты около 140 000; а всадников до 16 000.

¹ ἐπι το κοινόν — собственно «в народном собрании».

Кроме того, следовала за ним большая толпа проводников, носильщиков и купцов.

70. С наступлением весны, проведя испытание своего флота, он совершал установленное жертвоприношение Зевсу-Воителю, а в честь Посейдона он бросил в море пару белых коней; затем он поспешил в Пафлагонию; начальниками его войска были Таксил и Гермекрат. Когда он прибыл туда, он произнес речь перед войском, прославляя своих предков и восхваляя самого себя, говоря, что свое царство, бывшее маленьким, он сделал огромным и лично ни разу не был побежден римлянами. Затем он высказал обвинение против римлян в корыстолюбии и жадности, под гнетом которой стонет поработенная Италия и сама их родина. Кроме того, о последнем договоре он заявил, будто римляне не хотят оформить его письменно, выжидая удобного момента, чтобы вновь напасть на него. Возлагая на них вину за данную войну, он отметил силу своего войска и его снаряжения, указал на то, что римляне сейчас заняты серьезной войной с Серторием в Иберии, а в Италии идет междоусобная война. «Поэтому», сказал он, «они не обращают внимания и на море, уже долгое время находящееся во власти морских разбойников, и нет у них никакого союзника, и никто по доброй воле не является их подданным. Разве вы не видите, сказал он, показывая на Вария и на обоих Люциев, что лучшие из них—враги своему отечеству и союзники нам?».

71. Сказав так и воспламенив свое войско, Митридат напал на Вифинию, где недавно умер Никомед бездетным и оставил свое царство по завещанию римлянам. Правителем ее был Котта, человек в военном деле слабый; он бежал в Халкедон с тем войском, которое у него было. Вифиния тотчас же оказалась под властью Митридата. Со всех сторон римляне стали сбегаться к Котте в Халкедон. Когда Митридат двинулся и против Халкедона, то Котта в своей бездеятельности не вышел против него, начальник же его морских сил, Нуд, с некоторою частью войска занял наиболее укрепленные пункты на равнине, но, изганный оттуда, бежал к воротам Халкедона, одолев с большим трудом много препятствий. Около ворот произошла сильная толкотня, так как все вместе торопились прорваться в ворота. Поэтому ни одна стрела преследовавших не пропала даром. Когда же и стража, стоявшая у ворот, испугавшись, опустила на них запоры неожиданно¹, то Нуда и некоторых из других начальников они подняли кверху при помощи ремней, другие же погибли, находясь между врагами и друзьями, простирая руки к тем и другим. Митридат, пользуясь таким благоприятным поворотом судьбы, повел в тот же день свои корабли на гавань и, разорвав заграждения, состоящие из медных цепей, сжег из неприятельских кораблей четыре, а остальные 60 захватил на буксир, причем ни Котта, ни Нуд не оказывали ему в этом сопротивления, но сидели, запершись в стенах. Из римлян было убито до 3 000, в том числе один из сенаторов, Люций Маллий, а у Митридата погибло 20 человек из бастернов, первыми ворвавшихся в гавань.

72. Люций Лукулл, выбранный консулом и главнокомандующим в этой войне, двинулся из Рима с одним легионом и, присоединив два других, бывших у Фимбрии, и к ним набрав еще два, всего имея 30 000 пехоты и около 1600 всадников, стал лагерем около Митридата под Кизиком. Узнав через перебежчиков, что войско царя равняется приблизительно 300 000, а продовольствие или собирается солдатами, или получается с моря, Лукулл сказал окружающим его, что скоро он захватит неприятелей без боя, и велел им попомнить это обещание. Увидав гору, удобную для устройства лагеря, откуда, как он считал, он сумеет легко получить

¹ ἀπό μηχανῆς (при помощи приспособления).

продовольствие, а врагов отрежет от подвоза, он попытался захватить ее, в надежде отсюда добиться победы без риска. Так как на эту гору вел один только узкий проход, то Митридат усиленно охранял его: так советовал ему Таксил и другие полководцы. Люций же Магий, послуживший посредником между Серторием и Митридатом, теперь, когда Серторий был уже убран с дороги, стал тайно сноситься с Лукуллом и, получив от него обещание безопасности, стал советовать Митридату не обращать внимания, если римляне пойдут и станут лагерем, где им угодно. Он говорил, что два легиона, бывшие под начальством Фимбрии, хотят перейти на его, Митридата, сторону и тотчас соединиться с царем, так чего же ему стремиться к бою и кровопролитию, если он может без боя победить врагов? Ничего не подозревая, Митридат безрассудно согласился с его доводами и не помешал римлянам безопасно пройти через теснины и укрепить против него высокую гору. Владея ею, римляне могли безопасно подвозить с тылу продовольствие; что же касается Митридата, то они рассчитывали, что озером, горами и реками они отрежут его от всяких возможностей подвоза провианта по суше, разве только с трудом ему удастся кое-что получать: у него не было уже широких проходов, а атаковать Лукулла он уже не мог из-за недоступной позиции, завладеть которой он сам пренебрег. Так как приближалась зима, то следовало ожидать, что доставка по морю окажется затруднительной. Видя все это, Лукулл напомнил друзьям о своем обещании и указал, что тогдашнее предсказание исполнится с минуты на минуту.

73. Митридат, может быть, и тогда еще мог, благодаря численности своего войска, пробиться через середину врагов; но он не захотел этого сделать; с теми сооружениями, которые он сделал для осады, он напал на Кизик, решив, что этим он одновременно исправит и свою плохую позицию, и недостаток снабжения. Так как при его большом войске у него был избыток в людях, то он делал на город нападение всякими способами, отделив гавань двойной стеной и окружив рвами остальные части города. Он насыпал много насыпей, выстроил много осадных машин, башен и «черепак» для таранов, воздвиг осадную машину в сто локтей, с которой поднималась вторая башня с катапультами, бросающая в город камни и другие метательные снаряды. В гавани две связанные между собой пертеры несли на себе еще башню, с которой выкидывался мост при помощи особого приспособления, когда она приближалась к стенам. Когда у него было все готово, то прежде всего он подвез на кораблях к городу 3000 кизикийцев-пленников, которые, простирая руки к стенам, умоляли пощадить своих сограждан, подвергающихся такой опасности, пока, наконец, военачальник кизикийцев Писистрат не велел со стены им объявить, чтобы они терпеливо выносили случившееся с ним, раз они стали пленными.

74. Когда Митридату не удалась эта попытка, он двинул к стенам бывшую у него на кораблях машину; внезапно с нее упал на стену мост, и по нему четверо воинов перебежали на укрепления. Пораженные вначале этим совершенно новым для них явлением, кизикийцы было немного отступили, но так как за этими четырьмя другие не последовали немедленно, они пришли в себя и столкнули со стены этих четырех, а бросая на корабли огонь и смолу, заставили их грести обратно и отступать, пятясь задом со своим сооружением. Так кизикийцы одержали победу над теми, кто пытался напасть на них с моря. В тот же день была сделана против них третья попытка нападения: с суши были двинуты против них одновременно все осадные сооружения, и кизикийцы попали в тяжелое положение, так как они все время перебежали с места на место, помогая угрожаемым пунктам. В таранах они камнями разбивали бревна, петлями отклоняли в сторону

или шерстяными плетенками ослабляли их силу; метательные снаряды с огнем они встречали водой и уксусом, другим же они противопоставляли одежды и ненатянутые куски материй и прекращали их полет; вообще они не упускали ничего, доступного храбрым мужам. Хотя они всем этим бедам противостояли с исключительной стойкостью, однако часть стены у них была сожжена и к вечеру упала. Но никто (из войск Митридата) не успел прорваться через горящие развалины, ночью же кизикийцы тотчас восстановили стену, а возникшая в те же дни сильная буря разбила и остальные сооружения царя.

75. Говорят, что город Кизик был дан Зевсом в качестве приданого за его дочь Корой; из всех богов кизикийцы почитают ее больше всего. Когда подошел ее праздник, в который они приносят ей в жертву черную корову, за неимением таковой они вылепили корову из хлеба, но вот черная корова приплыла к ним из моря и, пройдя через запоры гавани, вбежала в город и сама совершила путь в святилище и стала у жертвенника. Кизикийцы и принесли ее в жертву, окрыленные лучшими надеждами. Друзья советовали Митридату удалиться, так как город явно под божеским покровительством. Он их не послушался, но удалился на лежащую над городом гору Диндим и с нее стал вести свой подкоп в город, соорудил башни и подкопами распатал стены. Своих коней, которые тогда были ему бесполезны, ослабевших от бескормицы и охромевших, так как они сбили себе копыта, он отправил окружным путем в Вифинию. Когда они переправлялись через реку Риндак, напавший на них Лукулл взял 15 000 человек пленных, около 6 000 коней и много вьючного скота.

Вот что было под Кизиком; в это время Эвмах, полководец Митридата, быстро пройдя по всей Фригии, убил многих римлян с их детьми и женами, подчинил писидов, исавров и Киликию, пока, наконец, один из тетрархов Галатии, Дейотар, не напал на него при его продвижении и многих убил.

76. Вот что было во Фригии; наступившая зима отняла у Митридата возможность подвоза продовольствия также и с моря, если такой вообще был возможен, так что войско его совсем голодало, многие умирали, а некоторые по варварскому обычаю поедали человеческие внутренности; иные же, питаясь травой, заболевали. Их трупы, брошенные поблизости без погребения, вызвали чуму к довершению голода. Однако Митридат упорно держался, надеясь еще, что он возьмет Кизик при помощи тех подкопов, которые он вел с Диндима. Но когда жители Кизика подрыли ему и эти подкопы и сожгли машины и, видя его голод, часто делали вылазки и нападали на врагов, уже ослабевших, тогда Митридат, наконец, задумал бегство, и ночью бежал сам на кораблях в Парос, а его войско — сухим путем в Лампсак. Когда они переходили реку Эсеп, очень сильно разлившуюся, то и от реки, и от нападения Лукулла они понесли большие потери.

Так жители Кизик, несмотря на большие приготовления царя, избежали гибели, благодаря тому, что и они со славой защищались, и Лукулл теснил его голодом. Они установили в честь Лукулла празднества и до сих пор их справляют, так называемые «Лукуллии». Всех бежавших в Лампсак, ввиду того, что они еще были осаждены Лукуллом, Митридат, послав корабли, вывез к себе вместе с жителями Лампсака. Десять тысяч отборных воинов на пятидесяти кораблях оставив в распоряжении Вария, присланного к нему от Сертория в качестве главнокомандующего, а также Александра из Пафлагонии и Дионисия-евнуха, сам с большинством отплыл в Никомедию. Поднявшаяся буря погубила многих и в том, и в другом флоте.

77. Когда Лукулл выполнил свой план войны на суше при помощи голода, он собрал корабли из провинции Азии и передал их бывшим под его

начальством полководцам. Отправившись с флотом, Триарий взял Апамею и произвел ужасное избиение апамейцев, сбежавшихся под защиту храмов. Барбас взял Прусиаду около горы, захватил и Никиею, так как гарнизон Митридата бежал. Лукулл у Ахейского залива захватил тринадцать неприятельских судов. Вария, Александра и Дионисия он захватил у Лемноса, на пустынном берегу, — на нем показывают жертвенник Филоктету, медную змею, лук, стрелы и панцырь, обвязанный повязками, как воспоминание о его страданиях; он двинулся против них с большим шумом и без всяких предосторожностей, но, так как они спокойно оставались на месте, он приостановил продвижение, подсылая по два корабля, вызывая их, чтобы они выплыли в море. Так как они не двигались, но защищались с суши, он объехал остров на других кораблях и, высадив на него пехоту, загнал врагов на корабли. Но они не вышли в море, боясь войска Лукулла, но плавали около земли; и поэтому, оказавшись под вражескими ударами с обеих сторон, они были переранены, и многие были убиты или бежали. В пещере были захвачены скрывшиеся Варий, Александр и Дионисий-евнух. Из них Дионисий, выпив, как полагают, яд, тотчас же умер; Вария Лукулл приказал убить: он считал, что римлянин и сенатор не должен идти в триумфе. Александра же он сохранил для торжественной процессии. Обо всем этом Лукулл послал доклад в Рим, обвязав послание веткой лавра, как это принято при победах, а сам устремился в Вифинию.

78. Когда Митридат плыл в Понт, его застигла страшная буря; от нее он потерял людей до десяти тысяч и около шестидесяти кораблей; остальные были разбросаны, куда кого буря занесла. Сам царь, так как его царский корабль был разбит бурей, перешел, вопреки советам друзей, на легкое судно морских разбойников; они невредимо доставили его в Синоп, а оттуда он отправился в Амис на буксире и отправил послов к своему зятю, Тиграну, царю Армении, и к своему сыну, Махару, правившему в Боспоре, побуждая и того, и другого оказать ему помощь. А к соседним с ним скифам он велел Диоклу отнести золото и много даров. Диокл же с этими дарами и со всем золотом перебежал к Лукуллу. Лукулл, ввиду своей победы смело двигаясь вперед и подчиняя себе все, что попадалось ему на пути, грабил эту страну. Так как эта область была вообще богатой и долгое время не испытывала войны, то тотчас рабы здесь стали продаваться по 4 драхмы, бык по одной, пропорциональна была стоимость коз, овец, одежды и всего остального. Лукулл окружил и осадил Амис и Евпаторию, которую Митридат построил около Амиса и назвал по своему имени Евпаторией и считал своей резиденцией, а другим войском — Темискиру, которая получила свое имя от одной из амазонок и находится на реке Термодонте. Осаждавшие жителей Темискиры выстроили против них башни, насыпали большие насыпи и вырыли подземные ходы столь большие, что в них под землей большими отрядами вступали друг с другом в рукопашный бой. Жители же Темискиры, сделав сверху в эти ходы отверстия, пускали туда против работающих медведей и других диких животных, а также рои пчел. Те же, которые осаждали Амис, претерпевали другие трудности, так как жители Амиса сильно отбивались от них, часто выбегали из-за стен и вызывали на единоборство. Митридат посылал им большое количество продовольствия, оружия и войска из области кабиров, где он сам зимовал и собирал другое войско. И к нему собиралось до 40 000 пеших и 4000 конницы.

79. С наступлением весны Лукулл через горы двинулся против Митридата. У Митридата были выставлены передовые отряды, чтобы задерживать Лукулла и, тотчас же зажегши огонь, дать ему знать, если что-нибудь случится. Начальником этого сторожевого отряда был у Митридата че-

ловец из парского рода, по имени Феникс. Когда Лукулл стал приближаться, он, правда, дал знать Митридату огненным сигналом, но сам со своими силами перешел к Лукуллу. Лукулл, безбоязненно уже пройдя через горы, спустился к Кабуре. Когда у него там произошла конная битва с Митридатом, он был побежден и ушел обратно в горы. Начальник же его конницы, Помпоний, был ранен и доставлен к Митридату. На вопрос царя: «Чем бы ты мог отблагодарить меня, если я не лишу тебя жизни?», он ответил: «Если бы ты был другом Лукулла, то очень многим; если бы ты остался Лукуллу врагом, то я не буду даже советовать». Так ответил Помпоний; когда варвары требовали убить его, царь ответил, что он не проявит насилия против доблести, попавшей в тяжелое положение. Не раз он выводил войско, но, так как Лукулл не спускался для боя, он, перейдя перевал, пытался напасть на него. В это время некий начальник, скифского рода, по имени Олкаба, давно уже перебежавший к Лукуллу, спасший во время этой конной битвы многих и за это награжденный Лукуллом допущением к столу полководца, правом высказывать суждения и участвовать в тайных совещаниях, подошел к палатке Лукулла, когда тот в полдень отдыхал, и потребовал, чтобы его впустили. На поясе у него, как всегда, был надет обычный короткий кинжал. Так как его не допустили, он вознегодовал и сказал, что крайне важное дело заставляет его разбудить полководца; но слуги Лукулла ответили, что для Лукулла самое важное сейчас быть здоровым; тогда он тотчас же вскочил на коня и ускакал к Митридату—потому ли, что он покушался на Лукулла и ему показалось, что его подозревают, или под влиянием гнева, считая, что с ним поступили дерзко. Митридату он сообщил о другом скифе, по имени Собадаке, что тот собирается перебежать к Лукуллу. Собадак был захвачен. 80. Лукулл же, избегая спускаться на равнину, пока враги превосходили его силой конницы, и не видя другого обхода, нашел в пещере охотника, знающего горные тропы, и, пользуясь им как проводником, по непроходимым дорогам прошел над головою Митридата и спустился вниз, избегая и здесь равнины из-за конницы, и стал лагерем, имея перед собою в качестве защиты овраг, по которому протекал ручей. Чувствуя недостаток в продовольствии, он послал за хлебом в Каппадокию, а с врагами вел все время перестрелку; но, когда несколько из царских отрядов бежало, Митридат, двинувшись из своего укрепленного лагеря, укорами заставил своих солдат повернуть назад и навел на римлян такой страх, что они бежали вверх, в горы, не замечая, что враги остались далеко позади, но каждый думал, что бегущий вместе с ним или следующий за ним позади является врагом: так сильно были они перепуганы. А Митридат разослал повсюду письменные извещения об этой победе. Большую часть своей конницы, при этом наиболее боеспособную, он велел поместить в засаде против тех, которые доставляли продовольствие Лукуллу из Каппадокии, надеясь, что, оказавшись без провианта, Лукулл испытывает то же, что он сам испытывал под Кизиком.

81. План был хорош—отрезать Лукуллу подвоз съестных припасов, которые он мог получать из одной только Каппадокии. Но всадники паря, встретившись с авангардом отряда, доставлявшего продовольствие, в узком проходе и не дождавсь, чтобы они вышли на широкую равнину, сами для себя, как это и естественно в узком проходе, сделали коней бесполезными. За это время и римляне, успев из путевой колонны выстроиться в боевой порядок, одних из воинов паря убили, так как пешим помогала узость прохода, других загнали в горы, третьих рассеяли, обратив в бегство. Лишь немногие ночью прибежали в лагерь, утверждая, что только они одни остались в живых; они распространили преувеличенное представление об этом поражении, которое было немалым.

Митридат, узнав об этом раньше Лукулла и считая, что при таком поражении конницы Лукулл тотчас же нападет на него, испугался и задумал бежать; тотчас он сказал о таком своем решении своим друзьям по палатке, а они, прежде чем был дан приказ, еще ночью поспешили каждый выслать свой багаж из лагяря. У ворот столкнулось большое количество выючных животных; войско увидало все это и узнало, кто увозит свой багаж; предполагая, что произошло что-либо еще более страшное, воины со страхом и с негодованием, что им ничего не было объявлено, бросились к укреплениям лагяря, стали их разрушать и разбежаться из равнины во все стороны, безо всякого порядка, куда кто мог, без приказа своего военачальника или ближайшего командира. Митридат, заметив, что происходит беспорядочное и поспешное бегство, выбежал к ним из своей палатки и пытался что-то сказать; но его уже никто не слушал; затертый в толпе и сбитый с ног, он упал. Тогда он вскочил на коня и с немногими ускакал в горы.

82. Узнав об удачном исходе доставки провианта и произошедшей битве, видя бегство врагов, Лукулл послал большое количество всадников преследовать убегающих, а тех, которые еще собирались в лагере, он окружил пехотой и велел в данный момент не грабить ничего, но убивать всех беспощадно. Но когда римские солдаты увидали много золотых и серебряных сосудов и дорогих одежд, они забыли об этом приказании. Даже те, которые вот-вот должны были захватить самого Митридата, ударив по клади одного из мулов, несшего золото, и увидав посыпавшееся золото, занявшись им, набросились на него и позволили Митридату бежать в Команы, откуда он с двумя тысячами всадников бежал к Тиграну. Хотя Тигран не допустил его к себе на глаза, но приказал держать его с почетом, как полагается царю в своих имениях. Тогда Митридат, потеряв совершенно надежду на сохранение своего царства, послал в свой дворец евнуха Бакха с тем, чтобы он убил его сестер, жен и наложниц, каким только путем он сможет. И действительно, они погибли от меча, яда и петли. Видя это, начальники гарнизонов Митридата массами стали переходить на сторону Лукулла, за исключением немногих. Лукулл подчинил их одного за другим, а затем, плывя с флотом, забирал припонтийские города: Амастриду, Гераклею и другие.

83. Синоп еще крепко держалась против Лукулла, и его жители продолжали не плохо сражаться с ним на море. Когда же он осадил их город, они сожгли более тяжелые из своих кораблей и, взойдя на более быстрые, бежали. Но Лукулл тотчас же дал свободу городу благодаря сновидению, которое было следующим. Говорят, что Автолик, ходивший вместе с Гераклом походом против амазонок, бурей был занесен в Синопу и овладел городом; у синопцев была чтимая его статуя, которую жители Синопсы не успели захватить во время бегства, но закрыли ее льняными покрывалами и парусами. Лукулл ничего об этом не знал и даже не предполагал; и вот ему приснилось, что он видит Автолика, позвавшего его. Когда на следующий день эту статую, всю закутанную, принесли к Лукуллу, он велел ее развернуть и увидел точь-в-точь такого, который, казалось ему, явился во сне. Таково было это сновидение. Вслед за Синопой Лукулл заселил и Амис, жители которого тоже бежали морем; он узнал, что город был колонией афинян, когда они были властителями морей, и что он долгое время пользовался демократическим правлением, а потом попал под власть персидских царей; получив затем в силу приказа Александра демократическое правление, он вновь был поработен понтийскими царями. Лукулл, сочувствуя Амису за все это и соревнуясь с Александром в своих милостях к людям афинского племени, сделал город автономным и поспешил быстро созвать назад жителей Амиса.

Так опустошил и вновь заселил Лукулл Синопу и Амис; а с Махарой, сыном Митридата, царствовавшим в Боспоре и приславшим ему золотой венок, он заключил дружбу; от Тиграна же он стал требовать выдачи Митридата. Затем сам он вернулся в провинцию Азию, еще не выплатившую сумм, наложенных Суллой, и установил подать в размере четвертой части с плодов земли, и налоги с рабов и с домов. И он принес победные жертвы, как будто война у него была совершенно закончена.

84. После этих жертвоприношений он двинулся против Тиграна, не выдававшего ему Митридата, с двумя отборными легионами и пятьюстами всадников. Перейдя Евфрат, он продвигался, требуя от варваров только поставки предметов первой необходимости: эти люди с ним не воевали и не хотели нести какие-либо тяготы, пока Лукулл и Тигран не разрешат между собою спора. Тиграну никто не сообщил о вторжении Лукулла, а первый, сказавший ему об этом, был им повешен, так как он счел, что этот человек хочет вызвать среди его городов волнение. Когда же, наконец, он это заметил, он выслал вперед Митробарзана с двумя тысячами конницы, чтобы задержать продвижение Лукулла. Он поручил Манкею охранять Тигранокерту, — этот город, как я указал раньше, царь заложил и выстроил в этом месте в честь себя; сюда собрал он знатнейших лиц своего государства, угрожая при этом, что все то, что они не возьмут с собою, будет конфисковано. Он окружил город стенами высотой в 50 локтей, в толще их было устроено много лошадиных стойл; в предместье города он воздвиг дворец с большими парками, с охотничьими ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление. Поручив все это наблюдению Манкея, он отправился собирать войско по окружным областям. При первом же столкновении Лукулл тотчас же обратил в бегство Митробарзана и преследовал его, а Секстилий, осадив Манкея в Тигранокерте, тотчас же разграбил дворец, так как он был неукрепленным, а город с его гарнизоном он окружил рвом, поставил машины и подкопами распатал стены. Вот чем был занят Секстилий.

85. Тигран, собрав 250 000 пехоты и всадников около 50 000, послал из них около 6000 в Тигранокерту; они прорвались через укрепления римлян к гарнизону и, забрав жен царя, вновь возвратились. С остальным войском сам Тигран двинулся на Лукулла. Митридат, впервые встретившийся тогда с ним, советовал ему не вступать с римлянами в сражение, но, окружая их одной только конницей и опустошая землю, постараться довести их до голода тем же способом, как и сам он под Кизиком, доведенный Лукуллом до истощения, потерял без битвы все свое войско. Тигран, посмеявшись над таким его военным планом, двинулся вперед, готовый вступить в сражение. Увидав малочисленность римлян, он с насмешкой сказал о них: «Если это послы, то их много, если же враги, то их чересчур мало». Лукулл, увидав позади Тиграна удобный холм, приказал коннице нападать на Тиграна с фронта, привлекать (внимание неприятеля) на себя и без сопротивления отступать, чтобы ряды варваров при преследовании расстроились; а сам с пехотой незаметно окольными путями двинулся на этот холм. И когда он увидал врагов, растянувшихся в преследовании на большое пространство и чувствовавших себя как бы победителями, а весь их вьючный скот у себя под ногами, Лукулл громко воскликнул: «Наша победа, о мои храбрые воины!» и первый бегом бросился на вьючный скот. Животные тотчас в беспорядке бросились бежать и навалились на пехоту, а пехота на конницу. Сразу бегство стало всеобщим: те, которые в пылу преследования были увлечены на большое расстояние, когда римские всадники, повернувшись, напали на них, были уничтожены, в ряды других ворвались подгоняемые вьючные животные; как обычно бывает при таком множестве, все

сталкивались друг с другом, и так как никто не знал, откуда идет на них гибель, то произошло страшное избиение, ибо никто ничего не забирал: с большими угрозами Лукулл запретил им это, так что на расстоянии 120 стадий они, проходя без внимания мимо браслетов и ожерелий, только убивали, пока не настала ночь. Только тогда они повернули назад и стали обирать убитых: теперь Лукулл им разрешил это.

86. Видя со стен Тигранокерты произошедшее поражение, Манкей разоружил всех греков, которые служили у него наемниками, подозревая их (в готовности изменить); они же, боясь ареста, ходили все вместе с палками в руках и вместе же ночевали; а когда Манкей направил против них вооруженных варваров, то они, намотав платье на левую руку вместо щитов, смело напали на них; оружие убитых они распределили между собой. Когда они по возможности собрали его достаточно, они захватили часть стены между двумя башнями и стали звать римлян, находившихся вне стен, и принимали их, когда они поднимались на стену.

Так была взята Тигранокерта и было разграблено много богатств, так как город был выстроен недавно и заселен с великолепиям.

87. Тем временем Тигран и Митридат, обходя области, собирали другое войско, главное начальство над которым было поручено Митридату, так как Тигран считал, что перенесенные им несчастья были для него наукой. Они послали и к парфянскому царю, призывая его к себе на помощь. Так как и Лукулл отправил к нему послов и предлагал ему или заключить с ним союз, или не вмешиваться в их взаимную борьбу, то парфянский царь тайно заключил союз с обоими и не спешил притти на помощь ни тому, ни другому. В это время Митридат готовил оружие в каждом городе и призвал к оружию почти всех армян. Выбрав из них самых лучших—около 70 000 пеших и половину этого числа конных, он остальных отпустил, а этих распределил на отряды и когорты почти так же, как италийское войско, и передал их на обучение понтийским учителям. Когда Лукулл к ним приблизился, то Митридат все пешее войско и большую часть конницы поставил на холме; с остальной же конницей Тигран напал на римлян, занятых собиранием провианта, но был ими разбит. Вследствие этого римляне еще более безбоязненно стали собирать продовольствие возле самого лагеря Митридата и стали тут лагерем. Как-то вновь поднялась большая туча пыли, так как приближался Тигран. Их план был такой, чтобы Лукулл оказался между ними двумя. Заметив это, Лукулл выслал лучших из всадников возможно дальше вступить с Тиграном в сражение и помешать ему развернуть походную колонну в боевой строй, а сам, вызывая Митридата на бой... и окружая лагерь рвом, не стал вызывать его на сражение, пока начавшаяся зима не заставила всех прекратить военные действия.

88. И вот Тигран удалился во внутренние части Армении, а Митридат устремился в Понт, где были еще остатки его царства, имея 4000 собственных воинов и взявши столько же других у Тиграна. Следом за ним двинулся и Лукулл; ему тоже пришлось уйти вследствие недостатка продовольствия. Предупредив его, Митридат напал на Фабия, оставленного здесь Лукуллом главнокомандующим, и, обратив его в бегство, убил 500 человек. Фабий освободил всех рабов, которые были у него в лагере, и в течение целого дня опять сражался с Митридатом; сражение шло с переменным успехом, пока не пришлось поспешно вынести из боя Митридата, пораженного камнем в колено и стрелой под глазом. После этого много дней сохраняли спокойствие: одни—вследствие страха за здоровье царя, другие—вследствие большого количества раненых. Ухаживали за Митридатом агары, скифское племя, пользующиеся змеиным ядом для лечения и поэтому всегда бывшие при царе; к Фабию же прибыл Триарий, другой

военачальник Лукулла, со своим войском и принял от Фабия и власть и звание. Немного времени спустя, когда Триарий и Митридат собирались вступить друг с другом в сражение, поднялся такой ураган, которого не запомнят, сорвал у того и у другого палатки, подхватил багаж и вьючный скот и из людей некоторых сбросил в пропасть. Тогда оба они разошлись.

89. Но при известии о приближении Лукулла Триарий, стремясь закончить дело до его прихода, еще ночью двинулся к передовым (сторожевым) отрядам Митридата. Долгое время сражение было нерешительным; тогда царь усиленным натиском на своем участке решил сражение и, рассеяв неприятелей, запер их пехоту в болотистой канаве, где они погибли, не имея возможности стоять. Конницу же он преследовал по равнине, энергично стараясь использовать счастливый поворот судьбы, пока какой-то римский центурион, бежавший около него, как раб, не нанес ему в бедро глубокой раны мечом, не надеясь, что сумеет поразить его в спину из-за панцыря. Ближайшие к Митридату тотчас же убили его, Митридат же был унесен в тыл, и его друзья спешно отозвали войско назад, несмотря на блестящую победу. Среди сражающихся возникло смятение и недоразумение при таком бессмысленном отозвании, возник страх, нет ли чего ужасного с другой стороны; узнав, наконец, в чем дело, солдаты окружили тело Митридата на равнине и шумели, пока врач Тимофей, остановив кровь, не показал его с возвышенного места; так было и с македонянами в Индии, испугавшимися за Александра: Александр показался перед ними у храма выздоравливающим. Как только Митридат поднялся, он стал тотчас упрекать тех, которые отозвали войско из битвы, и в тот же день вновь повел войско на римский лагерь. Но римляне в страхе успели уже бежать из него. Когда обирали трупы убитых римлян, то выяснилось, что убито было 24 трибуна и 150 центурионов. Такое число начальников редко когда погибало у римлян в одном сражении.

90. Митридат устремился в Армению, которую римляне теперь называют Малой Арменией, и то, что легко было забирать с собой из продовольствия, он забирал, а неудобное уничтожал, заранее лишая продовольствия подходившего Лукулла. И вот некий римлянин, сенатор, по имени Аттидий, по суду изгнанный из отечества, давно уже пришедший к Митридату и удостоенный его дружбой, был схвачен, так как злоумышлял на его жизнь. Царь казнил его, не считая справедливым подвергнуть пытке человека, бывшего некогда римским сенатором, замешанных же вместе с ним в этот заговор он подверг страшнейшим мучениям. Вольноотпущенников же, которые были соучастниками Аттидия в этом замысле, он отпустил невредимыми, говоря, что они служили своему господину. Когда Лукулл уже стоял лагерем против Митридата, правитель Азии, послав повсюду вестников, объявил, что римляне упрекают Лукулла, что он затягивает войну сверх нужного времени, и что они распускают бывших в его войске солдат и имущество ослушников они конфискуют. Когда это было объявлено, войско все разошлось, кроме немногих, которые, будучи очень бедны и не боясь поэтому объявленного наказания, остались при Лукулле.

91. Таким образом, эта война Лукулла против Митридата не была доведена до твердого и решительного конца. Обеспокоенные отпадением Италии и стесненные голодом, так как на море грабили морские разбойники, римляне решили, что несвоевременно для них вести другую, столь значительную войну, пока не справятся с трудностями. Получив обо всем этом сведения, Митридат вторгся в Каппадокию и укрепил свое собственное царство. Римляне не обращали внимания на такую его деятельность, пока очищали море от пиратов. Но когда оно было очищено и очистивший его Помпей был еще в Азии, они тотчас взялись за войну с Митридатом и

послали Помпея в качестве главнокомандующего и в этой войне. Так как мне кажется, что совершенное Помпеем на море являлось преддверием его похода против Митридата, и так как рассказ об этом не встречается ни в каком специальном сочинении; то я считаю нужным включить его в эту часть своей работы и быстро пробежать события, как они происходили.

92. Когда Митридат в первый раз вступил в войну с римлянами и завладел всей Азией; так как Сулла задержался ввиду затруднений в Элладе, то он, полагая, что ему недолго придется владеть Азией, все опустошил, как я указал раньше, а на море допустил морских разбойников, которые вначале плавали, как это обычно у пиратов, на небольших и немногочисленных быстроходных судах и грабили; когда же война стала затягиваться, их стало появляться больше, плавали они уже на больших кораблях. Испробовав сладость больших доходов, они не прекратили этого дела и тогда, когда Митридат был побежден, заключил мир и удалился в свое царство. Люди, лишенные вследствие войны средств к жизни, оторвавшиеся от родины и впавшие в жестокую нужду, стали искать себе пропитания не на суше, а на море, вначале на легких разбойничьих судах и полуторках, а затем стали плавать уже на биремах и триерах, причем у них были разбойничьи военачальники, как в настоящей войне. Они нападали на неукрепленные города, стены других городов они или подкапывали, или разбивали, или брали штурмом и разграбляли, а людей побогаче отвозили до пристаней в расчете на выкуп. И эти доходы, обижаясь уже на прозвание пиратов, они называли военным жалованьем. Они имели ремесленников, насильно приставленных; и постоянно заготавливали лес, медь, железо, свозя все это вместе. Их дух поднимался от получаемой прибыли; уже не считая своего занятия разбоем, они приравнивали себя к царям и тиранам, считали себя большим военным лагерем и полагали, что, объединившись, они будут непобедимыми; они сами себе строили корабли и производили оружие. Главным местом стоянки для них всех или их лагерем была так называемая Суровая Киликия; но они имели повсеместно гарнизоны и укрепленные пункты, пустынные острова и пристани; но самыми важными пунктами они считали те, которые находились около этой Киликии, скалистой; не имевшей гаваней и вздымающейся высокими вершинами. Поэтому они все стали называться общим именем киликийцев, так как это зло, повидимому, пошло вначале от жителей Суровой Киликии; а потом к ним присоединились сирийцы; жители Кипра, Памфилии, прибрежных стран Понта—одним словом, почти все восточные племена. Видя, что война с Митридатом становится серьезной и затяжной; эти люди, предпочтя действовать, а не страдать; избрали себе для жизни море вместо земли.

93. Таким образом вскоре из них образовались многие десятки тысяч; и они господствовали не только в восточной части моря, но и над всем морем вплоть до Геркулесовых столбов; и уже они были победителями в морском бою над некоторыми из римских полководцев, в том числе над наместником Сицилии, у самых берегов Сицилии. Все пути оказались непроезжими; а вследствие отсутствия обмена страна стала нуждаться в изделиях ремесла. Сами римляне испытывали особенно много бедствий: их провинции находились в тяжелом положении, и сами они, при своей многочисленности, терпели тяжкую нужду. Между тем, им представлялось большим и трудным делом уничтожить столько морских отрядов, так как они были разбросаны кругом по всей земле и морю и им, как морякам, легко было благодаря своему снаряжению ускользнуть; выступали они не из родной земли, известной всем, и не имели ничего собственного и личного; но только то, что в данный момент попадало под руку. Поэтому война с ними была необычной; не имела ничего закономерного; ничего твердого или

ясного; этим она вызывала чувство беспомощности и страха. Мурена попытался вступить с ними в борьбу, но ничего не сделал значительного. Ничего не добился Сервилий Исаврийский после Мурены; даже больше—обнаглевшие морские разбойники стали высаживаться на побережьях Италии; около Брундизия и Этрурии; они захватили в плен ехавших по дороге женщин из знатных фамилий и отобрали у двух преторов их знаки отличий.

94. Не желая больше терпеть такой ущерб и позор, римляне специальным законом выбрали бывшего тогда у них в величайшей славе Гнея Помпея на три года полномочным военачальником на всем море вплоть до Геракловых столбов и прибрежной земли на расстояние от моря на 400 стадий вглубь. Царям и правителям, всем народам и городам они послали приказ всячески содействовать Помпею, а ему самому дали право набирать войско и собирать деньги. И от себя они отправили по набору большое войско, все корабли, которые имели, и дали денег до 6000 аттических талантов. Таким большим и трудным делом считали они овладеть столькими укрепленными стоянками, на столь большом море, в стольких бухтах; когда они умели так хорошо скрываться, легко уходить и вновь незаметно нападать. Никогда еще до Помпея ни один человек не отправлялся в морской поход, облеченный такой властью; у него в данный момент было войско в 120 000 пеших и 4000 всадников, кораблей вместе с полуторками 270; помощников, данных сенатом, которых называют легатами,—25; между ними Помпей разделил все море и каждому дал корабли, всадников и пешего войска и знаки преторской власти, чтобы каждый из них был полным начальником над той частью моря, которая ему доверена, сам же он как царь царей объезжал их и наблюдал, чтобы они оставались, где были поставлены; чтобы они, преследуя пиратов, не бросались от одного неоконченного дела на другое и чтобы у него повсеместно были люди, которые бы выступали против пиратов и отрезали им возможность перебежать друг к другу.

95. Устроив все таким образом, Помпей поставил начальниками в Иберии и у Геркулесовых столбов Тиберия Нерона и Манлия Торквата, над побережьем Лигурийского и Кельтского моря—Марка Помпония, в Ливии, Сардинии, Корсике и по соседним островам—Лентула Марцеллина и Публия Атилия, для самой Италии—Луция Геллия и Гнея Лентула. Сицилию и Ионийское море охраняли ему Плоций Вар и Теренций Варрон до Акарнании; Пелопоннес и Аттику, Эвбею, Фессалию, Македонию и Беотию—Люций Сизенна, острова и все Эгейское море и прилегающую к нему часть Геллеспонта—Луций Лоллий; Вифинию, Фракию, Пропонтиду и устье Понта—Публий Пизон; Ликию, Памфилию. Кипр и Финикию—Метелл Непот. Так были распределены им предводители, с приказом нападать и защищаться, охранять назначенные места и перенимать бегущих от других полководцев, преследуя их, чтобы они не уходили далеко, не плавали вперед и назад и не затаили бы дела. Сам он объезжал их всех. Осмотрев сначала флотилии в западном направлении в течение сорока дней, он вернулся в Рим. Оттуда он вернулся в Брундузий и, отправившись из Брундузия, в такой же промежуток времени объехал весь восток, поразив всех быстротой плавания и огромностью приготовления. Его слава вызвала такой страх, что морские разбойники, надеявшиеся раньше напасть на него или во всяком случае показать ему, что дело с ними не так-то легко, испугались и ушли из тех городов, которые они осаждали, и бежали в привычные им скалы и бухты. Помпею удалось тотчас же без боя очистить море, а разбойников повсюду постепенно его полководцы захватили в плен.

96. Сам он двинулся в Киликию с войском различных родов оружия и со многими военными машинами, в ожидании, что ему придется применять различные виды битвы и осады при их стоящих на отвесных скалах укреплениях. Но ничего этого не понадобилось: его слава и его приготовления

привели в ужас морских разбойников; надеясь, что если они сдадутся без боя, то встретят с его стороны больше милосердия, первыми сдались жители Крага и Антикрага, двух самых больших укреплений, следом за ними горные киликийцы, и затем все подряд стали сдаваться, одновременно сдавая много оружия, отчасти готового, отчасти еще ковавшегося; сдали они и корабли—одни еще в стройке, другие уже спущенные, всю медь и железо, собранные с этою целью, разного рода лес, паруса и канаты, большое количество пленных, которых они держали в цепях: одних—в ожидании выкупа, других—для работы у себя. Из всей этой добычи Помпей лес сжег, корабли увел с собою, пленников отпустил на родину, и многие из них нашли себе там воздвигнутые кенотафы, как над покойниками. Тех же пиратов, которые, казалось, главным образом, не из-за злонравия, но вследствие вызванного войной недостатка средств жизни пошли на такое занятие, он поселил в Малле, Адане и Эпифании, а также и по другим городкам этой Суrowsой Киликии, которые остались без населения или с редким населением. А некоторых из них он послал в Димы в Ахайе.

Так в несколько коротких дней Помпею удалось окончить войну с пиратами, о которой думали, что она будет очень трудной. Кораблей, захваченных силой, он взял 71, сданных ими самими—306, а городов, укреплений и других пристаней—120. Разбойников же в битвах было убито и захвачено до десяти тысяч.

97. Когда эта операция была закончена так быстро и сверх всякого ожидания, римляне, безмерно превознося Помпея, когда он был еще в Киликии, выбрали его начальником для войны с Митридатом с теми же полномочиями, чтобы он, будучи неограниченным начальником, мог воевать и заключать мир, где хочет, и кого хочет делать друзьями римского народа или считать врагами. Они дали ему право распоряжаться всем войском, которое находится вне пределов Италии. Никогда еще никому ничего подобного раньше не было дано. Может быть, за это его и называют Великим. Ведь и прежними полководцами война с Митридатом не раз уже была окончена.

И вот Помпей, быстро собрав войско из Азии, стал лагерем на границах царства Митридата. У Митридата было отборное местное войско—30 000 пехоты и 3 000 всадников. С ним он занял передовые позиции в своей стране. Так как эти места опустошил Лукулл, то ему трудно было снабжаться провиантом. Поэтому многие решались перебежать к неприятелю. И тех, которых Митридат ловил, он вешал, выкалывал глаза и сжигал. Случаи побегов стали доставлять ему меньше беспокойства вследствие страха наказаний, но недостаток продовольствия продолжал его мучить.

98. Поэтому он отправил к Помпею послов, желая узнать, на каких условиях может быть прекращена война. Помпей сказал: «Если ты передашь нам перебежчиков и отдашь себя в наши руки». Узнав об этих требованиях, Митридат сообщил о них перебежчикам и, видя их испуг, поклялся, что у него с римлянами никогда не будет мира вследствие их алчности и что он никого не выдаст и не сделает ничего, что не было бы к их общей пользе. Так он сказал; а Помпей, устроив засаду из конницы, послал другую часть открыто против передовых отрядов царя, чтобы их беспокоить; он им велел... вызывать на бой и отступать, как будто они были разбиты... пока находившиеся в засаде, перехватив их, не обратили их в бегство. Возможно, что с бегущими они ворвались бы в лагерь, если бы царь, испугавшись этого, не вывел свою пехоту. Тогда римляне отступили. Таков был исход первой пробы столкновения Помпея и Митридата друг с другом и конного сражения.

99. Теснимый недостатком продовольствия, царь вынужден был отступить и дал Помпею возможность вступить в его царство, надеясь, что, сидя

в этой опустошенной стране, Помпей будет терпеть такие же лишения. Но Помпей имел у себя в тылу подвозной рынок; обойдя Митридата с востока, он провел линию укреплений с гарнизонами и лагерями на протяжении 150 стадий и выкопал ров, не давая ему с легкостью получать продовольствие. Царь не нападал на Помпея, пока он отрезал его, то ли из страха, то ли по опрометчивости, как бывает со всеми, когда приближается несчастье; страдая опять от недостатка продовольствия, он велел убить всех вьючных животных, которых имел в лагере, сделав исключение только для коней; но этим он с трудом отсрочил решение дней на 50 и, в конце концов, бежал отсюда в глубоком молчании по непроходимым дорогам. Когда же Помпей только с наступлением дня достиг его и захватил его задние отряды, то и тогда, несмотря на настойчивые советы друзей выступить против него, не стал сражаться, только при помощи всадников отразив тех, которые подходили очень близко, вечером стал лагерем в густом лесу. На следующий день он занял место, круто поднимающееся со всех сторон; сюда вела одна только дорога, и ее охраняли четыре отряда; в свою очередь ее сторожили и римляне, чтобы Митридат не мог бежать.

100. С наступлением дня каждый из полководцев стал вооружать свое войско, а передовые отряды стали тревожить друг друга, вступая в сражение на склоне холма. И некоторые из всадников Митридата, спешившись без приказа, стали помогать своим передовым отрядам. Когда же против них появилось большее число римских всадников, то вышедшие без коней всадники Митридата целой толпой бросились в лагерь, чтобы сесть на коней и сражаться с нападающими римлянами при равных условиях. Те, которые вооружались еще наверху в лагере, увидев, что они бегут с криком, не зная, что случилось, и полагая, что они обратились в бегство и что их лагерь взят с обеих сторон, бросили оружие и стали убежать. Так как это место не имело выхода, то они сталкивали друг друга, бросаясь в разные стороны, пока не свалились на острые камни кручи. Так войско Митридата, вследствие опрометчивой поспешности тех, которые без приказа захотели помочь передовым отрядам, было приведено в беспорядок и погибло. Остальное было уже легким делом для Помпея; он стал убивать и захватывать еще невооруженных и запертых на месте, окруженном крутыми скалами. Было убито и захвачено до 10 000, и в его руки попал весь лагерь со всем обозом.

101. Митридат, оттесненный только со своею личной охраной к круче и бежавший, оказался с несколькими наемными всадниками и с тремя тысячами пехоты, которые тотчас последовали за ним в укрепление Синорегу, где у него было спрятано много денег. Он дал подарки и плату за год тем, которые бежали вместе с ним. С 6000 талантов он устремился к истокам Евфрата, чтобы там перейти в область колхов. Быстро двигаясь и день и ночь, он уже на четвертый день перешел Евфрат, в течение трех следующих он стоял на месте и вооружал тех, кто был с ним или к нему подходил. Затем он вторгся в Хотенейскую Армению; там он прогнал хотенейцев и иберов, хотевших помешать ему стрелами и пращами, и перешел реку Апсар. Иберов, живущих в Азии, одни считают предками, другие — колонистами европейских иберов, третья же — только одноименным с ними племенем: у них ничего нет общего ни по нравам, ни по языку. Митридат перезимовал в Диоскурах — этот город колхи считают доказательством того, что Диоскуры плыли вместе с аргонавтами. Там Митридат задумал не малое дело, и не такое, на которое мог бы решиться человек, находящийся в бегстве: он задумал обойти кругом весь Понт и скифов припонтийских и, перейдя Меотийское болото, напасть на Боспор и, отобрав страну, где властвовал сын его, Махар, оказавшийся по отношению к нему неблагодарным, вновь оказаться перед римлянами и воевать с ними уже из Европы,

тогда как они будут в Азии, поставив между собою и ими тот путь, который, как считают, был назван Боспором («путем быка»), потому что его переплыла Ио, когда она, обращенная ревностью Геры в корову, должна была бежать.

102. Как ни фантастичен был план, за который ухватился Митридат, однако он стал прилагать старания его выполнить. Он прошел через земли скифских племен, воинственных и враждебных, частью договариваясь с ними, частью принуждая их силою: так, даже будучи беглецом и в несчастьи, он вызывал к себе почтение и страх. Он прошел мимо гениохов, (дружески) принявших его; ахейцев же обратил в бегство и преследовал. Говорят, что когда ахейцы возвращались из-под Трои, они бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров, как эллины; они послали на родину за кораблями, но так как на них не обратили никакого внимания, они рассердились на все эллинское племя, и всех эллинов, которых брали в плен, они стали убивать по обычаю скифов,—сначала, в гневе, всех, с течением же времени только самых красивых из них, а потом тех, на кого падет жребий. Вот что рассказывают о скифских ахейцах. Когда Митридат вступил в область Мэотиды, над которой много правителей, то все они приняли его (дружески), ввиду славы его деяний и его царской власти, да и военная сила его, бывшая еще при нем, была значительна; они пропустили его и обменялись взаимно многими подарками; Митридат заключил с ними союз, задумав другие, еще более удивительные планы: итти через Фракию в Македонию, через Македонию в Пэонию, и затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы. Для укрепления этого союза от отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей. Когда его сын Махар узнал, что он совершил столь огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые «скифские запоры», до тех пор для всех непроходимые, он отправил к нему послов, чтобы оправдаться перед ним, якобы он по необходимости служит римлянам; но, узнав, что Митридат находится в крайнем гневе, он бежал на мыс (Херсонес), находящийся в Понте, сжегши корабли, чтобы отец не мог его преследовать. А когда Митридат послал против него другие корабли, он, предупредив его, лишил себя жизни. Всех его друзей, которых он сам дал ему, когда тот уходил управлять этой страной, Митридат казнил; тех же из приближенных своего сына, которые служили ему как личному другу, он отпустил невредимыми.

103. Так обстояли дела с Митридатом; а Помпей сначала преследовал его до страны колхов, затем же, считая, что самому ему никогда не обойти кругом ни Понт, ни Мэотиду и что беглец уже не рискнет приступить к крупной операции, стал обходить страну колхов, интересуясь рассказами о пребывании здесь аргонавтов, Диоскуров и Геракла и особенно желая увидеть место страдания, где, по преданию, на Кавказских горах страдал Прометей. Вытекающие с Кавказских гор многочисленные источники несут незаметный мельчайший золотой песок; местные жители, положив в воду длинношерстные шкуры овец, собирают это золото, которое задерживается в их шерсти. Таким, вероятно, было и золотое руно Ээта; когда Помпей ходил по этим историческим местам, одни племена, которые были соседними с царством Митридата, пропускали его; но Ороз, албанский царь, и Арток, царь Иберии, с 70 000 воинов подстерегли его около реки Курна, которая двенадцатью судоходными устьями впадает в Каспийское море после того, как в него впадает много рек и самая большая из них—Аракс. Заметив эту засаду, Помпей соединил оба берега реки мостом и, прогнав варваров в густые заросли (они очень искусны вести лесную войну, скрываясь и появляясь незаметно), поставил войско вокруг этих зарослей и поджег их; тех, которые оттуда выбегали, он преследовал, пока все они не прислали за-

ложников и не принесли даров. В Риме он справил триумф и над ними. Среди этих заложников и пленных было много женщин, имевших не меньшие раны, чем мужчины. Считалось, что это амазонки, то ли потому, что амазонки были отдельным племенем, соседним с ними, призванным тогда на помощь, или потому, что вообще воинственных женщин здешние варвары называют именем амазонок.

104. Отсюда, повернув назад, Помпей двинулся на Армению, выставляя против Тиграна обвинение, что он помогал на войне Митридату. Он уже стоял около Артаксаты, обычного местопребывания царя. Тигран не хотел уже больше вести войну. Но у него было несколько сыновей от дочери Митридата, из которых двоих казнил сам Тигран: одного он убил в битве, когда тот начал с ним войну, а другого—на охоте, так как этот сын не оказал помощи отцу, упавшему на землю, но, когда он еще лежал на земле, надел на себя диадему. Третий сын—Тигран, который на этой охоте выказал по отношению к отцу много сочувствия, был им одарен, но немного времени спустя и он оказался ему неверен, вступил в войну с отцом, был побежден и бежал к Фраату, парфянскому царю, только что получившему власть после отца своего Синтрика. При приближении Помпея, сговорившись с Фраатом, который сочувствовал ему и лично стремился заключить дружеский союз с Помпеем, молодой человек бежал к Помпею в качестве молящего о защите, хотя он и был внуком Митридата. Но среди варваров Помпей пользовался великой славой справедливости и верности слову. Полагаясь на эти качества, прибыл к Помпею и отец-Тигран, даже не известив заранее вестником о своем прибытии, во всем поручив себя справедливости Помпея, и с тем, чтобы обвинять сына. Когда по приказанию Помпея в виде чести вышли ему навстречу трибуны и начальники конницы, то свита Тиграна, убоившись, что его прибытие не было заранее возвещено, бежала назад, но Тигран двинулся дальше и приветствовал Помпея как более могущественного, по варварскому обычаю, земным поклоном. Некоторые говорят, что он был приведен ликторами, так как Помпей послал за ним. Каким бы образом он ни пришел, он оправдался относительно произошедшего; самому Помпею он дал 6000 талантов, солдатам из его войска по 50 драхм каждому, центуриону по 1000, а военным трибунам по 10 000.

105. Помпей простил ему все бывшее раньше и примирил его с сыном и в качестве третейского судьи решил, чтобы сын правил Софеной и Гордиеной, которые теперь как раз называются Малой Арменией, а отец—всей остальной Арменией, причем этот сын должен быть его наследником. Те же земли, которые он приобрел, Помпей велел ему отдать назад. Ему пришлось отдать Сирию от Евфрата до моря, так как Тигран завладел и этой страной и частью Киликии, изгнав Антиоха, который имел прозвище «Благочестивый». Те из армян, которые покинули Тиграна, когда он направился к Помпею, относясь к этому с подозрением, убеждают сына Тиграна, когда он еще находился у Помпея, напасть на отца. Но он был схвачен и закован в цепи, и так как за это время он возбуждал парфян против Помпея, то он был проведен за колесницей победителя во время триумфа и затем казнен. Помпей же, считая, что им окончена вся война, основал в том месте, где он победил в битве Митридата, город, который в ознаменование подвига был назван Никополем; город находится в так называемой Малой Армении. Ариобарзану он вернул царство Каппадокийское и сверх того дал Софену и Гордиену, которые он дал было в удел сыну Тиграна; и сейчас эти местности вместе с Каппадокией составляют одну провинцию. Он дал ему и киликийский город Кастабалы и некоторые другие. Ариобарзан еще при жизни передал все царство своему сыну. Много было перемен до Цезаря Августа, при котором и это царство, как и другие, было обращено в провинцию.

106. Помпей, перейдя через Тавр, вступил в войну с Антиохом, царем

Коммагены, пока Антиох не заключил с ним дружбы и союза; он начал войну и с Дарием, царем Мидии, пока не заставил его бежать, за то, что тот помогал или Антиоху, или еще раньше Тиграну. Он воевал и с арабами набатеями, царем которых был Арета, и с иудеями, так как их царь Аристокбул отпал, пока не взял самый священный их город—Иерусалим. Затем он прошел и без боя покорил римлянам ту часть Киликии, которая еще не была под властью римлян, остальную часть Сирии, которая прилегает к Евфрату и называется Келесирией, Финикией и Палестиной, страну идумеев и итуреев и все другие племена Сирии, носящие разные названия. Он не имел в чем винить Антиоха Благочестивого, который был у него и просил вернуть ему царство его отцов, но он считал, что если он изгнал из этой земли победителя ее Тиграна, то тем самым римляне ее приобрели. Когда он был занят устройством всех этих дел, к нему прибыли послы от Фраата и Тиграна, которые вступили друг с другом в войну; послы Тиграна просили Помпея помочь ему, как заключившему с ним союз дружбы; послы же парфянского царя хотели заключить с римлянами дружеский союз. Помпей, не считая себя вправе воевать с парфянами без решения римского народа, отправил к обоим посредников для улажения недоразумений.

107. Вот чем был занят тогда Помпей; Митридат же закончил свой обход Понта; он захватил Пантикапей, торговое место для европейских купцов у устья Понта, и там на берегу самого пролива убил одного из своих сыновей, Ксифара, за следующее прегрешение его матери. У Митридата было некое укрепленное место, где в тайных подземных хранилищах было скрыто большое количество денег в медных, обтянутых железом сундуках. Стратоника, одна из наложниц или жен Митридата, которая знала тайну этого укрепления и которой был поручен надзор за ним, когда Митридат еще обходил Понт, отдала во власть Помпея это укрепление и выдала тайну этих сокровищ, о которых никто не знал, с следующим единственным условием, чтобы Помпей сохранил жизнь ее сыну Ксифару, если он попадет к нему в руки. Помпей, овладев этими деньгами, обещал ей сохранить Ксифара и разрешил ей взять ее собственное имущество. Узнав о случившемся, Митридат убил Ксифара у берега пролива на глазах у матери, смотревшей на это с другого берега, и бросил его тело непогребенным. Так он не пожалел своего сына для того, чтобы причинить мучение погрешившей против него. Затем он отправил послов к Помпею,—он еще был в Сирии и не знал, что тот обошел море,—послы обещали, что он будет платить дань римлянам за свое родовое царство. Когда же Помпей приказал Митридату явиться и самому просить об этом, подобно тому как пришел Тигран, он сказал, что, пока он остается Митридатом, он никогда на это не согласится, но что он пошлет кого-нибудь из своих сыновей и друзей. Вместе с этим он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне мало-мощных. Его служители по сбору налогов чинили многим обиды без ведома Митридата: страдая какой-то болезнью—нарывами на лице,—он обслуживался тремя евнухами, которые только и могли его видеть.

108. Когда прекратилась его болезнь и у него уже собралось войско—60 отборных отрядов по 600 человек в каждом и много прочего войска, равно и корабли и укрепленные места, которые его предводители взяли за время его болезни, он направил часть своего войска против фанагорийцев в другой торговый пункт около устья с тем, чтобы и с той и с другой стороны держать вход в своих руках. Помпей в это время был еще в Сирии. Тут один из фанагорийцев, Кастор, подвергнутый некогда телесному наказанию царским евнухом Трифоном, напал на Трифона, когда он входил в город, убил его и стал призывать народ вернуть себе свободу. Хотя их крепость была

уже занята Артаферном и другими сыновьями Митридата; они обложили вершину горы деревом и подожгли его. Артаферн, Дарий, Керкс, Оксатр, сыновья Митридата, и Эвпатра, его дочь, испугавшись пожара, сдались в плен и позволили увести себя. Из них только Артаксерксу было лет 40, остальные же были красивыми юношами. Но дочь Митридата, Клеопатра, оказывала сопротивление. Отец, восхищенный смелостью ее духа, послал много бирем, вырвал ее из рук врагов. И те укрепления поблизости, которые были недавно захвачены Митридатом, под влиянием такого смелого поступка фанагорийцев отложились от Митридата, а именно: Херсонес, Федосия, Нимфей и все другие по берегу Понта, очень удобные в военном отношении. Митридат, видя частые отпадения и относясь подозрительно к войску, считая его ненадежным из-за трудностей похода и тяжести податей, равно и вследствие недоверия войска к полководцам, терпящим неудачи, послал при посредстве своих евнухов своих дочерей к скифским правителям в жены, прося возможно скорее прибыть к нему с войском. Он послал 500 человек из своего войска, чтобы проводить их. Они же едва отъехали от ставки Митридата, убили везших девушек евнухов из-за всегдашней вражды к евнухам, имевшим силу у Митридата, а девушек отвезли к Помпею.

109. Потеряв столько детей и укрепленных мест и лишенный почти всего царства, уже являясь совершенно небоеспособным, и не рассчитывая добиться союза со скифами, Митридат тем не менее даже тогда носился с планом не ничтожным или соответствующим его несчастьям: он задумал, пройдя через область кельтов, с которыми он для этой цели давно уже заключил и поддерживал союз и дружбу, вместе с ними вторгнуться в Италию, надеясь, что многие в самой Италии присоединятся к нему из-за ненависти к римлянам; он знал, что так поступил и Ганнибал, воюя в Испании, и вследствие этого был особенно страшен римлянам; он знал, что и недавно почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной войне с ними и вступила в союз против них со Спартаксом—гладиатором, человеком, не имевшим никакого значения. Принимая все это в соображение, он намеревался двинуться в область кельтов. Но хотя этот план, может быть, оказался бы для него блестящим, но его войско колебалось вследствие, главным образом, самой грандиозности этого предприятия; не хотелось им также отправиться в столь длительное военное предприятие, в чужую землю и против людей, которых они не могли победить даже на своей земле. О самом Митридате они думали, что, отчаявшись во всем, он предпочитает умереть, совершив что-либо значительное, как прилично царю, чем окончить свои дни в бездействии. Но пока они оставались при нем и сохраняли спокойствие: ведь даже в несчастьях царь являл себя не как человек ничтожный и презренный.

110. Таково было положение всех дел. Фарнак, которого Митридат из всех своих детей денил выше всех и часто заявлял, что он будет преемником его власти, составил заговор против отца, то ли испугавшись этого похода и возможности потери всей власти—он считал, что еще теперь можно получить прощение от римлян; если же отец пойдет походом на Италию, то власть будет потеряна везде и совершенно,—или же потому, что у него были другие мотивы и соображения. Когда его соучастники были схвачены и подвергнуты пытке, Менофан убедил Митридата, что не следует, собираясь уже в поход, казнить еще так недавно столь ценного им сына; он сказал, что подобные перемены—результат войны, с прекращением которой и всё остальное придет в порядок. Убеденный им, Митридат согласился на прощение сына. Но Фарнак, испугавшись какого-либо нового проявления гнева отца и зная, что войско боится этого похода, ночью пришел прежде всего к римским перебежчикам, стоявшим лагерем ближе всего к Митри-

дату, и, преувеличив ту опасность для них, которая им грозит, если они пойдут на Италию, о которой они и сами хорошо знали, и дав им много обещаний, если они останутся с ним, довел их до решения отпасть от отца. Склонив их на свою сторону, Фарнак той же ночью разослал (своих сторонников) по другим, близко находящимся лагерным стоянкам. Когда он договорился и с этими, то с наступлением утра сначала перебежчики подняли военный клич, а за ними подхватили этот крик те, которые стояли близко. И флот ответил им такими же возгласами. Может быть, и не все знали, в чем дело, но они все были склонны к переменам, не обращающая внимания на «возможное?» несчастье, но рассчитывая всегда на выгоду от переворота. Другие же, не зная о заговоре и полагая, что все уже изменили и что они остаются в одиночестве и вызовут к себе презрение со стороны большинства, стали кричать вместе с другими скорее из страха и необходимости, чем по доброй воле. Митридат, проснувшись от их крика, послал спросить, чего они хотят. Они, не скрываясь, заявили: «Хотим, чтобы царем был его сын, молодой вместо старого, отдавшего себя на волю внухам, убившего уже многих своих сыновей, предводителей и друзей».

111. Узнав об этом, Митридат вышел, чтобы переговорить с ними. Большое число из его личной гвардии перешло к (римским) перебежчикам. Они же отказались их принять, прежде чем они в доказательство своей верности не сделают что-либо непоправимое в знак верности, намекая тем на личность Митридата. И вот они успели убить коня Митридата, когда он бросился бежать, и, считая себя уже победителями, объявили Фарнака царем; кто-то вынес из храма плоский стебель, и Фарнака увенчали им вместо диадемы. Видя все это с высокого открытого места, Митридат стал посылать к Фарнаку одного за другим вестников, требуя для себя права свободного и безопасного выхода. Так как никто из посланных не возвращался, то он побоялся, как бы его не выдали римлянам, и, воздав похвалу своей личной охране и друзьям, которые еще оставались при нем, он отпустил их к новому царю; некоторых из них войско по недоразумению убило. Сам Митридат, открыв тот яд, который он всегда носил с собою в мече, стал его смешивать. Тогда две его дочери, еще девушки, которые жили при нем, Митридатис и Нисса, сосватанные одна за египетского царя, другая за царя Кипра, заявили, что они раньше выпьют яд; они настойчиво этого требовали и мешали ему пить, пока не получили и не выпили сами. Яд тотчас же подействовал на них, на Митридата же, хотя он нарочно усиленно ходил взад и вперед, яд не действовал вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался как защитой от отравлений; они и сейчас называются «митридатовым средством». Увидав некоего Битоита, начальника галлов, Митридат сказал: «Большую поддержку и помощь твоя рука оказывала мне в делах войны, но самая большая мне будет помощь, если ты теперь приконишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа, мне, бывшему столь долгое время самодержавным царем этой страны, я не могу умереть от яда вследствие глупых моих предохранительных мер при помощи других ядов. Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда—неверности войска, детей и друзей—я не предвидел, я, который предвидел все яды при принятии пищи и от них сумел уберечься». Битоит почувствовал жалость к царю, нуждавшемуся в такой помощи, и выполнил его просьбу.

112. Так умер Митридат, в шестнадцатом колене потомок персидского царя Дария Гистаспа, в восьмом—того самого Митридата, который отпал от македонян и захватил власть над понгийским царством. Он прожил 68 или 69 лет, из них 57 лет он был царем. Власть перешла к нему, когда он был сиротой. Он подчинил себе соседние варварские народы, и из скифов

ему повиновались многие; с римлянами он упорно вел 40 лет войну, в течение которой он часто овладевал Вифинией и Каппадокией; он сделал вторжение в Азию, Фригию, Пафлагонию, Галатию и в Македонию; напав на Элладу, он совершил много великих деяний; над морем он властвовал от Киликии до Ионийского моря, пока, наконец, Сулла не запер его опять в его родовом царстве, после того как Митридат потерял войско в 160 000 человек. Испытав даже столь жестокое поражение, он без большого труда вновь был готов к войне. Он вступал в сражения с лучшими из предводителей; хотя он потерпел поражение от Суллы, Лукулла и Помпея, но часто он и над ними имел большие преимущества и победы. Люция Кассия, Квинта Оппия и Мания Аквиллия он взял в плен, возил с собою по всем городам, пока, наконец, первого он не казнил, так как он был виновником войны, а двух последних вернул Сулле. Он одержал победы над Фимбрией, Муреной, консулом Коттой, Фабием и Триарием. Духом он, даже в несчастиях, был велик и не поддавался отчаянию. Он не оставлял ни одного пути, чтобы не попытаться напасть на римлян, даже будучи побежденным. Он вступал в соглашения с самнитами и кельтами, отправлял посольства и к Серторию в Иберию. Раненый часто врагами или по злему умыслу кем-либо другим, он даже в этом случае не прекращал (предприятия), хотя и был уже стариком. Действительно, ни один из заговоров от него не скрылся, даже последний, но, по собственной воле оставив его без внимания, он погиб от него: так низкая душа, получив прощение, оказывается неблагодарной. Он был склонен к убийству и свиреп по отношению ко всем; он убил свою мать и брата и из своих детей трех сыновей и трех дочерей. Телом он был крупен, насколько можно судить по оружию, которое он послал в Немею и в Дельфы; крепок настолько, что до самого конца ездил верхом, мог кидать копья и проезжать в день тысячу стадий, меняя на известных расстояниях лошадей. Он правил колесницей, запряженной сразу 16 лошадьми. Он любил эллинскую культуру, поэтому он знал и выполнял эллинские религиозные обряды; любил и музыку. Будучи столь благоразумен и вынослив, он имел только одну слабость—в наслаждениях с женщинами.

113. Так умер Митридат, получивший прозвище Эвпатора и Диониса. Римляне, узнав об этом, торжественно отпраздновали это событие, считая, что избавились от очень тяжелого врага. Фарнак же послал на гриреме труп своего отца Помпею в Синопу, а также тех, кто взял в плен Мания, и многих заложников, сколько у него было от эллинских и варварских городов, прося, чтобы Помпей предоставил ему одному либо наследственное царство, или царство Боспорское, которое и его брат Махар получил от отца их Митридата. Помпей устроил пышные похороны телу Митридата и его слугам поручил похоронить его в царской усыпальнице и положить в Синопе в царской гробнице, восхищаясь его великими подвигами, считая его лучшим из царей своего времени. Фарнака, избавившего Италию от больших затруднений, он сделал другом и союзником римлян и дал ему Боспорское царство, кроме области Фанагорийской: фанагорийцев он сделал свободными и автономными, так как первыми именно они, когда Митридат стал крепнуть и заготовлял себе корабли и другое войско и держал в своих руках укрепленные пункты, решились восстать против него и тем подали пример другим отпасть от него и оказались, таким образом, виновниками гибели Митридата.

114. Сам Помпей, одной этой войной уничтожив могущество морских разбойников и великого царя и счастливо проведя сражения,—если не считать Понтийской войны,—с колхами, албанцами, иберийцами, армянами, мидийцами, арабами, иудеями и другими восточными народами, раздвинул власть римлян до Египта. В самый же Египет он не пошел.

хотя там происходило восстание против царя и царь Египта призывал его, посылая ему подарки, деньги и одеяние для всего войска. Не пошел он, или боясь силы еще процветающего царства, или остерегаясь зависти врагов, или предостерегающего указания прорицания, или по другим основаниям, которые я изложу, рассказывая о египетских делах. Из завоеванных народов он одних оставил автономными за оказанную военную помощь, других он подчинил римлянам, а третьих передал под власть царей, отдав Тиграну Армению, Фарнаку Боспор, Ариобарзану Каппадокию и все другие области, о которых я сказал раньше. Антиоху из Коммагены он отдал Селевкию и все другие области Месопотамии, которые он захватил во время набега. Он назначил и тетрархов над галло-греками, — это нынешние галаты, соседи Каппадокии, — Дейотара и других, над Пафлагонией Аттала, а над колхами Аристарха. В Команы он назначил великим жрецом богини Архелая, так как эта власть равна царской, а фанагорийца Кастора назвал другом римского народа. И другим он дал много земель и денег.

115. Он основал города: в Ближней Армении — Никополь, в память одержанной победы в Понте — Евпаторию, которую основал сам Митридат Эвпатор и по своему имени назвал Евпаторией; когда она перешла на сторону римлян, он ее опустошил и разрушил, Помпей же ее восстановил и назвал Магнополем. В Каппадокии он восстановил город Мазак, вконец разрушенный войною. Много других городов, разрушенных или поврежденных войною, он отстроил и в Понте, и в Палестине, и в Келисии, и в Киликии, где он, главным образом, и поместил морских разбойников, и город, который издревле назывался Солами, ныне стал Помпейполь. В Талаврах, городе, где Митридат имел свою сокровищницу для утвари, было найдено две тысячи кубков из так называемого оникса, украшенных золотом, много чаш и больших сосудов и рогов для питья, украшенных лож и кресел, конской сбруи, нагрудников и седел, — все они были украшены драгоценными камнями и золотом. Их прием из-за большого количества затянулся на тридцать дней. Некоторые из вещей были времени Дария Гистаспа, другие из царства Птолемеев — те, которые Клеопатра оставила кеосцам, а кеосцы отдали Митридату. Некоторые же заказал сам Митридат и собрал их сюда, так как он был любителем красоты и в утвари.

116. В конце зимы Помпей роздал награды войску, на каждого воина по 1500 аттических драхм и соответственно больше их начальникам; говорят, что всего было (роздано) 16 000 талантов. Сам он, спустившись к Эфесу, поплыл в Италию и поспешил в Рим, отпустив в Брундизии все войско по домам. Этим в высшей степени демократическим поступком он поразил римлян. Когда он приближался к Риму, жители постепенно выходили навстречу ему, дальше всех молодежь, а за ней люди разного возраста, кто насколько мог, а сверх всех и сенат, удивляясь его подвигам: ведь никто еще никогда не побеждал столь могущественного врага, не захватывал столько и столь великих народов и не доводил власть римлян до пределов Евфрата. С блеском и славой, как никто до него, имея от роду всего 35 лет, он в течение двух дней совершил триумф над многими народами из Понта и Армении, Каппадокии и Киликии, из всей Сирии; тут были и албанцы, и гениохи, и скифские ахейцы, и восточные иберийцы. Он привел в гавани 700 целых кораблей, а в торжественном шествии триумфа двигались колесницы, и носилки, украшенные золотом, и другие вещи, пестро-разукрашенные, и ложе Дария Гистаспа, и трон самого Митридата Эвпатора. Он велел нести и его скипетр и изображение в 8 локтей величиной, сделанное из литого золота, и серебра в чеканной монете 75 100 000 драхм; двигалось бесконечное число повозок с оружием и носами кораблей и огромное

количество пленных и морских разбойников; никто из них не был закован и все шли в их национальных одеждах.

117. Впереди колесницы самого Помпея шли те, которые были сановниками, детьми или военачальниками побежденных царей; одни из них были пленниками, другие даны в качестве заложников—всего 324. Тут был и Тигран, сын Тиграна, и пять сыновей Митридата: Артаферн, Кир, Оксатр, Дарий и Ксеркс, и его дочери Орсабарис и Эвпатра. Шел и властитель колхов Олфак, и иудейский царь Аристокбул, и правители киликийцев, и царственные женщины скифов, три предводителя иберов и два—албанцев, а также Менандр из Лаодикеи, бывший у Митридата начальником конницы. Тех же, которых тут не было, несли в изображениях; представлявших Тиграна и Митридата, как они сражались, были побеждены и бежали. Было изображено, как был осажден Митридат и как он в тиши ночной бежал. А в конце было показано, как он умер, и были нарисованы его дочери-девушки, которые предпочли умереть вместе с ним; были нарисованы и его сыновья и дочери, умершие раньше его; тут же были изображения варварских богов в их местных одеяниях. Несли также и плакат, на котором было написано: «Кораблей с медными боевыми носами взято в плен 800; городов основано в Каппадокии 8, в Киликии и Келесирии 20, в Палестине—ныне называемая Селевкида. Побеждены цари: Тигран армянский, Арток иберийский, Ороз албанский, Дарий мидийский, Арета—набатей, Антиох из Коммагенъ». Вот что гласила эта надпись. Сам же Помпей ехал на колеснице, украшенной драгоценными камнями, в одеянии, как говорят, Александра Македонского, если только это правда; кажется, он нашел его в сокровищах Митридата: кеосцы получили его от Клеопатры. За его колесницей следовали воевавшие вместе с ним его полководцы—одни верхом на конях, другие пешком. Поднявшись на Капитолий, он не казнил никого из пленных, подобно другим, справлявшим триумфы, но на государственный счет отослал их на родину, кроме лиц царского рода. Да и из них один только Аристокбул был немедленно убит, а впоследствии Тигран. Таков был его триумф.

118. Так римляне подчинили себе Вифинию и Каппадокию и все соседние с ними племена, живущие до Эвксинского Понта, воюя с царем Митридатом приблизительно в течение 42 лет. Во время этой же войны они в стремительности победы захватили и те места Киликии и Сирии, которые им никогда не принадлежали: Финикию и Келесирию, Палестину и центральные земли до Евфрата, никогда не принадлежавшие Митридату; на них наложили дань—на одних немедленно, на других немного позже. Пафлагонию, Галатию, Фригию и соседнюю с Фригией Мисию и, сверх этого, еще Лидию, Карию, Ионию и все другие места Азии, которые принадлежат к Пергаму, древнюю Элладу и Македонию они отняли от Митридата и вновь забрали себе; на большинство из этих стран, которые раньше им не платили податей, они наложили дань. Главным образом, из-за этого; как мне кажется, они считали эту войну великою, победу в этой войне называют великою, и Помпея, который командовал в этой войне, они и до сих пор на своем языке зовут «Великим», вследствие большого количества племен, которые он победил и присоединил, и вследствие длительности войны (она тянулась 40 лет), смелости и выносливости самого Митридата, который, как убедились они, во всем способен был с ними померяться.

119. Часто у него было собственных кораблей больше 400, всадников иногда до 50 000 и пешего войска—250 000, всяких военных машин и метательных орудий—соответственно этому; в союзе с ним были цари и правители Армении и скифов, живущих у Понта, у Меотийского болота и от него по берегам в направлении к Фракийскому Боспору. Он имел сношения и с сильными людьми из римлян, тогда особенно восстававших друг на друга и

поднявших восстание против римлян в Иберии; он заключил союз дружбы с кельтами (галлами), собираясь даже этим путем напасть на Италию; он наполнил все море от Киликии до Геркулесовых столбов морскими разбойниками, которые сделали все пути между городами недоступными для сношений и непроезжими и вызвали повсеместно тяжелый голод. Вообще ничего доступного человеческим силам он не пропустил, чтобы своими действиями или планами, так сказать, «не навязать» им это великое движение, которое поднялось тогда с востока до запада; и заставить их воевать с ним вместе или против него, подвергаться нападениям пиратов или страдать от соседства с ним. Настолько одна эта война была велика и разнообразна. Ее окончание принесло римлянам величайшую выгоду: благодаря ей они раздвинули пределы своего владычества от крайнего запада до реки Евфрата. Нет возможности расчлнить весь этот рассказ по отдельным племенам, так как действия происходили все вместе и переплетались друг с другом. То, что даже при таких условиях можно было выделить, распределено по существующим частям работы.

120. Фарнак же стал осаждать Фанагорию и соседние с ней города по Боспору, пока, наконец, фанагорийцы, побуждаемые голодом, не вступили с ним в сражение и не были побеждены в битве. Фарнак не причинил им никакого вреда, но, заключив с ними союз дружбы и взяв заложников, удалился. Немного спустя он взял Синопу; задумывая захватить Амис, он вступил в войну с римским военачальником Кальвином, в то время как Помпей и Цезарь пошли войной друг против друга, пока, наконец, Асандр, его личный враг, не изгнал его из Азии, так как римляне были заняты в других местах. Он вступил в сражение и с самим Цезарем, — когда тот, победив Помпея, возвращался из Египта, — около горы Скотия, где его отец победил римлян, бывших под начальством Триария. Победенный, он бежал с 1000 всадников в Синопу; Цезарь, не имея времени, не преследовал его, но послал против него Домиция. С ним Фарнак заключил мир, передал ему Синопу и был отпущен со своими всадниками. Он велел убить коней к большому неудовольствию всадников и, взойдя на корабли, бежал в Понт; собрав каких-то скифов и савроматов, он захватил Феодосию и Пантикапей. Когда же Асандр по вражде к нему вновь напал на него, то всадники Фарнака, не имея лошадей и не умея сражаться пешим строем, были побеждены, а сам Фарнак, геройски сражаясь один, был убит, покрытый ранами, 50 лет от роду и процарствовал над Боспором 15 лет.

121. Так и Фарнак потерял свою власть, и его царство Кай Цезарь дал Митридату Пергамскому, который с большим рвением помогал ему в Египте; теперь эти обе страны стали дружественными, и каждый год сенат назначает в Понт и Вифинию правителя; что касается владений, которые Помпей отдал другим, то Кай Цезарь, хотя и упрекал их владельцев за то, что они сражались против него в союзе с Помпеем, все-таки сохранил за ними, кроме жреческой должности в Команах, которую он взял от Архелая и передал Ликомеду. Но немного спустя все эти земли, как и те, которые были даны во владение Каем Цезарем или Марком Антонием другим лицам, были обращены в римские провинции с того времени, как божественный Август захватил Египет; для этого требовался лишь незначительный предлог. Так как в результате Митридатовой войны римская власть и распространилась на берега Эвксинского Понта и до песков пустынь перед Египтом, от Иберии у Геркулесовых столбов до Евфрата, то и эта победа справедливо названа великой, и начальствовавший в ней Помпей получил прозвание «Великого». Так как они владели и Ливией, простиравшейся до Кирены (самую же Кирену царь Апион, побочный сын рода Лагидов, оставил им по завещанию), то в кругу земель по Средиземному морю им осталось завладеть только Египтом.

СИРИЙСКИЕ ДЕЛА

1. Антиох, сын Селевка и внук Антиоха, был царем сирийцев, вавилонян и других племен. Он был шестым в ряду потомков Селевка, который после Александра царствовал над Азией по Евфрату; напав на Мидию и Парфию и на другие племена, отложившиеся еще до него, и совершив много великих подвигов, он получил за это прозвище Антиоха Великого; гордясь совершенным им и полученным за это прозвищем, он напал на глубинную Сирию и на те области Киликии, которые принадлежали Птолемею Филадельфу, еще мальчиком ставшему царем Египта, и ими завладел; несколько ни с чем не считаясь, он двинулся на при-Геллеспонтские области, на эолийские и ионийские города, под предлогом, что они принадлежат ему как властителю Азии; ведь и раньше—говорил он—они подчинялись царям Азии. Переплыв в Европу, он двинулся на Фракию и силою подчинил отказавшиеся ему повиноваться племена; он укрепил Херсонес и заселил Лисимахию; ее основал Лисимах, воцарившийся над Фракией после Александра, с тем чтобы она была ему укрепленным пунктом против фракийцев; фракийцы же, когда Лисимах умер, разрушили ее. И вот Антиох стал ее заселять, призывая беглецов из владений Лисимаха, покупая обращенных в рабов пленников, прибавляя к ним других, давая быков, овец и железные орудия для земледелия и ничего не упуская, чтобы быстрым темпом укрепить город. Это место ему казалось в высшей степени важным укреплением против всей Фракии и самым удобным складочным местом при выполнении остальных его замыслов.

2. Но это послужило для него началом явного разногласия также с римлянами. Когда он стал захватывать, один за другим, греческие города, то большинство их жителей из страха захвата силою подчинялись ему и выдали гарнизоны, но жители Смирны, Лампсаки и другие держались еще против него и отправили послов к римскому полководцу Фламинину, недавно в большой битве в Фессалии победившему Филиппа Македонского. Ведь дела Македонии и греков имели общие точки соприкосновения и по месту, и по времени, как мною это показано в «Греческой истории». И уже между Антиохом и Фламининим были некоторые взаимные посольства и безуспешные попытки соглашения. И римляне, и Антиох с большим подозрением относились друг к другу: римляне полагали, что Антиох не останется спокойным, находясь под обаянием величия своей власти и расцвета удач; Антиох же полагал, что только одни римляне будут особенно препятствовать расширению его могущества и помешают ему при его попытке переправиться в Европу. Но вообще у них не было явных причин для враждебных отношений. В то время в Рим прибыли послы от Птолемея Филадельфа; он жаловался, что Антиох отнял у него Сирию и Киликию. Римляне схотны ухватились за этот предлог, случившийся для них очень кстати, и отправили послов к Антиоху, которые на словах имели намерение примирить Птолемея с Антиохом, на деле же внимательно разглядеть планы Антиоха и помешать ему, сколь они смогут.

3. Стоявший во главе этого посольства Гней¹ стал требовать от Антиоха предоставить Птолемею, другу римского народа, управлять теми землями, которые ему оставил отец, а те города в Азии, которыми управлял Филипп Македонский, оставить автономными: ведь несправедливо, чтобы Антиох владел тем, что римляне отняли у Филиппа. И вообще, сказал он, непонятно, чего ради Антиох предпринял такой поход, пришел со столь огромным войском из середины Мидии в приморскую Азию и торгся в Европу, подчиняя в ней города своей власти и пытаясь покорить Фракию, если все это не имеет целью подготовку другой войны. На это Антиох ответил, что Фракию, бывшую во владении его предков и утраченную вследствие недостатка внимания с их стороны, он, имея свободное время, вновь берет себе и восстанавливает Лисимахию, чтобы она была местом жительства его сына Селевка; города же в Азии он оставит автономными, если они будут проявлять расположение не к римлянам, а к нему. «Что же касается Птолемея», сказал он, «то я его родственник, и очень скоро буду как никогда близок ему по браку и постараюсь, чтобы он по отношению к вам выказывал признательность; с своей стороны, я не могу понять, почему римляне считают справедливым вмешиваться в дела Азии, тогда как я не вмешиваюсь в дела Италии».

Так безрезультатно они разошлись, дав совершенно ясно прорваться взаимным угрозам.

4. И по их словам, и по общему мнению было ясно, что в случае смерти Птолемея Филопатора Антиох спешно двинется на Египет, оставшийся без правителя, чтобы его захватить. В Эфесе с ним встретился карфагенянин Ганнибал, бежавший из родины вследствие клеветы своих врагов, которые говорили, что он крайне враждебно настроен к римлянам, жаждет войны и не может жить в мирной обстановке. А это было время, когда карфагеняне в силу договора были подчинены римлянам. Широко прославленного своими военными подвигами Ганнибала Антиох принял блестяще и держал его около себя. Узнав в Ликии, что Птолемей еще жив, Антиох отказался от Египта, но, надеясь, что он вместо Египта сумеет захватить Кипр, он быстро отплыл против него. Около реки Сара он попал в бурю, потерял много кораблей, некоторые со всеми людьми и друзьями; поэтому он отплыл в Селевкию в Сирии и стал восстанавливать пострадавший флот. Он отпраздновал брак своих детей, Антиоха и Лаодики, сочетав их между собой.

5. Зная, что надо скрывать свои намерения относительно войны с римлянами, он предусмотрительно связывает браком близких к нему царей: в Египет Птолемею он послал Клеопатру, имевшую прозвище Сира, в качестве приданого отдал Келесирию, которую сам отнял у Птолемея, ухаживая за юношей, чтобы он во время его войны с римлянами оставался спокойным. Антиохиду он послал Ариарату, царю Каппадокии, и еще одну оставшуюся у него — Эвмену — царю Пергама. Но Эвмен отказался принять ее (он видел, что Антиох уже задумывал войну против римлян и под давлением такой необходимости хочет связаться с ним узами родства), и когда его братья Аттал и Филетер удивлялись, что он отказывается вступить в родственные отношения со столь великим царем и своим соседом, причем тот сам его просит об этом, он указал им, что в будущей войне вначале положение той и другой стороны будет равным, но с течением времени римляне окажутся сильнее вследствие твердости духа и настойчивости. «Я лично, — сказал он, — в случае победы римлян спокойно буду править в своей стране; если же победителем окажется Антиох, то я могу ждать, что все будет у

¹ По Полчию (17,31) и по Ливию (33, 39 и 41) — Люций Корнелий. Некоторые у Ливия читают Гай, откуда и могло получиться Гней.

меня отнято, или же могу ждать, что, сохранив все свое, я буду царствовать так, что он будет царствовать надо мною». Вследствие таких соображений он и отказался от брака.

6. Антиох же вновь двинулся к Геллеспону и, переплыв в Херсонес, также и в этот раз прошел по многим местам Фракии, подчиняя их своей власти. Он освобождал эллинов, которые были в подданстве у фракийцев, и оказал большие милости византийцам, так как их город занимал очень выгодное положение у входа в пролив. Галатов он привлек к союзу с собой как дарами, так и страхом своих приготовлений, считая, что вследствие их огромного роста они будут для него подходящим боевым материалом. После этого он отплыл в Эфес и отправил в Рим послами Лисия, Гегесанакта и Мениппа, которым было поручено на самом деле испытать настроение сената; на словах же Менипп должен был сказать, что царь старается быть в дружбе с римлянами, хочет быть и союзником их, если они сочтут это нужным, что он удивляется, почему они приказывают ему отказаться от ионийских городов, снять с некоторых из них налоги и по некоторым вопросам не вмешиваться в дела Азии, а также оставлять в покое Фракию, хотя она всегда была собственностью его предков; ведь такие приказания отдают не друзьям, но победители—побежденным. Но те из сенаторов, которые встречались с членами посольства, явившимися позондировать их настроение, кратко отвечали, что, если Антиох оставит самостоятельными эллинов в Азии и не будет нападать на Европу, он будет другом римлянам, если захочет.

Вот что ответили римляне, и к своему ответу они не прибавили никаких обвинений.

7. Антиох, собираясь прежде всего напасть на Грецию и оттуда начать войну с римлянами, предложил карфагенянину Ганнибалу высказать свое мнение об этом плане. На это Ганнибал сказал, что Греция, давно уже истерзанная, является делом легким для его завоевательных планов; что для всех войны, ведущиеся в их стране, тягостны, так как от этого возникает голод; войны же вне их страны много легче. Антиох никогда не сломит сил римлян в Греции, так как у них будет в изобилии местное продовольствие и достаточное снабжение. Поэтому он посоветовал Антиоху захватить какую-либо часть Италии и, двигаясь оттуда, воевать с римлянами, так чтобы их положение и внутри страны, в вне ее стало более шатким. «Я имею опыт с Италией,—сказал он,—и с десятью тысячами людей могу захватить в ней удобные места и послать в Карфаген к друзьям с поручением поднять народ, уже давно недовольный и не имеющий никакой верности римлянам; он тотчас же исполнится смелости и надежд, если услышит, что я вновь опустошаю Италию». Антиох с удовольствием выслушал его слова и, считая, что приобрести себе помощь для войны в лице Карфагена дело большое,—и это действительно было так,—велел ему тотчас же послать людей с поручением к своим друзьям.

8. Но писем Ганнибал не стал посылать (это он считал не безопасным, так как римляне всё выслеживали, а война еще не была открыто объявлена; да и в Карфагене у него было много противников; самый политический строй не был прочен и упорядочен, что и привело вскоре к гибели Карфагена); он решил послать к своим друзьям тирийского купца Аристона, под предлогом торговых дел, требуя, чтобы они тогда, когда сам он вторгнется в Италию, подняли Карфаген для отомщения за перенесенные обиды. Аристон так это и сделал. Враги Ганнибала, заметив пребывание Аристона в их городе, подняли шум, говоря, что готовится переворот, и разыскивали Аристона по всему городу. Тогда Аристон, чтобы клевета пала не исключительно на друзей Ганнибала, тайно ночью представил совету

письменный доклад о том, что Ганнибал призывает всех членов совета в союзе с Антиохом помочь родине. Сделав это, он отплыл. С наступлением дня у друзей Ганнибала вследствие такого умного поступка пропал страх, так как можно было подумать, что Аристон был послан ко всему совету старейшин; тем не менее город наполнился шумными толками, так как к римлянам относились враждебно, но не думали, что можно что-либо предпринять втайне от римлян.

9. Таковы были отношения с Карфагеном. Римские послы, другие, возглавляемые Сципионом, победителем Карфагена, отправленные для подобного же испытания образа мыслей Антиоха и для ознакомления с его приготовлениями, обнаружили, что царь уже выступил в Писидию; они поэтому оставались в Эфесе и там часто встречались и беседовали с Ганнибалом, так как с Карфагеном у них продолжали существовать договорные отношения, а с Антиохом не было еще явно враждебных. Они бранили Ганнибала за то, что он бежал из отечества, так как римляне не нарушили своих договорных обещаний ни по отношению к нему, ни по отношению к другим карфагенянам. Они так действовали, желая, чтобы Ганнибал стал подозрительным для царя вследствие постоянного общения и встреч с ними. Ганнибал, величайший стратег, не сообразил этого; царь же, узнав об этом, стал относиться к нему подозрительно и с этого времени стал не так искренно верить ему. А к тому же у него появилась к Ганнибалу и зависть, как бы слава за все дела не досталась Ганнибалу.

10. Говорят, что во время этих бесед в гимнасии как-то разговорились между собою Сципион и Ганнибал об искусстве вождя в присутствии очень многих. Сципион спросил Ганнибала, кого считает он лучшим вождем. Ганнибал ответил: «Александра Македонского». Сципион отнесся спокойно к этому заявлению, означавшему, что Александр стоит выше его, и спросил, кого же он считает вторым после Александра? Ганнибал тогда сказал: «Пирра, царя Эпира». Очевидно, доблесть вождя он полагал в дерзости, а более дерзновенно действовавших, чем эти цари, нельзя найти никого. Сципион, уже почувствовавший обиду, однако еще раз спросил его, кому же он отдает третье место? Конечно, он был вполне уверен, что получит это третье место. Но Ганнибал ответил: «Себе; будучи еще юным, я завоевал Иберию и первый после Геракла с войском перешел через Альпы, вторгшись в Италию, — такой смелости из вас никто никогда не проявлял, — я завоевал четыреста городов и часто приводил вас к необходимости бояться за ваш собственный город, причем из Карфагена мне не посылали ни денег, ни войска». Когда Сципион увидал, что он хочет продолжать самовосхваление он, засмеявшись, сказал ему: «на какое же место ты бы, Ганнибал, поставил себя, если бы не был мной побежден?» Говорят, что Ганнибал, тут уже заметив завистливую ревность, сказал: «Тогда я поставил бы себя выше Александра». Так Ганнибал не отказался от своего высокомерного тона, но незаметно польстил Сципиону, дав понять, что он победил того, кто выше Александра.

11. Когда они расходились, Ганнибал стал приглашать Сципиона к себе в гости, но Сципион ответил, что он охотно бы зашел к нему, «если бы ты не был у Антиоха, отношения которого с римлянами довольно подозрительны».

Так они достойно великих вождей свою вражду ограничили войной, но не так поступил Фламиний. Когда впоследствии Антиох был побежден и Ганнибал бежал отсюда и блуждал по Вифинии, Фламиний, отправленный к Прусию в качестве посла по другому вопросу, не получив раньше от Ганнибала никакой обиды, не имея и от римлян такого поручения, так как после покорения Карфагена он уже не мог быть страшным для римлян, при посредстве Пруссия добился того, чтобы Ганнибал погиб

от яда ². Есть предание, что некогда Ганнибал получил предсказание, которое гласило так: «Земли ливийской пласт покроет тело Ганнибала»; он поэтому думал, что умрет в Ливии; но в Вифинии есть река Ливисса, и это место называется долиной Ливийской.

Этот рассказ я передал как памятник высокого духа Ганнибала и Сципиона и душевной низости Фламинина.

12. Тем временем Антиох вернулся из Писидии в Эфес и, дав аудиенцию римским послам, заявил, что предоставит автономии родосцам, византийцам и жителям Кизика, а также и другим эллинам в Азии, если у него будет союзный договор с римлянами, но Эолии и Ионии этой автономии он не даст, так как издревле они привыкли быть подданными даже варварских царей в Азии. Римские послы не пришли с ним ни к какому соглашению (ведь они прибыли не по делу о соглашении, но для зондирования его настроения), и с этим они вернулись в Рим. К Антиоху же прибыли послы этолийцев, во главе которых стоял Тоас; они объявили Антиоха полномочным военачальником этолийцев и приглашали переплыть в Грецию, как на готовое дело. Они не позволяли ему ждать войска, возвращавшегося из Центральной Азии, но, превознося силы этолийцев, заявляя, что и лакедемоняне, а кроме лакедемонян также Филипп Македонский, полный гнева на римлян, будут их союзниками, они торопили его с переходом. Антиох очень легкомысленно воспышал решимостью, и даже полученное им известие о смерти сына в Сирии не приостановило его стремительности. Только с десятью тысячами, которые он тогда имел при себе, он переправился в Эвбею. Самолично он занял весь остров, сдавшийся ему под влиянием страха; а его полководец Микитион ³, напав на римлян около Делия (это было место, посвященное Аполлону), часть из них убил, а других взял в плен.

13. Царь атаманов, Аминандр, вступил в союз с Антиохом по следующему поводу. Был некий македонянин Александр, воспитанный и живший в Мегалополе и удостоенный там права правления; он стал рассказывать сказки о своем родстве с Александром, сыном Филиппа, и, чтобы внушить доверие к своим рассказам, он назвал своих сыновей Филиппом и Александром, а дочь — Апамою, которую он сосватал за Аминандра. Ее брат Филипп повез ее для брака, и, когда увидал, что Аминандр — человек слабый и неопытный в делах, он остался там, в качестве родственника, взяв управление в свои руки. Этого-то Филиппа Антиох привлек на свою сторону обещанием, что он даст ему власть над Македонией, как над страной его предков, и благодаря этому он получил атаманов в качестве союзников, а кроме них и фивян, сам прибыв в Фивы и выступив перед народом с речью.

В столь важной войне Антиох весьма легкомысленно полагался на силы фивян, на Аминандра и на этолийцев; относительно Фессалии он только размышлял, нужно ли сейчас двинуться на нее с войском или же после зимы. Ганнибалу, который при совещании об этом сидел молча, Антиох велел первому ⁴ высказать свое мнение.

14. Тогда Ганнибал сказал: «Покорить фессалийцев дело нетрудное, хочешь ли ты пойти на них теперь или после зимы. Этот народ устал от великих страданий и легко перейдет теперь на твою сторону, затем опять на сторону римлян, если события примут новое направление. Мы пришли сюда без собственных сил, поверив этолийцам, которые нас сюда завлекали, что и лакедемоняне и Филипп будут нашими союзниками; но из них, как

² Ливий (39, 51), как и Плутарх, говорит о добровольной смерти.

³ Ливий (35, 31) называет его Мениппом.

⁴ Юстин (34, 51), напротив, говорит, что Ганнибал последним высказал свое мнение.

я слышу, лакедемоняне даже готовы воевать против нас в союзе с ахейцами, а Филиппа я не вижу рядом с тобою; а ведь в этой войне он может дать перевес той стороне, на которую он станет. Мое мнение остается прежним,— возможно скорее вызвать войско из Азии, а не надеяться на Аминандра и этолийцев; и когда войско прибудет,—опустошать Италию, для того чтобы отвлеченные домашними бедствиями, римляне менее всего могли бы причинять тебе неприятности и, боясь за свое положение, они не могли бы никуда двинуться. Твой образ действий теперь должен быть вовсе не тот, о котором я говорил раньше, но с половиной кораблей надо опустошать побережье Италии, а другая половина должна находиться в засаде, в удобном месте, выжидая подходящего момента; ты же сам со всем пешим войском, занимая передовые позиции в Греции, недалеко от Италии, должен заставлять думать, что собираешься совершить вторжение, и если как-нибудь будешь в состоянии, то и вторгнуться. Филиппа надо постараться всяким способом привлечь на свою сторону, так как в этой войне он имеет наибольшее значение для той и другой стороны. Если же он не послушается тебя, пошли против него своего сына Селевка через Фракию, чтобы и он, отвлекаемый домашними бедами, ни в чем не мог быть полезен твоим врагам». Вот что сказал Ганнибал, это было наилучшее, но вследствие зависти к его славе и его таланту все другие, и не меньше других сам царь, отвергли все его предложения, чтобы не показалось, что Ганнибал превосходит их всех талантом вождя, и чтобы слава будущих побед не была приписана ему. Только одно предложение его было принято, и Поликсенид был послан в Азию за войском.

15. Когда римляне узнали о вторжении Антиоха в Грецию, об избиении и пленении римлян при Делии, они решили начать войну. Таким образом, война между Антиохом и римлянами, давно уже намечавшаяся и той, и другой стороной, тогда впервые проявилась как факт. Так как Антиох был властителем всей Внутренней Азии, многих народов и, за небольшим исключением, всей приморской области, так как он уже стоял твердой ногой в Греции, имел славу страшного завоевателя и достаточное снаряжение, так как он совершил в войнах против других народов много блестящих подвигов, откуда и пошло его прозвище «Великий», то римляне опасались, что война для них будет длительной и тяжелой. Под большим подозрением был у них Филипп Македонский, недавно побежденный ими, и карфагеняне: они боялись, будут ли они, карфагеняне, сохранять верность договору с ними, так как ведь Ганнибал был у Антиоха. И относительно других подчиненных им народов у них было подозрение, как бы с их стороны, в надежде на Антиоха, не произошло какое-либо восстание. Поэтому они к ним всем послали войска для мирного за ними наблюдения и с войсками послали предводителей, которых они сами называют «шести-секирными» (преторами). Дело в том, что консулы имеют свиту с 12 тополами и 12 связками, как некогда цари; а эти предводители имеют половину достоинства и потому половину знаков почета. Как это бывает при большом страхе, римляне беспокоились и за Италию, будет ли она им верна и постоянна в войне с Антиохом. Они поэтому послали большое пешее войско в Тарент наблюдать за возможным вторжением, а флот должен был плавать вдоль побережья. Таков был страх в первое время перед Антиохом, когда ими было приведено в порядок все, что касается их собственной страны, они уже против самого Антиоха набрали двадцать тысяч своих граждан, вдвое больше из числа союзников, чтобы с наступлением весны все это перекинуть через Ионийское море.

Вся зима прошла у них в этих приготовлениях.

16. Антиох же направился против фессалийцев и, придя в Киноскефалы, где римлянами было нанесено поражение македонянам, он

я слышу, лакедемоняне даже готовы воевать против нас в союзе с ахейцами, а Филиппа я не вижу рядом с тобою; а ведь в этой войне он может дать перевес той стороне, на которую он станет. Мое мнение остается прежним, — возможно скорее вызвать войско из Азии, а не надеяться на Аминандра и этолийцев; и когда войско прибудет, — опустошать Италию, для того чтобы, отвлеченные домашними бедствиями, римляне менее всего могли бы причинить тебе неприятности и, боясь за свое положение, они не могли бы нигуда двинуться. Твой образ действий теперь должен быть вовсе не тот, о котором я говорил раньше, но с половиной кораблей надо опустошать побережье Италии, а другая половина должна находиться в засаде, в удобном месте, выжидая подходящего момента; ты же сам со всем пешим войском, занимая передовые позиции в Греции, недалеко от Италии, должен заставлять думать, что собираешься совершить вторжение, и если как-нибудь будешь в состоянии, то и вторгнуться. Филиппа надо постараться всяким способом привлечь на свою сторону, так как в этой войне он имеет наибольшее значение для той и другой стороны. Если же он не послушается тебя, пошли против него своего сына Селевка через Фракию, чтобы и он, отвлекаемый домашними бедами, ни в чем не мог быть полезен твоим врагам». Вот что сказал Ганнибал, это было наилучшее, но вследствие зависти к его славе и его таланту все другие, и не меньше других сам царь, отвергли все его предложения, чтобы не показалось, что Ганнибал превосходит их всех талантом вождя, и чтобы слава будущих побед не была приписана ему. Только одно предложение его было принято, и Поликсенид был послан в Азию за войском.

15. Когда римляне узнали о вторжении Антиоха в Грецию, об избении и пленении римлян при Делии, они решили начать войну. Таким образом, война между Антиохом и римлянами, давно уже намечавшаяся и той, и другой стороной, тогда впервые проявилась как факт. Так как Антиох был властителем всей Внутренней Азии, многих народов и, за небольшим исключением, всей приморской области, так как он уже стоял твердой ногой в Греции, имел славу страшного завоевателя и достаточное снаряжение, так как он совершил в войнах против других народов много блестящих подвигов, откуда и пошло его прозвище «Великий», то римляне опасались, что война для них будет длительной и тяжелой. Под большим подозрением был у них Филипп Македонский, недавно побежденный ими, и карфагеняне: они боялись, будут ли они, карфагеняне, сохранять верность договору с ними, так как ведь Ганнибал был у Антиоха. И относительно других подчиненных им народов у них было подозрение, как бы с их стороны, в надежде на Антиоха, не произошло какое-либо восстание. Поэтому они к ним все послали войска для мирного за ними наблюдения и с войсками послали предводителей, которых они сами называют «шести-секирными» (преторами). Дело в том, что консулы имеют свиту с 12 топо-рами и 12 связками, как некогда цари; а эти предводители имеют половину достоинства и потому половину знаков почета. Как это бывает при большом страхе, римляне беспокоились и за Италию, будет ли она им верна и постоянна в войне с Антиохом. Они поэтому послали большое пешее войско в Тарент наблюдать за возможным вторжением, а флот должен был плавать вдоль побережья. Таков был страх в первое время перед Антиохом. Когда ими было приведено в порядок все, что касается их собственной страны, они уже против самого Антиоха набрали двадцать тысяч своих граждан, вдвое больше из числа союзников, чтобы с наступлением весны все это перекинуть через Ионийское море.

Вся зима прошла у них в этих приготовлениях.

16. Антиох же направился против фессалийцев и, придя в Киноскефалы, где римлянами было нанесено поражение македонянам, он

похоронил со всей пышностью останки тех, которые там пали, еще оставшиеся непогребенными, ища популярности среди македонян и вызывая среди них недовольство против Филиппа за то, что он не похоронил павших в бою за него. Когда услышал об этом Филипп, который еще колебался и все присматривался, на чью сторону ему стать, он тотчас выбрал быть на стороне римлян и, пригласив их военачальника Бебия, командовавшего поблизости какой-то частью войска, прибыть к нему в какое-то укрепление, вновь дал римлянам торжественные уверения, что без обмана будет их союзником против Антиоха. Бебий стал хвалить его за такое решение и, осмелев, тотчас же послал через Македонию в Фессалию Аппия Клавдия с двумя тысячами пехотинцев. Аппий, увидев с Темпейского перевала Антиоха, осаждавшего Лариссу, зажег много огней, скрывая малочисленность своего войска. Антиох же, испугавшись в предположении, что явились вместе Бебий и Филипп, снял осаду, выставив предлогом зиму, и вернулся в Халкиду; там он влюбился в очень красивую девушку, и, хотя ему было свыше 50 лет и он вел столь ответственную войну, он стал справлять свадьбу и устраивать празднества, а свои войска в течение всей зимы он держал в праздности, позволяя вести роскошный образ жизни. С наступлением весны, вторгнувшись в Акарнанию, он заметил распущенность войска, ставшего во всех отношениях бесполезным для военных действий; и тогда пожалел он и о своей свадьбе и о празднествах. Все же, подчинив себе часть Акарнании, он собирался захватить все остальное; но, как только он услышал, что римляне переправляются через Ионийское море, он вновь вернулся в Халкиду.

17. Римляне со всей поспешностью с бывшими у них готовыми двумя тысячами всадников, с двадцатью тысячами пехоты и несколькими слонами, под начальством Ацилия Манья Глабриона, переправились из Брундизия в Аполлонию, оттуда они двинулись в Фессалию и освободили города от осады, а где были гарнизоны атаманов, эти гарнизоны они изгнали. Они захватили в плен Филиппа из Мегалополиса, все еще надеявшегося получить власть над Македонией. Они взяли в плен также до трех тысяч из воинов Антиоха. Пока Маний совершал эти операции, Филипп, вторгшись в область атаманов, всю ее подчинил себе; Аминандр бежал в Амбракию. Когда все это стало известно Антиоху, он, пораженный быстротой событий, испугался, как бывает при неожиданной и быстрой перемене, и понял он тогда всю правильность советов Ганнибала. Он стал одного за другим отправлять вестников в Азию к Поликсениду, торопя его с переправой войск, а сам отовсюду стал собирать все те силы, которые у него были. Когда у него собралось собственных войск десять тысяч пехоты и пятьсот всадников и, сверх этого, некоторое количество союзников, он занял Фермопилы, чтобы противопоставить наступлению врагов трудно проходимую местность и дожидаться войска из Азии. Фермопилы представляют собой узкий и длинный проход; их окружает с одной стороны море, с острыми подводными камнями при полном отсутствии гаваней, с другой — непроходимое и бездонное болото. Здесь поднимаются две отвесные горные вершины, и одну из них называют Тейхиунтом, а другую — Каллидромом. Это место имеет горячие источники и от этого оно и получило свое название Фермопил — «Ворота горячих источников».

18. И вот там Антиох возвел двойную стену, а на стену поставил машины. На вершины гор он послал этолийцев, чтобы никто незаметно не мог обойти его по так называемой «непроходимой тропе» (Атрапон); это тот путь, по которому Ксеркс напал на Леонида с его спартамцами, так как тогда горы оставались неохранными. Этолийцы поставили на каждую из этих вершин по тысяче человек, с остальным войском они по собственному усмотрению стали лагерем около города Гераклеи. Когда Маний увидал

приготовления врагов, он дал приказ начать битву утром. Двум военным трибунам, Марку Катону и Люцию Валерию, он велел ночью, взяв сколько каждый хочет отборных воинов, обойти горы и постараться согнать с вершины этолийцев. Люций был отбит от Тейхиунта, так как тут этолийцы держались хорошо; Катон же, обойдя Каллидром, застал врагов еще спавшими, напав на них в конце ночной стражи. У него завязался здесь сильный бой, но он пробился на вершину, хотя враги сильно защищали крутизны. Тем временем и Маний, разделив войско на растянутые отряды, повел его против Антиоха, выстроившего свое войско длинным фронтом; только так он мог пройти по теснинам. По приказу царя легковооруженные и пелтасты должны были сражаться перед фалангой, а фалангу он поставил перед лагерем, на ее правом⁵ крыле, у подножья горы—стрелков и пращников, на левой—слонов, а густые ряды воинов, которые всегда ставятся вместе с ними,—вдоль морской линии.

19. Когда сражение перешло в рукопашный бой, то вначале легковооруженные, со всех сторон налетая на врагов, причиняли много неприятности Манию. Когда же с большим трудом принимая их налеты, отступая и затем опять наступая, он обратил их в бегство, то фаланга, построенная по македонскому образцу, расступилась, приняла их к себе и, сойдясь, прикрыла их и, сохраняя строй, выставила густые ряды копий. Со времени Александра и Филиппа македоняне особенно этим пугали своих врагов, не осмеливавшихся приблизиться к выдвинутым против них многочисленным длинным копьям. Но внезапно увидали этолийцев, бегущих с криком от Каллидрома и несущихся к лагерю Антиоха. Вначале и та, и другая сторона была в неведении ни, что случилось, и, как бывает при неведении, произошло замешательство. Когда же появился Катон, преследующий их с большим криком, и оказался уже над лагерем Антиоха, то войско царя испугалось: и много раньше слышали они страшные рассказы о том, как ведут бои римляне, и о себе они знали, что вследствие безделья и роскошной жизни в продолжение всей зимы они испортились и стали неспособны к энергичным действиям. Не видя ясно, сколько было с Катоном, но в страхе считая, что их больше, чем на самом деле, и боясь за свой лагерь, они в беспорядке бежали туда с тем, чтобы оттуда отражать врагов. Римляне, преследуя их по пятам, вместе с ними ворвались в лагерь, и тут началось второе беспорядочное бегство антиоховцев. Маний преследовал их до Скарфеи, убивая и забирая в плен, а затем, вернувшись от Скарфеи, разграбил царский лагерь, а этолийцев, которые во время отсутствия римлян набегали в их укрепления, он прогнал одним своим появлением.

20. Во время сражения и преследования у римлян погибло около двухсот человек, а у Антиоха, считая и взятых в плен, около десяти тысяч. Сам царь при первом же бегстве своего войска с пятьюстами всадников без оглядки бежал в Элатею, а из Элатеи в Халкиду, а затем в Эфес вместе со своей молодой женой, Эвбеей—он ее так называл—на кораблях: да и они у него уцелели не все: некоторые из них, перевозившие продовольствие, были потоплены римским навархом, появившимся здесь из открытого моря. Когда римляне в столице узнали об этой победе, оказавшейся для них столь быстрой и легкой, они стали приносить жертвы, радуясь первому счастливому испытанию над страшной славой Антиоха. Желая воздать благодарность Филиппу за его помощь, они отпустили к нему его сына Деметрия, который еще оставался у них в качестве заложника.

⁵ Ошибка Аппиана. Более правильную картину боя дает Ливий (36, 18).

21. Таковы были дела в Риме. Тем временем Маний по их усиленной просьбе освободил от страха наказания фокейцев и халкидян и всех других, которые имели дело с Антиохом; Этолию же и он и Филипп стали опустошать и завоевывать их города. Маний захватил тут в плен скрывавшегося в этих местах Дамокрита, стратега этолийцев, который грозил Фламинину, что станет лагерем на берегу Тибра. Затем Маний у Каллиполя пошел через гору, которую называют Коракс, самую высокую из гор, непроходимую и крутую, ведя свое войско, которое было сильно нагружено добычей; и многие падали с крутизны вследствие бездорожья; иной раз их увлекало вниз, и их оружие, и их скарб. И этолийцы легко могли бы привести их в большой беспорядок, но они ни разу здесь не показались, а отправили в Рим посольство просить о мире. Антиох же спешно созывал войско из внутренних областей к морю, готовил корабли, поставив начальником над ними Поликсенида, беглеца из Родоса. Переплыв в Херсонес, он вновь его укрепил, а равно привел в боевую готовность Сест и Абидос: он считал, что римская армия должна была бы этой дорогой проникнуть в Азию. Делая Лисимахию складочным пунктом для этой войны, он стал свозить в нее большое количество оружия и большие запасы хлеба; он ожидал, что в ближайшее время римляне нападут на него с большим сухопутным войском и большим флотом. Тем временем римляне выбирают преемником Мания в ведении войны Люция Сципиона, который тогда был у них консулом, но так как он был нерешителен и неопытен в военных делах, они выбирают ему в качестве советника его брата Публия Сципиона, того, который лишил карфагенян их военного превосходства и первый получил прозвище Африканского.

22. Сципионы еще только готовились к походу, как Ливий, охранявший Италию, выбранный преемником Атилия в звании наварха, тотчас же на своих кораблях, на которых он объезжал берега Италии, вместе с несколькими карфагенскими, данными ему, и другими союзническими приплыл в Пирей, и, взяв от Атилия войско, он поплыл на 81 тяжелых судакатафрактах; с ним плыл Эвмен на пятидесяти своих, и у него половина была тяжелых. Они спустились к Фокее, которая хотя была подчинена Антиоху, но под влиянием страха приняла их, а на следующий день они выплыли в море для морского боя. Выплыл против них и наварх Антиоха Поликсенид на двухстах кораблях, намного более легких, чем неприятельские. И в этом было его большое преимущество, так как римляне еще не были привычны к этому морю. Видя два карфагенских корабля, идущих впереди, Поликсенид послал три корабля из своих и захватил эти два, но пустых, так как ливийцы попрыгали в море. На эти три корабля тотчас, полный гнева, двинулся Ливий на своем корабле военачальника, намного опередив свой флот. Так как корабль был один, то они, полные презрения, набросили на него железные лапы, и, когда корабли стали борт-о-борт, бой завязался, как на твердой земле. Намного превосходя своей смелостью, римляне перешли на неприятельские суда и победили; таким образом они вернулись, ведя вместе с одним кораблем два других. Таково было предварительное столкновение перед морским боем. Когда же оба флота напали друг на друга, то благодаря силе и решимости римляне одержали верх, но ввиду тяжести своих судов они не могли захватить врагов, убежавших от них на своих легких судах. Сирийцы в своем стремительном бегстве спаслись в Эфес, римляне же пристали к Хиосу, куда к ним прибыли союзные родосские суда в числе двадцати семи. Антиох, узнав об этой морской битве, послал Ганнибала в Сирию, чтобы привести сюда новые суда из Финикии и Киликии. Когда Ганнибал собрался вернуться, родосцы заперли его в Памфилии и захватили некоторые из его судов, а за остальными, устроив засаду, они следили.

23. Тем временем Публий Сципион, прибыв в Этолию вместе с консулом и приняв войско от Манья, оставил без внимания осаду этолийск их городов как дело маленькое, и вновь на просьбу этолийцев предписал им отправить послов в Рим по поводу своих дел; но он торопился двинуться против Антиоха, раньше чем кончится срок командования у брата. Он пошел через Македонию и Фракию к Геллеспонту; эта дорога была бы для него трудной и тяжелой, если бы Филипп Македонский не приготавливал для него дороги, не принимал и не сопровождал его, заранее наведя мосты и приготовив рынки. За это Сципионы тотчас же освободили его от уплаты недоимок, получив на это полномочие от сената, если они найдут его готовым им служить. Они послали и к Прусию, царю Вифинии, перечисляя ему, скольким царям, вступившим в союз с римлянами, они увеличили их царство. Примером может служить, говорили они, Филипп, царь Македонский: победив его на войне, они все же оставили его царем, «его сына, бывшего у нас заложником, мы ему отпустили, равно освободили и от уплаты остальных сумм долга». Обрадованный всем этим, Прусий согласился быть их союзником в войне с Антиохом.

Когда наварх Ливий узнал о движении Сципионов, он оставил родосца Павсимаха⁶ с родосскими кораблями и с частью своего флота в Эолии, с большею же частью кораблей он отплыл в Геллеспонт, чтобы ожидать там пешее войско. Сест, Рэтей и Ахейская гавань, а также некоторые другие места, перешли на его сторону, а Абидос, который отказался повиноваться, он стал осаждать.

24. Когда Ливий отплыл, то Павсимах стал производить различные опыты и маневры со своим флотом, устроил различные машины, приделал к длинным шестам огненосные железные сосуды; этот огонь должен был висеть над морем, так чтобы от своих кораблей он был далеко, но попадал на неприятельские суда при их приближении. Пока он занимался этим делом, хитро устроил ловушку Поликсенид, наварх Антиоха, бывший тоже родосцем, но по некоторым причинам изгнанный из отечества: он обещал Павсимаху, что отдаст в его руки флот Антиоха, если он согласится содействовать ему в вопросе о возвращении на родину. Павсимах относился подозрительно к этому коварному и способному на всякое преступление человеку и долгое время оберегал себя от него. Но когда Поликсенид написал ему собственноручное письмо о своей готовности совершить измену и с этой целью отплыл из Эфеса и сделав вид, что рассылает свое войско за продовольствием, Павсимах, видя его отплытие и не представляя себе, чтобы кто-нибудь послал собственноручное письмо относительно измены, не имея твердого намерения ее выполнить, совершенно уверился, снял стражу и сам разослал своих для заготовки хлеба. Когда Поликсенид увидал, что Павсимах попался в ловушку, он тотчас собрал все, что ему надо было для выполнения, а Никандра, пирата, он послал с небольшими силами на Самос, чтобы на суше с тыла произвести замешательство в войске Павсимаха. Среди ночи он отплыл и сам и приблизительно в утреннюю стражу напал на врагов, еще спавших. Павсимах при таком внезапном и негаданном бедствии приказал воинам покинуть корабли и с суши отбиваться от врагов. Но когда с тылу на него напал Никандр, Павсимах, считая, что и суша занята не только теми, кого можно было видеть, но, как это бывает при ночных смятениях, гораздо бóльшим числом, пришел в замешательство и вновь велел садиться на корабли. Он первый выходит на бой и первый, со славой сражаясь, погибает. Из остальных одни были взяты в плен, другие погибли. И из кораблей только семь, которые несли огонь, так как никто из-за пламени не решался к ним приближаться,

⁶ Ливий называет его Павсигратом.

сумели бежать, остальные же двадцать он на буксире привел с собою в Эфес.

25. После этой победы Фокея, Самос и Кумы вновь перешли на сторону Антиоха. Ливий, испугавшись за свои собственные корабли, которые он оставил в Эолии, поспешно возвратился к ним. К нему поспешил Эвмен, а родосцы прислали римлянам другие двадцать кораблей. После короткого промежутка все вновь воспрянули духом и отплыли к Эфесу, готовые к морскому бою. Так как никто против них не выходил, то половину кораблей они на долгое время поставили на показ посреди моря, а с остальными, пристав к неприятельской земле, они стали ее опустошать, пока Никандр⁷, напав на них из глубины страны, не отнял у них добычи, а их самих преследовал до самых кораблей.

Римляне вновь вернулись на Самос. Окончилось время морского командования Ливия.

26. В то же время Селевк, сын Антиоха, стал опустошать землю Эвмена и осадил Пергам, заставив людей запереться в городе. Поэтому Эвмен спешно переправился в Элею—это была гавань его царства—и с ним Люций Эмилий Регилл, принявший от Ливия главное командование на море. Прибыл и от ахейцев вспомогательный отряд Эвмену в составе тысячи пехотинцев и ста отборных всадников. Их полководец Диофан⁸, увидав со стены, как люди Селевка в беспечности играют и пьют, стал убеждать пергамцев сделать вместе с ним вылазку против врагов. Так как они не соглашались на такое предприятие, он вооружил тогда свою тысячу и своих сто всадников, и двинувшись вперед, стал под стеной и дальше никуда не двигался. Враги не обращали внимания на них, поскольку видели, что их немного и что они не решаются вступить в рукопашный бой. Но, когда люди Селевка стали обедать, Диофан, сделав на них нападение, привел в смятение и оттеснил сторожевые отряды; когда же другие бросились к оружию, стали взнуздывать коней, гоняться за убегающими или с трудом садиться на беспокойных коней, Диофан одержал над ними блестящую победу. При этом жители Пергама со стены громкими криками приветствовали его победу; но и тогда они не решились выступить. Убив сколько он мог при таком быстром показе мужества, а некоторых взяв в плен, и мужей, и коней, он спешно вернулся назад. На следующий день он опять поставил ахейцев под стеною: пергамцы и на этот раз не вышли с ним. Селевк с большим количеством всадников стал приближаться к нему, вызывая его на сражение. Но Диофан тогда не двигался с места, стоял у самой стены, но был настороже. Когда же Селевк, прождав до полудня, когда его всадники уже устали, повернул назад и стал уходить, тогда Диофан, напав на его арьергард, приведя его в замешательство и причинив ему сколько возможно потерь, быстро вновь отступил под прикрытие стены. И таким образом, делая постоянно на него хитрые нападения и во время экспедиций за хлебом, и за дровами и постоянно, так или иначе причиняя ему затруднения, он заставил Селевка уйти от Пергама и изгнал его изо всех других областей царства Эвмена.

27. Немного времени спустя у Поликсенида произошел морской бой с римлянами у Мионнеса: Поликсенид вступил в этот бой с 90 тяжелыми судами, а Люций, наварх римлян, имел 83, из них 25 были от родосцев. Их начальник Эвдор был поставлен на левом крыле; увидав же, что Поликсенид намного превосходит римлян и с того, и с другого фланга, он испугался, как бы не быть окруженным, и быстро перегнал их, так как суда

⁷ Ливий (37, 43) говорит, что это был Андронин, македонянин, начальник гарнизона в Эфесе.

⁸ Ученик в военном деле знаменитого Филонемена.

у него были легкие и гребцы опытные в морском деле; он первым и повел против Поликсенида огненосные суда, со всех сторон блиставшие огнем. Корабли Поликсенида не решились напасть на них вследствие огня, но объезжали вокруг них; при этом они наклонились и зачерпнули воды; они ударялись о боевые балки, пока родосский корабль не сделал нападения на сидонский; удар был настолько силен, что якорь сидонского корабля упал на родосский и связал их оба вместе. Корабли стали недвижимыми, и экипажи их вступили в бой как бы на твердой земле. На помощь им с обеих сторон подошло много кораблей, и с той и с другой стороны началось блестящее соревнование в храбрости; вследствие этого центр кораблей Антиоха оказался открытым и римские корабли, продвинувшись, стали окружать врагов, которые этого все еще не замечали. Когда же они это поняли, то повернули назад и бежали. У Антиоха погибло без одного 30 кораблей, из них 13 было захвачено со всеми людьми. У римлян погибло всего два судна. И Поликсенид, ведя за собой родосский корабль, ушел в Эфес.

28. Таков был конец морской битвы у Мионнеса. Еще не зная о ней, Антиох старательно укреплял Херсонес и Лисимахию, считая это важным делом, как это и было на самом деле, для войны против римлян; да и вся Фракия была бы для них неудобной для прохода с войском и трудно проходимой вследствие плохих дорог, если бы Филипп не проводил их. Но Антиох был и в остальных делах человеком легкомысленным и с быстро меняющимся настроением. Когда он узнал о поражении при Мионнесе, он совсем пал духом, считая, что против него действует злой рок. Все идет против всяких ожиданий: римляне властвуют на море, где он считал, что намного их превосходит; родосцы заперли Ганнибала в Памфилии; Филипп провел римлян по непроходимым дорогам, а он думал, что Филипп должен был особенно помнить зло, которое он претерпел от римлян. Всем этим он был приведен в расстройство, а божество, как это случается со всеми при наступлении несчастий, лишило его способности здраво рассуждать: поэтому он неразумно покинул Херсонес, прежде чем встретиться лицом к лицу с неприятелем, и не увез оттуда, сколько у него было собрано там хлеба, оружия, денег, машин, не сжег даже их, но в неприкосновенности оставил врагам все эти запасы. Он не обратил никакого внимания на жителей Лисимахии, сбегавшихся к нему с женами и детьми, с великим плачем, как будто из осажденного уже города. Он думал только о том, как бы помешать врагам переправиться у Абидоса, и все еще оставшуюся у него надежду на благополучное окончание войны он полагал в этом. Как бы пораженный от божества слепотою, он и переправу не сумел охранить, но поспешил уйти в глубь страны, торопясь предупредить врагов, а на переправе не оставил никакой охраны.

29. Когда Сципионы узнали о его отступлении, они стремительно заняли Лисимахию и, овладев всеми богатствами и оружием в Херсонесе, они спешно перешли через Геллеспонт, оставленный пустынным и без охраны, и успели оказаться (в Азии) раньше, чем это стало известно Антиоху, оставшемуся в неведении в Сардах. Пораженный этим, Антиох впал в отчаяние, и, собственные ошибки свои приписывая злему року, он послал византийца Гераклида к Сципионам вести переговоры о прекращении войны, отдавая им Смирну, Александрию на Гранике и Лампсак, из-за которых он и начал с ними войну, и обещая уплатить половину военных расходов. Он поручил, если будет необходимо, отдать им из ионийских и эолидских городов те, которые в этой войне стояли на стороне римлян, и то, чего Сципионы потребуют. Гераклид получил право говорить об этом открыто, частным же образом он нес от Антиоха Публию Сципиону обещание уплатить крупную сумму денег и отпустить на сво-

боду его сына. Антиох взял его в плен в Греции, когда он плыл в Деметриаду из Халкиды. Этот мальчик был тот Сципион, который позднее взял Карфаген и его разрушил, и после этого Сципиона он вторым получил имя Африканского; он был сыном Павла, победившего Персея, царя Македонского; Сципиону же он по роду был сыном дочери, а по усыновлению—сыном⁹. Сципионы совместно дали Гераклиду ответ, что если Антиох нуждается в мире, то он должен отказаться не только от ионийских и эолийских городов, но и ото всей области по сю сторону Тавра; он должен оплатить все расходы по этой войне, происшедшей из-за него. Частным же образом Публий сказал Гераклиду, что если бы Антиох предложил такие условия, когда он еще владел Херсонесом и Лисимахией, то римляне охотно их бы приняли; может быть, даже и в том случае, если бы он хотя бы охранял переправу через Геллеспонт; теперь же, когда они переправились и находятся в безопасности, когда они, как говорится по пословице, наложили на коня узду и сверх узды сели на коня верхом, они не примут заключения мира на меньших условиях. Сам он очень признателен царю за его любезное предложение и еще больше будет чувствовать признательность, получив от него сына; он готов отвечать ему тем же и советует ему принять предложенные условия, прежде чем ему придется испытать предъявление более тяжких требований.

30. Сказав так, Публий вследствие болезни удалился в Элею, оставив брату в качестве советника Гнея Домиция. Антиох, так же как и Филипп Македонский, полагая, что, даже если он проиграет войну, у него не будет отнято больше, чем заключено в предъявленных ему требованиях, стянул свое войско на равнину Тиатиры, недалеко от неприятелей, а Сципиону отослал его сына в Элею. Привезшим его Сципион советовал, чтобы Антиох не вступал в сражение, пока он сам не вернется назад. Следуя этому совету, Антиох разбил второй лагерь около горы Сипила и окружил его крепкой стеной; он воспользовался рекой Фригием как передовым укреплением против врагов, чтобы не быть вовлеченным в сражение против своей воли. Домиций, полный честолюбивого стремления, чтобы война была окончена только при нем, очень смело перешел через реку и на расстоянии стадий 20 от Антиоха стал лагерем. Четыре дня подряд оба они выстраивали свои войска около этого укрепления, но боя не начинали. На пятый день Домиций вновь выстроил своих и самоуверенно стал подниматься в гору. Так как Антиох не выходил против него, тогда он расположил другой лагерь ближе к врагам и, пропустив еще один день, во всеуслышание объявляет врагам, что завтра Антиоху, хотя бы он этого не хотел, придется вступить в сражение. Антиох, приведенный всем этим в волнение, вновь изменил свое решение, и, хотя он мог просто стоять под стенами <своего лагеря> или отбиваться вполне удачно под защитой стен, пока Публий не поправится, он счел для себя постыдным, имея более многочисленное войско, избегать сражения. Поэтому он двинул свои силы в бой.

31. Еще ночью, перед концом стражи, оба вывели свои войска, и каждый из них следующим образом расположил их. Левое крыло занимали 10 000 римских тяжеловооруженных, у самой реки; за ними шли другие десять тысяч италийцев; все они стояли в три ряда в глубину. Рядом с италийцами стояло войско Эвмена и ахейские легковооруженные в количестве 3 000. Так было выстроено левое крыло; на правом же стояли всадники: римские, италийские и Эвмена, всего тоже не более 3 000. К ним всем были присоединены в большом количестве легковооружен-

⁹ Тут крупная ошибка Апиана, или позднейшая вставка. Сципион Младший был усыновлен именно тем Сципионом, о пленении которого идет здесь речь.

ные и стрелки, а вокруг самого Домиция было четыре отряда всадников. Таким образом, всех их было около 30 000; во главе правого крыла стоял сам Домиций, в центре он поставил консула, а левое крыло он поручил Эвмену. Что касается слонов, которых он имел из Ливии, то, считая, что от них не будет никакой пользы—их было меньше, чем у врагов, и они ростом были короче, как все ливийские (а меньшие боялись более крупных),—он их поставил позади всех.

32. Так были построены римляне. У Антиоха все войско состояло из 70 000; из них самая сильная часть была македонская фаланга—16 000 человек, выстроенная так, как ее организовали Александр и Филипп. Он поставил ее в центре, разделив на 10 частей, по 1600 человек в каждой, и в каждой этой части по фронту было 50 человек, а в глубину—32; на флангах каждой части стояли слоны, всего 22. Вид этой фаланги представлял подобие стены, а слоны—башен. Таково было пешее войско Антиоха; что касается конницы, то с каждой стороны у него стояли галаты, одетые в тяжелое вооружение (катафракты), и так называемая гвардия (агема) македонян. То были отборные всадники и потому и носили такое название. Оба эти отряда, равные по численности, стояли с той и с другой стороны фаланги. Рядом с ними фланги занимали—правый некоторые легковооруженные и другие всадники с серебряными щитами и конные лучники в количестве двухсот; на левом же фланге стояли племена галатов—тектозаги, трокмы, толистобии, некоторые каппадокийцы, которых прислал Ариарат, и смешанные отряды иноземных войск, за ними другая конница в панцырях и еще другая, легковооруженная, которую называли «конницей гетеров». Так Антиох построил свое войско. Кажется, что все свои надежды он возлагал на конницу, которую густыми рядами он поставил по фронту, фалангу же, вопреки всем правилам войны, он поставил скученно, на небольшом пространстве, ту фалангу, на которую он должен был бы особенно надеяться, как на очень обученную военным приемам. Было у него большое число и других пращников и стрелков из Фригии, Ликии, Памфилии, Писидии, Крита, Тралл и Киликии, снаряженных по образцу критян. Кроме этих, еще другие конные лучники, даи (даки?), мизийцы, элимеи и арабы, которые, сидя на очень быстрых верблюдах, очень искусно стреляют сверху вниз, а при близком столкновении пользуются очень длинными и узкими ножами. Колесницы с косами были поставлены между двумя войсками, чтобы начать бой по фронту; и им было сказано после первого же столкновения уходить назад.

33. На вид казалось, стояли два войска: одно, которое должно было начать бой, другое же, находившееся в резерве; каждое из них своей численностью и снаряжением должно было внушать страх. На правом крыле над конницей командовал сам Антиох, на другом крыле—Селевк, сын Антиоха, над фалангой—Филипп, начальник отряда слонов, а над передовыми застрельщиками—Миנדис и Зевксис.

День был тусклый и туманный; таким образом, боевой порядок пропал из поля зрения, а сила выстрелов становилась слабее, как это и естественно во влажном и тусклом воздухе. Когда это заметил Эвмен, то на все остальное он перестал обращать внимание, но, очень боясь удара стоящих против него колесниц, он, собрав всех, какие у него были, пращников, стрелков и других легковооруженных, приказал им налетать на колесницы и поражать коней вместо возниц; ведь если конь в боевой колеснице начнет биться в своей упряжке, то и вся колесница становится бесполезной, да и остальной правильный распорядок сильно нарушается, так как свои же боятся своих кос. Это случилось и тогда. Когда кони подряд были ранены и колесницы понеслись на своих же, то этот беспорядок почувствовали прежде всего на себе верблюды, стоявшие ближе всего

к колесницам, а за ними броненосная конница, которой из-за своей тяжести не легко было избегать кос. Уже произошло большое замешательство и всевозможный беспорядок, начавшиеся прежде всего от этих колесниц и распространившиеся на все пространство между обоими войсками. Люди подозревали большее, чем было на самом деле: как это бывает при таком растянутом фронте, при густоте рядов, при разнообразных криках и великом страхе, узнать точно, что происходит, было не так легко даже для тех, которые находятся рядом с происходящим событием, и страх передавался от одного к другому, все нарастая.

34. Когда первое предприятие Эвмена оказалось удачным и пространство между войсками, поскольку оно было занято верблюдами и колесницами, оказалось свободным, он повел своих всадников и всадников римских и италийских, какие у него были, на стоявших против него галатов, кашпадокийцев и на остальное сборище иноземных войск, громко крича и побуждая идти против людей, неопытных в военном деле и лишенных уже своего передового прикрытия. Его войска охотно следовали за ним, и их удар был настолько тяжел, что они обращают в бегство как их, так и стоявших рядом с ними всадников и катафрактов, уже сильно приведенных в беспорядок колесницами. Последних, которые из-за тяжести своего вооружения не так легко могли бежать или повертываться, они больше всего захватывали и избивали.

Вот что происходило на левом фланге македонской фаланги. На правом же, где стоял сам Антиох, он пробил сплошную фалангу римлян, разделил ее и далеко преследовал.

35. И вот македонская фаланга, поставленная для связи с конницей на узком четырехугольном пространстве, лишившись прикрытия всадников с обеих сторон расступилась, и приняла в себя легковооруженных, сражавшихся еще перед ее рядами, а затем опять сомкнулась. Когда же Домиций легко окружил ее большим количеством всадников и легковооруженных, так как она представляла плотно поставленный четырехугольник, она не могла ни двинуться вперед, ни развернуть своего строя ввиду его большой глубины; поэтому она стала терпеть бедствие. Они досадовали, что не имеют возможности сами воспользоваться своей военной опытностью, а представляют удобную мишень для нападения неприятеля со всех сторон. Однако, выставив со всех четырех сторон целый лес своих сарисс, они вызывали римлян вступить с ними в рукопашный бой и все время делали вид, что хотят напасть. Но они нигде не делали ни шагу вперед, будучи пешими и отягченными своим оружием, а врагов видя всюду на конях, особенно же потому, что боялись нарушить крепость своего строя; перестроиться иначе они бы не успели. Римляне же к ним не приближались и не вступали в рукопашный бой, боясь <опытности> людей, привычных к военному делу, их твердости и отчаянной решимости, но быстро кружась около них, они бросали все время в них дротики и стреляли из луков. И ни один удар их не был напрасным: такой массой стояли они на небольшом пространстве; они не могли ни уклониться от бросаемых в них копий и стрел, ни расступиться перед несущимися на них. Поэтому, неся уже большие потери, они стали поддаваться, так как ничего лучшего они сделать не могли, и стали шаг за шагом отступать, грозно обороняясь, вполне сохраняя порядок и внушая римлянам страх: они ведь и тогда не решались приблизиться к ним, но, атакуя со всех сторон, наносили им потери, пока, наконец, слоны в македонской фаланге не были приведены в беспорядок и перестали слушаться своих вожаков; тогда весь их боевой порядок превратился в нестройное бегство.

36. Домиций, одержав победу здесь, спешно подошел к лагерю Антиоха и захватил охранявших его. Между тем Антиох, преследуя далеко тех

из римской фаланги, против кого он стоял, так как у них не было поставлено для помощи ни всадников, ни легковооруженных (Домиций не подкрепил их никем, считая, что не нужно будет благодаря реке), дошел до римского укрепления. Когда же военный трибун, охранявший лагерь, встретив его свежими силами из охраны лагеря, задержал его стремительность, а бегущие, вновь осмелев благодаря слившимся с ними вспомогательным силам, обратились против врага, Антиох повернул назад, полный гордости, как бы одержав победу, ничего не зная из того, что произошло на другом его фланге. С ним встретился Аттал, брат Эвмена, с большим количеством конницы. Без большого затруднения Антиох их порубил и проехал через их ряды, не обращая внимания, что они, кружась еще около него, наносили ему незначительные потери. Но когда он увидел свое поражение и всю равнину, полную трупами его воинов, людей, коней и слонов, увидел, что его лагерь взят уже штурмом, тогда и Антиох бежал без оглядки и дополуночи прибыл в Сарды. Из Сард он дальше отправился в город Келены, который называют Апамеей: он услышал, что сюда бежал его сын. На следующий день он уехал из Келен в Сирию, оставив в Келенах военачальников, чтобы собирать и принимать бегущих. Он отправил к консулу послов о прекращении войны. Консул был занят похоронами своих, снимал оружие с убитых врагов и собирал пленных. Оказалось у римлян убитых римских всадников 24 и пеших самое большее триста, которых убил Антиох, у Эвмена всего 15 всадников. У Антиоха же, считая спленными, можно думать, потери были до 50 000, так как вследствие большого количества сосчитать их было не так легко. И из его слонов одни были убиты, 15 было взято в плен.

37. Как бывает при победе чересчур блестящей и для некоторых казавшейся невероятной (считалось невозможным одержать такую победу более малочисленному войску над гораздо большим и при этом в чужой земле, и особенно над македонской фалангой, хорошо вымуштрованной и тогда особенно состоящей из отборных людей, имеющей славу непобедимой и страшной), с одной стороны, друзья Антиоха упрекали его за необдуманную поспешность в разрыве отношений с римлянами, за его проявленную с самого начала неопытность и отсутствие ясного плана, за то, что он выпустил из рук Херсонес и Лисимахию со всем оружием и со всеми запасами, прежде чем испытать силы неприятеля, за то, что охрану Гелеспонта он оставил на произвол судьбы, когда сами римляне не надеялись так легко овладеть этим переходом. Упрекали его и за последний его неразумный поступок, за то, что всю силу своего войска сделал бесполезной, поставив в тесном и узком пространстве, и всю свою надежду основал на численности людей, собравшихся со всех сторон, людей, неопытных в военном деле, предпочтя их тем, которые благодаря долгому упражнению стали специалистами военного дела и у которых приобретенная в стольких войнах уверенность возросла до отваги и смелости. Такие мнения высказывались относительно Антиоха. С другой стороны, у римлян возросло самомнение; они считали, что для них нет ничего неисполнимого вследствие их доблести и помощи богов. Ведь действительно, на счет их счастья можно было отнести, что они столь немногочисленные, прямо с похода, в первой же битве, да еще в чужой стране, в один день одержали верх над столькими племенами и таким снаряжением царя, над доблестью наемников и славой македонян, над царем, приобретшим огромное царство к имя «Великого». И для них великая песня славы заключалась в словах: «был да слыл царь Антиох Великий».

38. С такую гордостью хвалились римляне своими победами. Консул, когда к нему вернулся из Элеи его поправившийся брат Публий, допустил на аудиенцию послов Антиоха. Они просили сказать им, что должны сделать

царь Антиох, чтобы стать другом римлянам. Вот что ответил им Публий: «Антиох сам виноват в своих несчастьях, как теперешних, так и прежних, из-за своей жадности. Он имел огромную державу, и римляне не мешали ему ею владеть, но он отнял у Птолемея, своего близкого родственника и друга римлянам, долинную Сирию, и вторгнувшись в Европу, до которой ему не было никакого дела, он завоевал Фракию, укрепил Херсонес, вновь выстраивал Лисимахию; дойдя до самой Эллады, он стал поработать эллинов, недавно с помощью римлян ставших автономными, пока, наконец, он не был побежден в битве при Фермопилах. Бежав оттуда, он даже и при таких обстоятельствах не отрешился от своей жадности, но не раз побежденный на море, когда мы только что перешли Геллеспонт, он хотя просил мирного договора, однако в своей надменности презрительно отнесся к предложенным ему условиям и, собрав вновь огромное войско и заготовив против нас неисчислимое снаряжение, продолжал воевать с нами; принужденный вступить в решительный бой с более сильным противником, он дошел до теперешнего своего тяжелого положения. Следовало бы, чтобы мы наложили на него большее наказание за то, что он не раз заставлял римлян вступать с ним в рукопашный бой. Но мы не станем надменными от удач и не отягчаем несчастья других. Мы предлагаем ему те же условия, которые мы предлагали ему и раньше, прибавив только очень немного, что и для нас будет полезным и что для него на будущее время послужит на пользу в смысле безопасности: он должен отказаться от всей Европы и от Азии по сю сторону Тавра (границы будут установлены впоследствии), должен выдать слонов, сколько у него есть, и кораблей, сколько мы прикажем; в дальнейшем он не должен иметь слонов, а кораблей столько, сколько мы прикажем; должен дать двадцать заложников, каких укажет военачальник, и выплатить за расходы на эту войну, которая произошла по его вине, немедленно пятьсот эвбейских талантов¹⁰, а когда сенат санкционирует этот договор, — еще две тысячи пятьсот, а в течение следующих 12 лет еще двенадцать тысяч, внося в Рим ежегодно соответствующую часть; выдать нам всех пленных и перебежчиков и отдать Эвмену то, что еще остается у него в нарушение договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена. Если Антиох сделает все это без всякого коварства, мы даруем ему и мир и дружбу, когда сенат это санкционирует».

39. Как ни велики были требования, которые предъявил Сципион, послы все их приняли. Немедленно были доставлены деньги и двадцать заложников, в числе которых был Антиох, младший сын Антиоха. Сципионы и Антиох отправились в Рим послов, и сенат согласился с этим решением, и был составлен письменный договор, утверждавший слова Сципиона, устранявший неясности и содержащий некоторые небольшие добавления, а именно, чтобы для Антиоха границей его царства были два мыса Каликадион и Сарпедонион и за эти пределы Антиох не должен был заплыть для ведения войны; тяжелых судов он мог иметь только двенадцать, с которыми он мог вести войну против своих противников, но, подвергшись нападению, он мог пользоваться и большим числом. Он не должен был вербовать наемников из областей, принадлежащих римлянам, и не принимать беглецов из этой страны. Заложники могли меняться каждые три года, кроме сына Антиоха. Составив такой письменный договор и вырезав его на медных досках, они поместили его на Капитолии, где они помещают и другие договоры; копию они послали Манлию Вульсону, приемнику Сципиона по командованию войском. Он принес клятву

¹⁰ Эвбейский талант довольно близок к афинскому, приблизительно, 2250 руб. золотом.

в присутствии послов Антиоха в Апамее во Фригии, а Антиох—в присутствии специально с этой целью посланного к нему военного трибуна Терма.

Таков был для Антиоха Великого конец его войны с римлянами. Было мнение, что договор был заключен в такой форме благодаря признательности Сципиона Антиоху за освобождение его сына.

40. И когда Сципион вернулся, некоторые за это подняли против него клевету, а два народных трибуна обвинили его в продажности и измене. Он с презрением отнесся к этому обвинению, как недостойному его. Когда собрался суд в тот день, когда много лет тому назад¹¹ он покорил Карфаген, он послал заранее жертвенных животных на Капитолий, а сам явился на суд в торжественном одеянии вместо жалкого, вызывающего сострадание, какое надевали подсудимые; этим все были поражены и почувствовали расположение к человеку столь великому духом в сознании собственного достоинства. И, начав говорить, он ни слова не сказал об обвинении, но изложил всю свою жизнь, весь свой образ действий и все свои дела, сколько он провел войн в защиту родины и как он окончил каждую войну, сколько раз он был победителем. Вследствие торжественности тона его рассказа слушателей охватило чувство удовольствия. Когда же он дошел до рассказа о Карфагене, представив, как живые, особенно события этой войны, и, сам воодушевившись и воодушевив собрание, он сказал: «в этот день я тогда одержал такую победу и дал вам, граждане, в ваши руки Карфаген, бывший вам до тех пор столь страшным. Так вот я ухожу в Капитолий принести богам благодарственную жертву за тот день. И из вас те, которые любят свой город, присоединитесь ко мне для принесения этой жертвы, совершаемой за ваше благополучие». Так он сказал и быстро двинулся на Капитолий, не обращая никакого внимания на судебный процесс. За ним последовала вся толпа и большинство судей с кликами пожелания ему счастья, а когда он приносил жертву, раздавались в его честь те же восклицания. Обвинители остались в недоумении; они не решались вторично поднять против него процесс, как неоконченный тогда, ни упрекнуть его в заискивании перед народом, зная, что его жизнь выше всякого подозрения и клеветы¹².

41. Так презрительно отнесся Сципион к этому обвинению, недостойному его жизненного пути. Он поступил, мне кажется, мудрее, чем Аристид, обвиненный в хищении, или Сократ в связи с предъявленным ему обвинением. Они оба не сказали ничего, подвергаясь подобному поношению (может быть Сократ и сказал то, что приписывал ему Платон); в его поведении было и больше душевного величия, чем у Эпаминонда, который был беотархом вместе с Пелопидом и еще одним. Фивяне послали их, давши каждому из них войско, идти на помощь аркадянам и мессенянам, на которых пошли войной лакедемоняне; когда они еще не совершили того, что задумали, фивяне отзывали их на основании клеветнического доноса. Они в продолжение шести месяцев не передавали власти своим преемникам, пока не захватили укрепления лакедемонян, и вновь не поставили там другие, аркадские гарнизоны; к этому понуждал своих сотоварищей по командованию Эпаминонд и брал на себя ответственность, что это дело для них пройдет безнаказанно. Когда же по их возвращении обвинители, обвиняя каждого в отдельности, приговаривали к смерти (закон наказывал смертью всякого, кто насильственно продолжает исполнять обязанности, переданные уже другим), то двое других защищались

¹¹ С тех пор прошло 45 лет.

¹² Об этом и последующем процессе, где в защиту Сципиона выступил Гракх, рассказывает Ливий (38,52—53).

в длинных речах, вызвав к себе сожаление и перелагая всю вину на Эпаминонда, предложившего им так говорить и подтвердившего собственным свидетельством их слова. Судимый последним, он сказал: «Я согласен, что это время я сохранил власть противозаконно, и тех, кого вы теперь оправдали, я к этому принудил. Преступив закон, я не буду просить не подвергать меня смерти. Я только прошу вас за все то, что я сделал в своей предшествующей жизни, сделать такую надпись над моей могилой: «Это могила того, кто победил при Левктрах, кто сограждан, неспособных устоять при одном виде врагов, даже если б то был иноземец, надевший лаконскую шляпу, привел до ворот самой Спарты. Он казнен отечеством, преступив законы во имя пользы отечества». С этими словами он сошел с ораторской трибуны и передал себя в руки тех, которые захотели бы вести его на казнь. Судьи, почутив укор себе в его речи, удивление к такой защите и стыд перед так оправдывающимся мужем, отказались собирать голоса и бежали из судилища.

42. По этому поводу, если кто хочет, может провести между ними параллель¹³. Между тем Манлий, преемник Сципиона, пройдя по отнятой у Антиоха земле, стал устанавливать там порядок. Из числа галатов, бывших союзниками Антиоха, толстобои бежали на Олимп в Мизии; с трудом поднявшись на гору, он обратил их в бегство, нанеся поражение, пока не избил и не сбросил со скал такое количество, что из-за их множества нельзя было установить их числа; в плен он взял до 40 000; их оружие он сжег, их самих же, не имея возможности вести за собой во время военных действий такое огромное количество, он продал соседним варварам. В стране тектосагов и трокмов он очутился в опасном положении, попав в засаду, и должен был бежать. Вернувшись, он напал на них, когда они стояли лагерем в открытом поле густой массой, столпившейся вследствие своей многочисленности; он окружил их своими легковооруженными и, объезжая кругом, приказывал пускать в них копыта и стрелы, но не вступать в рукопашный бой и не приближаться к ним. Так как ни один удар не был напрасным ввиду густоты строя врагов, то он убил восемь тысяч врагов, а остальных преследовал до реки Галиса. Ариарат, царь Каппадокии, который тоже посылал вспомогательные войска Антиоху, в страхе прибег к просьбам и свои просьбы сопровождал посылкой двухсот талантов; поэтому Манлий не вторгся в его страну, но вернулся к Гелеспонту с огромными сокровищами, несчетным количеством денег и очень большой добычей. Войско несло с собой очень большое достояние.

43. До сих пор Манлий действовал благополучно. Но затем его действия стали совершенно безрассудными; он не воспользовался летним временем для плавания, не принял во внимание тяжести того, что он вез с собою, ничто не заставило его приучить войско к перенесению трудов или упражнять его в переходах, как направляющееся не на войну, но возвращающееся к себе домой с добычей; он пошел через Фракию по длинной, трудно проходимой и узкой дороге, в пору крайней жары, не поспев вперед в Македонию к Филиппу с просьбой встретить его, чтобы его проводить; не разделил он войска на много частей, чтобы было легче идти и удобнее было приобретать продовольствие, а выючных животных не выстроил растянутым отрядом, чтобы легче было их охранять. Но он вел все войско вместе одной длинной линией, выючных животных имел в середине, так что ни передние отряды не могли им помочь, ни задние быстро подойти из-за длины строя и узости дороги. Поэтому, когда фра-

¹³ Нет ли тут намек (может быть, несколько иронического) на Плутарха с его параллельными биографиями? Такую же параллель Аппиан дает во второй книге «Гражданских войн» между Цезарем и Александром.

кийцы всюду нападали на него справа и слева, то он потерял большую часть добычи и государственных денег, а также и самого войска. С оставшимися в живых он спасся в Македонии. В этом случае особенно стало ясным, какую пользу принес Филипп, проведя Сципионов через Фракию, какую ошибку сделал Антиох, оставив Херсонес. Манлий из Македонии перешел в Фессалию, а из Фессалии в Эпир и отсюда переправился в Брундузиум. Распустив оставшееся войско по домам, он вернулся в Рим.

44. Родосцы и Эвмен, царь Пергама, тоже высоко ценили свою помощь римлянам в войне против Антиоха. Поэтому Эвмен сам прибыл в Рим, родосцы же отправили послов. Сенат дал родосцам Ликию и Карию, которые он вскоре отобрал у них, так как их симпатии, когда римляне воевали с Персеем, царем Македонии, были более на стороне Персея, чем римлян; Эвмену же они предоставили все остальное, что они отняли у Антиоха, кроме эллинов, находившихся в тех местах. Из них тем, которые платили подати Атталу, отцу Эвмена, римляне приказали вносить их Эвмену, а тех, которые впервые платили их Антиоху, они освободили от податей и предоставили им автономию.

45. Так римляне распределили то, что они приобрели силой оружия. Когда немного спустя умер царь Антиох Великий, преемником ему стал его сын Селевк. Он высвободил своего брата Антиоха от римлян, у которых он был заложником, вместо него дав своего сына Деметрия. Когда Антиох возвращался из своего заложничества и был еще около Афин, Селевк был убит по тайному умыслу неким Гелиодором из числа придворных. Этого Гелиодора, хотевшего захватить власть, Эвмен и Аттал изгоняют и возводят на престол Антиоха, желая быть его друзьями: из-за кое-каких недоразумений и они уже стали косо смотреть на римлян. Так Антиох, сын Антиоха Великого, получил власть над Сирией, у сирийцев он получил прозвище «Эпифан» («с славой явленный»), потому что в глазах подданных он был законный государь той власти, которая была отнята у него чужими. Установив дружбу и союз с Эвменом, он твердо правил Сирией и племенами, лежащими около нее, имея своим наместником в Вавилоне Тимарха, а наблюдающим за своими доходами Гераклида; это были два брата, и оба были его любимцами. Ходил он походом и против армянского царя Артаксия. Немного времени спустя, как он победил его, он умер.

46. Антиох оставил девятилетнего сына Антиоха, которому сирийцы дали имя Эвпатора за высокие достоинства его отца. Воспитателем мальчика был Лисий. Сенат был доволен, что этот новоявленный воинственный Антиох так скоро умер, Деметрия же, который был сыном Селевка, племянником Антиоха Эпифана и внуком Антиоха Великого, бывшего ближайшим родственником этому мальчику, находившегося все еще заложником в Риме, 23 лет от роду, просившегося уехать в свое царство, на которое он имел, по его словам, наибольшее право, сенат не отпустил, считая невыгодным для римлян, чтобы правил Сирией зрелый, в расцвете сил человек вместо еще незрелого мальчика. Услыхав, что в Сирии есть целый отряд слонов, и кораблей больше, чем это было установлено для Антиоха, они отправили послов, которые должны были слонов убить, а корабли сжечь. Грустное зрелище представляло избиевание ручных и редких животных и сожжение кораблей. Некий Лептин в Лаодикее, не выдержав этого зрелища, убил Гнея Октавия, главу этого посольства, когда он умачался в гимнасии. Лисий устроил похороны Октавию.

47. В это время вторично Деметрий обратился в сенат с просьбой по крайней мере не считать его больше заложником, так как ведь он был дан вместо Антиоха, а Антиох умер. Но не добившись даже этого, он гайно отплыл, сирийцы радостно приняли его, и он, вступив на престол, по-

губил Лисия и мальчика, изгнал Гераклида, а Тимарха, восставшего против него, уничтожил, так как Тимарх вообще плохо управлял Вавилоном; поэтому Деметрий, по почину вавилонян, был назван Сотером («Спасителем»). Укрепившись на престоле, Деметрий послал римлянам в знак благодарности за обращение с ним во время его заложничества золотой веноч, ценою в 10 000 золотых, и Лептина, убийцу Октавия. Римляне веноч приняли, Лептина же не взяли, конечно, как бы сохраняя для подходящего случая это обвинение против сирийцев. Деметрий же сверг также с престола Каппадокии Ариарата и вместо него за 1000 талантов возвел на престол Олоферна, считавшегося братом Ариарата. Но римляне решили, чтобы Ариарат и Олоферн, как братья, царствовали вместе.

48. Немного позже, когда оба они, а за ними и Ариобарзан были изгнаны Митридатом, царем Понта, по этой причине и по многим другим стала завязываться война с Митридатом, самая большая и самая разнообразная, по участвовавшим в ней племенам, затянувшаяся по меньшей мере на 40 лет. За это время у сирийцев было много весьма кратковременных правителей из царского рода, было много перемен и дворцовых переворотов. Парфяне, уже раньше отпавшие от царства Селевкидов, отняли для себя Месопотамию, которая была подчинена Селевкидам. И царь Армении Тигран, сын Тиграна, завоевав много соседних племен, имевших своих собственных династов, стал поэтому называться царем царей. Он пошел войной на Селевкидов, не желавших признавать его главенства. Так как Антиох Благочестивый не мог ему противиться, то Тигран захватил власть над Сирией вдоль по Евфрату, все сирийские племена до границ Египта. Вместе с этим он завладел и Киликией (и она была подчинена у Селевкидов). И в течение 14 лет управлял этими странами назначенный им его полководец Магадат.

49. Когда римский полководец Лукулл преследовал Митридата, бежавшего к Тиграну, то Магадат пошел с войском на помощь Тиграну; в это время Антиох, сын Антиоха Благочестивого, проскользнул в Сирию, и сирийцы охотно приняли его царем. Лукулл, сначала окончив войну с Тиграном и изгнав его из завоеванных им областей, не отказал Антиоху в праве владеть наследственным царством; Помпей же, который после Лукулла уничтожил Митридата, разрешил Тиграну царствовать в Армении, а Антиоха изгнал из сирийского царства, хотя он не совершил никакого проступка против римлян, на самом же деле потому, что ему, имеющему войско, было легко захватить большое, но невооруженное царство; а на словах говорилось, что так как Селевкиды были изгнаны Тиграном, то нет никакого основания, чтобы они правили Сирией по большему праву, чем римляне, победители Тиграна.

50. Таким образом, без боя римляне приобрели Киликию и Сирию, как срединную так и долинную, Финикию и Палестину, и все другие сирийские племена от Евфрата до Египта и до моря. Один только иудейский народ сопротивлялся; Помпей победил его силою оружия и их царя Ариобула послал в Рим и самый большой город у них и самый священный, Иерусалим, разрушил, срыв его стены, так же как и Птолемей, первый царь Египта; вновь отстроенный город вновь разрушил Веспасиан и еще раз в мое время Адриан. Поэтому всем иудеям приходится платить поголовную подать, более тяжелую, чем со всего их имущества (περιουσίας)*. И сирийцам, и киликийцам приходится платить ежегодный налог, одну сотую с оценки имущества у каждого. Из всех этих племен, бывших под властью Селевкидов, Помпей одним... поставил их наследственных царей или правителей, так, например, у галатов в Азии

* Конъектура Мусгрависа и Беккера: περιουσίας—«чем окружающее население».

он утвердил для четырех династов, воевавших в союзе с ним против Митридата, их тетрархии. Но немного времени спустя, главным образом при кесаре Августе, и эти страны по частям перешли в руки римлян.

51. Помпей немедленно передал управление Сирией Скавру, бывшему в этой войне его квестором; после Скавра сенат назначил на эту должность Марция Филиппа, а после Филиппа Лентула Марцеллина, обоих в ранге преторов. Двухлетний срок управления того и другого прошел в том, что они защищались от соседних арабов, причинявших им беспокойство. Ради этого на дальнейшее время правителями в Сирию назначались лица, которые в городе уже выполнили должность консулов, чтобы они имели право на производство набора и ведение войны, как и консулы. И первым из них был послан с войском Габиний. Когда он собирался двинуться походом (на арабов), Митридат, парфянский царь, лишенный власти своим братом Ородом, стал побуждать его идти походом не на арабов, а на парфян; с другой стороны, Птолемей, одиннадцатый царь Египта, тоже изгнанный из своего царства, убедил его крупными денежными подарками вместо парфян двинуться на Александрию. И Габиний вернул престол Птолемею, вступив в войну с александрийцами, но римским сенатом он был присужден к изгнанию за то, что без постановления сената напал на Египет, начав войну, которая для римлян считалась роковой: было некое сивиллино предсказание, запрещавшее им эту войну. После Габиния, как мне кажется, управлял Сирией Красс, с которым во время его войны с парфянами произошло известное великое несчастье. При Люции Бибуле, после Красса управлявшем Сирией, на Сирию напали парфяне. Когда после Бибула в Сирии был проконсулом Саса, парфяне дошли до Ионии, так как римляне были заняты у себя междоусобной войной.

Но об этом я расскажу подробно в книге¹⁴ о Парфии.

52. А так как эта книга посвящена Сирии, мы рассказали о том, как римляне захватили Сирию и привели ее в современное состояние; но будет вполне уместно просмотреть эпоху македонян, которые еще до римлян правили Сирией.

После персов царем Сирии был Александр, который был царем всего, что он видел. Когда Александр умер, один у него был сын совсем маленьким, а другой еще не родился. Македоняне, вследствие своей горячей любви к дому Филиппа, выбрали себе царем брата Александра, Аридея, хотя он считался не в полном уме, переименовав его вместо Аридея в Филиппа; они воспитывали и детей Александра (они охранили и его беременную жену), друзья же Александра разделили завоеванные народы на сатрапии, причем этот раздел производил от имени царя Филиппа Пердикка. Немного спустя цари умерли¹⁵, и тогда сатрапы стали царями. Первым сатрапом Сирии был Лаомедонт из Митилены при содействии Пердикки, а потом при помощи Антипатра, который после Пердикки был опекуном царей. Приплыв к Лаомедонту, Птолемей, сатрап Египта, стал убеждать его за большую сумму денег уступить ему Сирию, являющуюся передовым укреплением Египта и удобным местом для нападения на Кипр. Так как Лаомедонт на это не соглашался, Птолемей его арестует. Но Лаомедонт, подкупив сторожей, бежал в Карию к Алкету. Некоторое время Птолемей утверждал свою власть в Сирии, а затем, поставив по городам гарнизоны, он отплыл в Египет.

53. Сатрапом Фригии, Ликии и Памфилии был Антигон, оставленный наблюдателем за всей Азией, когда Антипатр переправился в Европу.

¹⁴ У Аппиана такой книги нет.

¹⁵ См. главу 54.

Он стал осаждать Эвмена, сатрапа Каппадокии, так как македоняне постановили считать его врагом. Эвмен бежал от него и захватил для себя власть над Мидией. Но Антигон, захватив Эвмена, его убивает. Возвращаясь, он был блестяще принят Селевком, наместником Вавилона. Так как Селевк оскорбил одного из его военачальников и не сообщил об этом находящемуся у него Антигону, то Антигон, обидевшись, стал требовать отчета в деньгах и имуществе. Будучи слабее Антигона, Селевк ушел к Птолемею в Египет. Тотчас после бегства Селевка Антигон лишил власти Блитора, управителя Месопотамии, за то, что он дозволил уйти Селевку, и подчинил своей собственной власти Вавилонию, Месопотамию и все другие племена, которые идут от пределов Мидии до Геллеспонта, тем более, что Антипатр уже умер. Став владыкой столь огромных земель, он тотчас вызвал к себе зависть со стороны других сатрапов. Это была главная причина, почему на призыв Селевка о помощи соединились Птолемей, Лисимах, сатрап Фракии, и Кассандр, сын Антипатра, после отца ставший вождем македонян. И они все вместе послали к Антигону послов требовать, чтобы вновь приобретенную им землю и деньги он поделил с ними и с другими македонянами, которые были изгнаны из своих владений. Когда Антигон высмеял их, они решили сообща вести войну, а Антигон в свою очередь стал приготавливаться; он изгнал те гарнизоны Птолемея, которые еще стояли у него в Сирии, и то, что еще от Финикии и Келесирии осталось под властью Птолемея, он все взял себе.

54. Удаляясь через Киликийские ворота, он оставляет своего сына Деметрия, приблизительно 22 лет, в Газе с войском, чтобы отражать удары Птолемея со стороны Египта. Птолемею блестяще победил его в битве при Газе, так что юноше пришлось удалиться к отцу. Тотчас же Птолемею отправляет Селевка в Вавилон, чтобы он взял власть в свои руки. И с этою целью он далему тысячу пехотинцев и 300 всадников. И со столь незначительным отрядом Селевк захватил Вавилонию, так как население радостно принимало его; прошло немного времени—и свое царство он намного увеличил. Между тем Антигон теснил Птолемея и в знаменитой морской битве около Кипра одержал блестящую победу; главнокомандующим в этом сражении был его сын Деметрий. При таком блестящем положении дел войско провозгласило их обоих—Антигона и Деметрия—царями, тем более, что цари: Филипп, Аридей, Олимпиада и сыновья Александра были уже мертвы. И Птолемея его собственное войско провозгласило царем, чтобы, вследствие поражения, он ни в чем не был унижен сравнительно со своими победителями. Так удалось им обоим одновременно добиться одного и того же, но по разным причинам; за ними тотчас последовали и другие, и все из сатрапов стали царями.

55. Вот как и Селевк стал царем Вавилонии. Он стал царем и Мидии, убив собственноручно в битве Никанора, оставленного Антигоном сатрапом Мидии. Он провел много войн и против македонян и против варваров; из них две самые большие он провел против македонян: одну, более позднюю,—с Лизимахом, царем Фракии, другую, раньше,—у Ипса во Фригии, с Антигоном, который сам командовал и сам лично сражался, хотя ему было за 80 лет. Когда Антигон пал в этой битве, то те цари, которые вместе с Селевком уничтожили Антигона, поделили между собою его землю. И тогда-то Селевк по жребию получил под свою власть Сирию, прилегающую к Евфрату и до самого моря, и внутреннюю Фригию. Постоянно устраивая ловушки соседним народам, способный и силой заставить их подчиниться и уговорить убедительными речами, он захватил власть над Месопотамией, Арменией и Каппадокией, называемой Селевкидой, над Персией, Парфией и Бактрией, над арабами и тапирами, над Согдианой, Арахозией и Гирканией, и над всеми другими соседними племенами.

нами до реки Инда, которые силою оружия были завоеваны Александром, так что границы его царства в Азии достигли наибольших после Александра размеров; ведь от Фригии вплоть до реки Инда все было под властью Селевка. Кроме того, перейдя реку Инд, он воевал с царем живущих по берегу этой реки индийцев, Андрокоттом, пока не заключил с ним дружбы и брачного союза. И часть этих деяний он совершил до смерти Антигона, другую после его смерти.

56. Рассказывают о нем, что, когда он был еще при царе Александре солдатом и пошел за ним против персов, было ему вещание в храме Аполлона Дидимейского на его вопрос о возвращении в Македонию:

«Мысль о Европе ты брось: тебе Азия много счастливей!»

И в Македонии у него на родном очаге, хотя к нему никто не прикасался, загорелся большой огонь. Его мать видела сон, чтобы тот перстень, который она найдет, она дала носить Селевку и что он будет царствовать там, где этот перстень упадет с его пальца. И она действительно нашла якорь, вырезанный на железе, а Селевк потерял эту свою печать на Евфрате¹⁶. Говорят, что позднее, уходя в Вавилонию, он зацепился за камень, и, когда этот камень был выкопан, увидели якорь. Когда гадатели были смущены этим знаком остановки, Птолемей, сын Лага, ехавший вместе с ним, сказал, что якорь есть знак безопасности, а не остановки. Поэтому-то у Селевка, когда он стал царем, на печати был знак якоря. Некоторые думают, что еще при жизни Александра и на его глазах Селевку было другое подобное предзнаменование будущей власти. Когда Александр возвращался в Вавилон из Индии и в самой Вавилонии плыл по болотам, выясняя, может ли Евфрат орошать ассирийскую землю, поднялся сильный ветер и сорвал с его головы диадему; она унеслась и повисла на тростниках на могиле какого-то древнего царя. Это было знамение близкой кончины царя; какой-то моряк, бросившись в воду, положил эту диадему себе на голову и, не замочив ее, доставил Александру. И тотчас же от царя за усердие получил в подарок талант серебра. Когда же гадатели настойчиво требовали, чтобы он был казнен, то одни историки говорят, что Александр послушался их, другие же, что он возражал против этого. Но некоторые ничего не упоминают из этого, а говорят, что вовсе не моряк, но Селевк поплыл за диадемой Александра и что Селевк положил ее себе на голову, чтобы ее не замочить. Как ни как, оба знамения, в конце концов, исполнились над обоими: Александр окончил свою жизнь в Вавилоне, а из преемников Александра—Селевк воцарился над наибольшей частью его земель.

57. Вот что узнал я относительно ранних предсказаний Селевку. Тотчас после смерти Александра он становится вождем конницы гетеров, которой при жизни Александра командовал Гефестион, а после Гефестиона Пердикка. После этого командования конницей он был назначен наместником Вавилонии, а после наместничества стал царем. Так как в военных делах он был очень счастлив, он получил прозвище Никатора (победителя). Я склоняюсь более к этому объяснению его прозвища, чем к тому, что дано оно ему за убийство Никанора. Телом он был крепок и велик; рассказывают, что при одном жертвоприношении Александром дикого быка, как-то вырвавшегося из пут, он один задержал и голыми руками поверг его на землю; в воспоминание этого на его статуях всегда изображаются рога. По всему пространству своего огромного царства он выстроил много городов: так, в честь своего отца он выстроил 16 Антиохий, пять Лаодикей в честь своей матери,—девять носящих его собственное имя, четыре—в честь своих жен, три Апамеи и одну Стратонику. Из них

¹⁶ Ср. рассказ о перстне у Юстина (15,4).

самыми знаменитыми даже теперь являются Селевкии, одна у моря, другая на реке Тигре, Лаодикея в Финикии, Антиохия под горой Ливаном и Апамея в Сирии. Другим городам он дал имена или по именам городов Эллады или Македонии, или по каким-то либо своим деяниям, или же в честь царя Александра. Поэтому в Сирии и у варваров за Сирией внутри материка есть много имен городов эллинских и македонских—Берейя, Эдесса, Перинф, Маронея, Каллиполис, Ахайя, Пелла, Ороп, Амфиполь, Арегуса, Астак, Тегея, Халкида, Лариса, Герейя, Аполлония, а в области парфян—Сотира, Каллиопа, Харита, Гекатомпил, Ахея, у индов—Александрополь, у скифов—Александрехата (Александрия крайняя). А в честь побед самого Селевка есть Никефорий в Месопотамии и Никополь в Армении, там, где она ближе всего подходит к Каппадокии.

58. Говорят, когда он строил себе Селевкии, то для Селевкии у моря он руководился небесным знамением в виде молнии, и поэтому он дал им богом молнию. При постройке же Селевкии на Тигре маги получили приказ выбрать день и час дня, когда нужно было приступить к копанию фундаментов. Но маги обманно назвали час, не желая, чтобы такое укрепление было рядом с ними. Селевк в своей палатке ожидал указанного часа, а войско, готовое к работе, сидело, спокойно ожидая, пока Селевк даст знак. Вдруг—в действительно судьбой назначенный час—им показалось, что кто-то дал знак; они быстро бросились к работе, так что, даже когда глашатаи хотели их сдержать, они не остановились. Работа шла уже полным ходом, когда Селевк, бывший не в духе, вновь спросил магов о времени постройки города. Тогда маги, заранее прося прощения, сказали: «О царь! назначенной судьбы, будет ли она плоха или хороша, невозможно избежать ни человеку, ни городу. Есть некая судьба и у городов, как и у людей. Богам было угодно, чтобы этот город просуществовал многие, многие годы, начиная с того часа, когда он заложен. Боясь же, что это укрепление будет нам во вред, мы пытались изменить назначенную ему судьбу. Но она оказалась сильнее и коварства магов и незнания царя относительно этого. Поэтому божество дало приказ войску во благовремение. А чтобы ты не подозревал, что и теперь мы устраиваем какой-либо обман, ты можешь это сообразить из следующего: ведь ты сам, царь, был здесь при войске, и сам дал приказание ожидать твоего знака. И это самое войско, которое было тебе так послушно в трудах и опасностях, не приняло твоего распоряжения отдыхать, но быстро вскочило, и не частями, а все вместе со своими руководителями, и считало, что получило такой приказ. И действительно им было приказано. Поэтому они не слушались уже, когда ты их удерживал. А что другое является для людей сильнее царя, как не божество? Оно победило твое решение и руководило тобою при постройке этого города помимо нас, враждебное нам и всему окружающему народу. Ведь как может быть наше положение прочным, если рядом с нами селится более могущественное племя? Этот город родился для тебя при счастливой судьбе, он будет возрастать и будет жить много веков. Ты же подтверди прощение нам, старавшимся обмануть тебя из-за страха потери нашего отечественного блага». Вот что сказали маги. Царь был рад и простил их.

59. Вот что я узнал о постройке Селевкии. Своего сына Антиоха еще при своей жизни Селевк объявил царем внутренних земель вместо себя. И если кому-либо уже это кажется великодушным и царственным поступком, то еще более великодушно и мудро отнесся он к любви своего сына и к его сдержанности в своей страсти. Антиох был влюблен в Стратонику, жену самого Селевка, бывшую ему мачехой и уже родившую Селевку сына. Но, сознавая недопустимость такой страсти, он не покусился на

злое дело и вида не подал, но он захворал, запустил болезнь и добровольно готовился умереть. Не раз знаменитый врач Эрасистрат¹⁷, бывший при Селевке на огромном жаловании, хотел определить его страдание. Выяснив, что тело его не затронуто никакой болезнью, он предположил у него душевную болезнь; ведь когда душа здорова или больна, то этому соответствует и состояние тела; далее, огорчения, гнев и другие желания обыкновенно высказываются, но любовь люди разумные скрывают. Антиох на его настойчивые расспросы наедине ничего не говорил; тогда он сел около него и наблюдал по изменениям его тела, как он относится к каждому из проходящих к нему. И вот он обнаружил, что при посещении всех остальных его тело оставалось спокойным и вялым; но всякий раз, как входила Стратоника, чтобы повидать его, то он душевно терзался стыдом и укорами совести и молчал, но тело становилось, помимо воли, горячим и полным жизни, а когда она уходила—вновь слабело. Тогда врач сказал Селевку, что его сын неизлечим. Царь впал в страшное горе и стал громко кричать; тогда врач сказал: «Его болезнь—любовь, и любовь к женщине, но невозможно ее удовлетворить».

60. Селевк удивился, неужели Селевк, царь Азии, не может кого угодно убедить вступить в брак с подобным юношей, при помощи просьб, денег, подарков, ценою целого царства, которое перейдет к больному царю, но которое может быть подарено и теперь взамен его спасения, если уже кто-либо этого хочет. Он только хотел узнать, что это за женщина. Тогда Эрасистрат сказал: «Он влюбился в мою жену». На это Селевк воскликнул: «Как, дорогой мой, ты, который встречаешь с нашей стороны так много дружбы и расположения, а по достоинству души и мудрости имеешь мало равных себе, неужели ты не спасешь мне юношу и царевича, сына и друга и царя, который так несчастен и так сдержан, скрывая свое горе и предпочитая для себя смерть? Неужели ты настолько отнесешься бессердечно к Антиоху, а вместе с тем и к Селевку?» Он, же, возражая ему, привел как бы неопровержимый довод: «Но ведь и ты, хотя ты отец, если бы Антиох влюбился в твою жену, ты бы не отдал ему жены?». Тут Селевк поклялся всеми царскими богами, что воистину он охотно и радостно отдал бы ее ему и был бы прекрасным примером доброты отца по отношению к сыну разумному, сдержанному в постигшей беде и не заслужившему такого несчастья. Выказав много таких слов, он начал горевать, что он сам не может быть врачом для себя в несчастье, но что и в этом случае он должен обращаться за помощью к Эрасистрату.

61. Когда Эрасистрат увидел возбуждение царя, обнаруживающее истинное настроение, а не притворство, он открыл ему страдание сына и как скрытно он подошел, чтобы его открыть. Селевк обрадовался, но для него было трудным делом убедить своего сына, а затем с таким же трудом и свою жену. Когда он их убедил, он собрал свое войско, которое уже подозревало кое-что, и прежде всего изложил перед ними все свои дела, указал, что его царство из владений преемников Александра является наибольшим по пространству, что поэтому ему, стареющему, трудно уже из-за его величины им управлять. «Я хочу,—сказал он,—разделить эту величину для вашего же будущего благополучия и часть ее уже сейчас отдать моим самым любимым существам. Будет справедливо, если вы во всем будете мне помогать, вы, которые после Александра мною вознесены на такую высоту власти и могущества. А самыми любимыми для меня и достойными власти являются из всех моих детей старший сын и жена. У них, так как они молоды, могут быть скоро и

¹⁷ Сын дочери Аристотеля, ученик врача Александра, Хрисиппа.

дети, и для вас будет больше хранителей вашего государства. Поэтому на ваших глазах я сочетаю их между собою и посылаю быть царями народов, находящихся в глубине страны. Этим я не ввожу у вас никаких персидских обычаев или обычаев других народов, но скорее я устанавливаю следующий общий для всех закон: «всегда справедливо то, что поставлено царем». Так он сказал, и войско воздало ему хвалу как величайшему после Александра царю и как лучшему отцу. Затем, дав Стратонику и сыну такие же поучения, он сочетал их браком и отправил в их царство, совершив дело, более достойное славы и обличающее в нем больше силы, чем все, что он совершил на войне.

62. Под властью его было 72 сатрапии—над столь огромным пространством земли царствовал он. Передав большую часть их своему сыну, сам он правил землями только от моря до Евфрата. Последнюю войну пришлось ему вести с Лисимахом из-за Фригии у Геллеспонта; он победил Лисимаха, который пал в этом сражении, и переправился через Геллеспонт. Но при возвращении в Лисимахию он был убит. Убил его всюду сопровождавший его Птолемей, которому дано прозвище Керавн. Этот Керавн был сыном Птолемея Сотера и Эвридики, дочери Антипатра. Он бежал из Египта из-за страха, что Птолемей хочет отдать престол младшему сыну. Селевк принял его как несчастного сына своего старого друга, покровительствовал ему и всюду возил его с собой—своего будущего убийцу.

63. Так умер Селевк, прожив 73 года, из которых 42 он был царем. И мне кажется, что также и в этом исполнилось приведенное выше пророчество ему: «Мысль о Европе ты брось: тебе Азия много счастливей».

Ведь Лисимахия находится в Европе, и тогда впервые, после того как он ушел в поход с Александром, он переправился в Европу. Говорят, что, когда он как-то обратился за предсказанием о своей смерти, ему было дано вещание: «Будешь Аргос избегать, до назначенных лет доживешь ты. В Аргос приблизившись, ты против воли рока погибнешь».

Поэтому Аргос в Пелопоннесе и Аргос в Амфилохии, и Аргос в Орестии (откуда родом македоняне Аргеады) и так называемый Аргос, выстроенный у Ионийского моря Диомедом во время его блужданий, и любое другое место, носившее название Аргос, Селевк разыскивал и остерегался <туда попадать>. Но когда от Геллеспонта он шел к Лисимахии, то на глаза ему попался большой, стоящий совершенно открыто алтарь. Он разузнал, что поставили его то ли аргонавты, плывшие в Колхиду, или ахейцы, шедшие походом на Илион, и поэтому окрестные жители называют этот жертвенник Аргосом, то ли по имени корабля <аргонавтов>, исказив несколько его имя, или от имени родины Атридов,—когда он еще это слушал, он получил смертельный удар: Птолемей поразил его сзади. Филетер, правитель Пергама, сжег Селевка, за большие деньги выпросив его тело от Керавна, а его останки он послал его сыну Антиоху. Он похоронил их в Селевкии у моря и воздвиг в его честь храм и священный участок, и этот участок называется Никаторием.

64. Относительно Лисимаха я узнал, что он был в числе личной стражи Александра. Как-то он на большое пространство бежал рядом с царем; устав, он схватился за хвост царского коня; он продолжал бежать, хотя он концом царского копья получил удар в лоб в кровеносную жилу и потерял много крови. За отсутствием повязки Александр перевязал его рану своей диадемой, и диадема сейчас же вся стала в крови. Предсказатель Александра Аристандр, когда Лисимаха несли в таком виде, предсказал, что этот человек будет царем, но царствовать будет с большими трудностями. И действительно, Лисимах поцарствовал не меньше 10 лет, считая те годы, когда он был сатрапом, но царствовал с большими

трудностями¹⁸. Будучи 70-летним стариком, он сам командовал войском и, сражаясь, был убит. Вскоре после него был убит и Селевк. Лежащий на земле труп Лисимаха его домашний пес долгое время охранял неприкосновенным от птиц и диких зверей, пока Торак из Фарсала не нашел и не похоронил его. Другие же рассказывают, что его похоронил Александр, родной сын Лисимаха, бежавший к Селевку вследствие страха, когда Лисимах убил другого своего сына Агафокла; он разыскал тогда его тело, найдя его главным образом благодаря псу, хотя оно уже разложилось. Его кости родные Лисимаха, говорят, положили в своем храме, и этот храм был назван Лисимахием.

Таков был конец каждого из этих царей, очень храбрых и бывших большого роста; одному было 70 лет, другой был старше на три года, но до самой смерти они сражались собственной рукой.

65. Когда умер Селевк, его преемниками—причем власть над Сирией переходила от отца к сыну—были следующие: первым был вышеназванный Антиох, влюбленный в свою мачеху; он получил прозвище «Сотер» («спаситель»), так как изгнал галатов, вторгнувшихся из Европы в Азию; за ним шел второй—Антиох, родившийся от этого брака, которому жителями Милета впервые было дано имя «Теос» («бог») за то, что он уничтожил у них тирана Тимарха. Но этого бога жена погубила ядом. Он имел жен—Лаодику и Веренику, по любви и по обручению... дочь Птолемея Филадельфа. Лаодика убила его, а за ним и Веренику и ее маленького ребенка. Как мститель за это Птолемей, сын Филадельфа, убил Лаодику, вторгся в Сирию и дошел до Вавилона. И парфяне начали тогда свое отпадение, так как царский дом Селевков находился в таком неустойчивом состоянии.

66. После Теоса царем Сирии был Селевк, сын «бога» и Лаодики, которому было прозвище Каллиник. За Селевком следовали один за другим два его сына по старшинству лет, Селевк и Антиох. Селевк был больной, немощный и не умевший держать в повиновении свое войско. Его приближенные устроили против него заговор и отравили его; царствовал он всего два года. Его брат—тот Антиох, который получил имя Великого, о войне которого с римлянами я рассказывал выше. Он царствовал 37 лет. О двух его сыновьях, царствовавших после него, Селевке и Антиохе, я уже говорил раньше. Селевк царствовал 12 лет бездейственно и слабо вследствие несчастья с отцом. Антиох царствовал неполных 12 лет; за это время он взял в плен Артаксия, царя Армении, и ходил войной на шестого Птолемея, который, как сирота, со своим братом был под опекой. Когда он стоял лагерем под Александрией, к нему явился послом от римлян Попилий с письменным приказом, гласившим: «Антиох не должен воевать с Птолемеями». Когда он прочел приказ и сказал, что подумает, Попилий жезлом очертил круг вокруг него и сказал: «думай здесь». Пораженный этим, царь снялся с лагеря. Он ограбил святилище Афродиты в Элимнах и умер от истощения, оставив 9-летнего сына, Антиоха Евпатора, как мной рассказано и об этом.

67. Была раньше речь и об его преемнике, Деметрии, как он был заложником в Риме и, бежав из своего заложничества, стал царем. Он получил от сирийцев имя «Сотера» («спасителя»), вторым после сына Селевка Никатора. Против него поднял восстание некий Александр, ложно заявлявший, что он из рода Селевка. Птолемей, царь Египта, из-за ненависти к Деметрию поддерживал его. Деметрий из-за Птолемея был лишен престола и умер; но Александра изгнал Деметрий, сын этого Деметрия Сотера, и за то, что он победил человека, незаконно претендовавшего на его род, он был назван сирийцами «Никатор» («победитель»);

¹⁸ Ср. Юстин (45,5,15), фракийцы считались самым диким народом.

и он был вторым после Селевка, получившим это имя. По примеру того Селевка и он пошел войной на парфян, но был взят в плен, жил при дворе царя Фраата, и царь выдал за него замуж свою сестру Родогуну.

68. При такой анархии в царском доме царский раб Диодот возвел на трон маленького Александра, сына Александра, незаконно выдававшего себя за Селевкида, и дочери Птолемея. Затем он убил этого ребенка и осмелился сам вступить на престол, переименовав свое имя на Трифона. Но Антиох, брат пленного Деметрия, узнав на Родосе о его пленении, вернувшись с великим трудом в родное царство, убивает Трифона. И он идет походом на Фраата, требуя возвращения брата. Фраат испугался его и отослал Деметрия. Несмотря на это, Антиох вторгся в Парфию, но, потерпев поражение, убил себя. Вернувшегося на престол Деметрия убила его жена Клеопатра, коварно лишив его жизни из-за ревности к его браку с Родогунной, из-за чего она уже раньше вышла замуж за Антиоха, брата Деметрия. У нее было два сына от Деметрия, Селевк и Антиох, которому было прозвище Грип, а от Антиоха—Антиох, которого называли Кизикским. Из них Грипа она уже заранее послала для воспитания в Афины, а Кизикского—в Кизик.

69. Селевка, который тотчас же после отца своего Деметрия надел на себя царскую диадему, она убила, устроив против него заговор¹⁹, боясь ли мести за коварное убийство его отца, или вследствие безумной ненависти ко всем. После Селевка стал царем Грип; он заставил мать выпить то питье, которое она приготовила для него, подмешав яду. Таким образом, наконец, она понесла заслуженное наказание. Но и Грип был достойным сыном своей матери: он стал злоумышлять против Кизикена, хотя и тот был его братом по матери. Последний, узнав об этом, пошел на него войной, изгнал его из царства и вместо него сам стал царем Сирии. Но и против него, хотя он и приходился ему дядей, пошел войной Селевк, сын Антиоха Грипа, и отнял у него престол. Будучи насильником и ведя себя, как жестокий тиран, он был за это сожжен народом в гимнасии в Киликии в городе Мопсуестии; его преемником был Антиох, сын Кизикского. Против него стал злоумышлять его родственник Селевк, но сирийцы считают, что он спасся благодаря своему благочестию, и поэтому дали ему прозвище «Благочестивого» (его спасла гетера, влюбленная в него за его красоту); мне же кажется, что сирийцы дали ему это прозвище в насмешку над ним: этот «Благочестивый» женился на Селене, которая была замужем за отцом его, Кизикеном, и за дядей его Грипом. Тем не менее, попущением божьим он был изгнан из своего царства Тиграном.

70. У его сына, который был у него от Селены, воспитанного в Азии и поэтому получившего прозвище Азиатский, Помпей отнял сирийское царство, как об этом я уже говорил; он был 17-м, начиная с Селевка, царем сирийцев (я не считаю Александра и сына Александра, как лжецарей, а равно и их раба Диодота). Он царствовал, пока Помпей был занят в других местах, всего один год. Власть Селевкидов продолжалась 230 лет. Если кто хочет учесть время от Александра до захвата Сирии римлянами, надо к 230 годам прибавить еще 14 лет правления Тиграна.

Вот что я имел сказать о македонянах, царствовавших в Сирии; это можно считать как-бы составляющим другую книгу.

Перевод С. П. Кондратьева

¹⁹ Конъектура: по тексту—«застрелив его».